

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 4 (78)
2024

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издаётся с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media registration FIV No ФЦ77-69774 of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Б. А. Антонов
Суверен и суверенитет в рамках юридического децизионизма Карла Шмитта 8
- Н. Г. Дашкевич
Конституция СССР 1936 г. – Основной закон «победившего социализма» 28
- Д. В. Ливенцев
Правовое регулирование неравнородных браков в российской правящей династии в XIX – начале XX в. 50
- Р. А. Ромашов
Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) 64

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- С. В. Воронкова, М. А. Юркова
Медиация как способ урегулирования правовых споров в здравоохранении: проблемы и пути решения 82
- А. Ю. Глушаков, А. И. Соболевская
Источники нормативного регулирования деятельности БРИКС 98
- А.-М. М. Маркова
Код налога: как цифровизация меняет и будет менять международное налогообложение 113

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Э. Г. Дадашова
Алиментные обязательства 134

В. А. Новицкий, Л. Ю. Новицкая
Письменные доказательства в гражданском деле:
понятие и процессуальные особенности их формирования,
исследования, фиксации и оценки **148**

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Д. Р. Внукова, О. Р. Шепелёва
Проблемные аспекты правового института привлечения лица
в качестве обвиняемого **170**

О. А. Чабукиани, О. Р. Шепелёва
Единая позиция защитника и подсудимого:
понятие, способы предупреждения злоупотребления **184**

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Boris A. Antonov Sovereign and Sovereignty Within the Framework of Carl Schmitt's Juridical Decisionism	8
Nikita G. Dashkevich USSR Constitution of 1936 – The Basic Law of “Victorious Socialism”	28
Dmitry V. Liventsev Legal Regulation of Unequal Marriages in the Russian Ruling Dynasty in the XIX – Early XX Centuries	50
Roman A. Romashov State-Legal Systems of a Transitional Type (on the Example of the Transformation of the Russian Empire Into a Federal Soviet Socialist Republic)	64

PUBLIC LAW SCIENCES

Svetlana V. Voronkova, Marina A. Yurkova Mediation as a Way to Settle Legal Disputes in Healthcare: Problems and Solutions	82
Alexey Yu. Glushakov, Alexandra I. Sobolevskaya Sources of Regulatory Regulation of BRICS Activities	98
Anna-Maria M. Markova The Code of Tax: how Digitalization is Changing and Will Change International Tax Obligations	113

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

Estelita G. Dadashova Alimony Obligations	134
--	-----

Vitaly A. Novitsky, Lada U. Novitskaya
Written Evidence in a Civil Case: 148
Concept and Procedural Features of Their Formation,
Research, Recording and Evaluation

CRIMINAL LAW SCIENCES

Diana R. Vnukova, Olga R. Shepeleva
Problematic Aspects of the Legal Institution of Bringing 170
a Person as an Accused

Oksana A. Chabukiani, Olga P. Shepeleva
Common Position of the Defense Attorney and the Defendant: 184
Concept, Ways to Prevent Abuse

Суверен и суверенитет в рамках юридического децизионизма Карла Шмитта

Б. А. Антонов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

Предпринимается попытка анализа понятий *суверен* и *суверенитет* в их ретроспективном и актуальном толковании. Ретроспективный анализ обоих понятий предполагает апелляцию к европейской средневековой истории (и в частности, к Священной Римской империи), рассмотренной с позиции юридического децизионизма К. Шмитта (1888–1985 гг.). Актуальное толкование сводится к необходимости переосмысления понятия *суверенитет* и проблематизации рассмотрения данного феномена с точки зрения его полноты. Целью статьи является анализ понятий *суверен* и *суверенитет* применительно к средневековой истории Первого рейха и обоснование актуальности данных понятий в рамках созданной Шмиттом теории децизионизма. Представлен краткий экскурс в историю борьбы за власть абсолютного суверена (на примере Первого рейха); проанализирована оценка понятий *суверен* и *суверенитет*, данная Шмиттом в рамках его теории децизионизма; исследованы причины переосмысления традиционного определения понятия *суверенитет* в свете сегодняшних политико-правовых дебатов.

Ключевые слова: суверен, суверенитет, Священная Римская империя, папа римский, папский интердикт, (юридический) децизионизм, чрезвычайное положение, решение о чрезвычайном положении.

Для цитирования: Антонов Б. А. Суверен и суверенитет в рамках юридического децизионизма Карла Шмитта // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 8–27. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_8. EDN: XJARWY

Original article
UDC 340.124
EDN: XJARWY
DOI: 10.35231/18136230_2024_4_8

Sovereign and Sovereignty Within the Framework of Carl Schmitt's Juridical Decisionism

Boris A. Antonov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

The author of the article attempts to analyze the concepts of *sovereign* and *sovereignty* in their retrospective and current interpretation. A retrospective analysis of both concepts involves an appeal to European medieval history (and in particular to the Holy Roman Empire), considered by the author from the position of legal decisionism of Carl Schmitt (1888–1985). The current interpretation comes down to the need to rethink the concept of *sovereignty* and problematize the consideration of this phenomenon from the point of view of its completeness. The purpose of the article is to analyze the concepts of *sovereign* and *sovereignty* in relation to the medieval history of the First Reich and to substantiate the relevance of these concepts within the framework of the theory of decisionism created by Schmitt. The article provides a brief excursion into the history of the struggle for the power of an absolute sovereign (using the example of the First Reich); the assessment of the concepts of *sovereign* and *sovereignty* given by Schmitt within the framework of his theory of decisionism is analyzed; The reasons for rethinking the traditional definition of *sovereignty* in the light of today's political and legal debates are explored.

Key words: sovereign, sovereignty, the Holy Roman Empire, Pope, papal interdict, (legal) decisionism, state of emergency, emergency decision.

For citation: Antonov, B. A. (2024) Suveren i suverenitet v ramkakh yuridicheskogo detsizionizma Karla Shmitta [Sovereign and Sovereignty Within the Framework of Carl Schmitt's Juridical Decisionism]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 8–27. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_8. EDN: XJARWY

Введение

В своих работах К. Шмитт неоднократно возвращался к понятию децизионизма¹ определяя его как политическое решение, обоснованное соответствующей властью – в лице суверена² или государства, а не законом. В обоих случаях децизионизм, по Шмитту, выступает в качестве мерила суверенности первого (суверена) и суверенитета второго (государства). Вопрос полноты суверенной власти в значительной степени проблематизируется при одновременном действии двух влиятельных ветвей власти, наделенных приблизительно равными правовыми полномочиями.

Такая ситуация сложилась в Священной Римской империи (Первом рейхе), где децизионизм светской (представленной императором) и религиозной (представленной папой) власти выражался в наделении каждого из ее представителей правом *принимать решение*. При этом власть императора, помимо его обязанности подчиняться церкви (в лице папы), была ограничена коллегией курфюрстов, изначально наделенных правом участия в выборах императора (даже если речь шла о его дезигнации (назначении)).

Вынужденное подчинение императора католической церкви, с одной стороны, и ограничение его власти имперской курией, с другой, ставили под вопрос *суверенность* первого и увеличивали *влиятельность* власти второй. Несмотря на стремление и императора, и папы вернуться к единству созданного богом универсума (которое удавалось сохранять до XI в.), их тандем в конце концов распался. Одна из причин – противоречия имперских решений по отношению к папским. В основе не пре-

¹ См. Шмитт К. О трех видах юридического мышления (1934).

² См. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете (1922), Римский католицизм и политическая форма (1923), Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum* (1950).

кращающейся в течение нескольких столетий борьбы между имперским и папским престолом лежало *решение* (желание) императора придать империи *мирское* содержание, и противоречащее этому *решение* (стремление) папы наполнить ее содержанием *теологическим* [5]. Такой тип децизионизма в его предельном выражении провоцировал папу на принятие решения об отлучении императора от церкви (с последующим лишением его христианской и юридической правосубъектности), которое (решение) было основано на римско-католической догме и считалось на основании этого непогрешимым. Что касается императора, то он был наделен правом принимать встречные решения по низложению папы (которые предполагали назначение императором нового главы Римско-католической церкви).

Краткий экскурс в историю борьбы за власть абсолютного суверена (на примере Первого рейха)

Понятие *суверена* и *суверенитета* появилось в позднем Средневековье (XVI в.), т. е. в то время, когда началось разложение Священной Римской империи. Причины столь «позднего» появления таких необходимых для описания власти терминов следует искать и в анналах истории самой империи, и в гетерономной системе сложных отношений европейских королевств, не вошедших в ее состав. Наиболее сложным был вопрос о том, кто именно – *император* или *папа римский* – был главным актором, обладавшим верховным правом вмешательства во внутреннюю политику политий (с правом влияния на их внешнюю политику): «Спор о примате власти между папством и светскими представителями определит дальнейшее развитие отношений между ними на протяжении целого ряда столетий, когда "священный союз" христианской церкви и империи будет суще-

ствовать в условиях непрерывного соперничества» [1, с. 3]. Но если предметом спора выступал «примат власти» между папой и императором, то целью борьбы для первого было завоевание верховенства в христианском мире, а целью второго – централизация светской власти и объединение под ее началом всех входящих в состав империи королевств. Другими словами, все попытки возвышения власти одного над властью другого представляли собой устремления двух суверенных персон обрести статус *абсолютного суверена*.

Выбор императора в качестве главного актора, обладавшего полномочиями суверена, должен был предполагать, с одной стороны, подчинение его власти всех королевств, входящих в состав империи, а с другой – подчинение его влиянию тех политий, которые находились вне имперских границ. Однако большинство монархий, не вошедших в состав Первого рейха (Польша, Франция, Англия, Шотландия, Скандинавия, южная часть Италии), «не признавали власти императора, а высказываемые порой императорами претензии на сюзеренитет над ними не подкреплялись реальными внешнеполитическими шагами» [4, с. 11–12]. Попытки папы использовать свой авторитет в духовных вопросах для оказания влияния на европейские королевства в большинстве своем также заканчивались неудачей.

Усиление власти папства произошло в XI в. с принятия ряда декретов на Латеранском соборе (1059), многие из которых способствовали отделению церковной власти (папы) от светского влияния (императора), но в конечном итоге привели к борьбе между императором и папой за инвеституру, в результате чего «встал вопрос о суверенитете ...: если император Запада претендовал на ту же степень суверенности, что и император Востока, то набирающее силу папство пыталось утвердить свою

гегемонию, возводя право на суверенитет непосредственно к Господу» [4, с. 14].

Начиная с середины XII в. борьба за власть между папой и императором проходила с переменным успехом, который нередко зависел от того, чьи интересы – папы или императора – поддерживали участвовавшие в этой борьбе политические силы.

Рубеж XII–XIII вв. был ознаменован почти вековой историей верховенства папской власти над светской: одно то, что полномочием коронации императора обладал только папа, свидетельствовало о подчиненном положении высшего представителя светской власти высшему представителю власти религиозной. К первой половине XVI в. власть папы заметно ослабевает, свидетельством чего становится возможность избрания кандидата на престол только коллегией курфюрстов, минуя коронацию императора папой. Усиление власти папы не привело к усилению власти императора, но и папа в конечном итоге утратил полномочия влиятельного актора, стоящего на верхней ступени иерархической лестницы Средневековья: «верхушка старого иерархического порядка, империя и церковь как мирская власть отступили на задний план и поблекли, а определенные сообщества, стоявшие в иерархии союзов на более низкой, чем империя, ступени, уплотнились...» [Цит. по: 6, с. 341]. Таким образом, то, что в приведенной цитате характеризуется как *отступление на задний план мирской власти в лице церкви и империи*, было спровоцировано появлением на политической арене Средневековья «определенных сообществ» в лице не-универсальных, не над-национальных и ограниченных (в отличие от империи) европейских королевств, которые, занимая более низкое политическое положение, чем империя, завладели имперскими полномочиями по принципу «король является императором в пределах

своих владений». Данное обстоятельство привело к тому, что в общественном сознании сформировался образ империи по отношению к тем образованиям, которые империями не являлись: «...этих полномочий¹ оказалось слишком много, чтобы перед ними могла устоять самостоятельность многообразных сообществ и властей. Король становится сувереном, и подданный оказывается в конечном счете один на один с сувереном, без социального посредничества, поруки и защиты» [5, с. 300].

Суверенитет сквозь призму децизионизма К. Шмитта и универсализма католической церкви

Свою, отличную от всех остальных, интерпретацию суверенитета предложил в своем трактате «О трех видах юридического мышления» немецкий философ права Карл Шмитт, определяя его сквозь призму полномочий *суверена*. В отличие от Мориса Ориу Шмитт отрицал возможность существования сильного государства в условиях *ограничения суверенитета правовой нормой*, доказывая, необходимость применения *экстраординарной* (а не абсолютной и / или легитимной) *власти* в условиях войны, кризиса или революции, когда в силу своей абстрактности, вневременности и внепространственности правовая норма «не работает», в связи с чем возникает необходимость введения чрезвычайного положения, единоличное решение о котором принимает *суверен*. Другими словами, Шмитт находит необходимым апеллировать к такому типу суверена, который предполагает обязательность применения *децизионистского мышления*. Таким сувереном в период Священной Римской империи становится папа, совершавший, в случае принятия исключительного решения о низложении императора,

¹ Имеются в виду те имперские полномочия, которые взяли на себя заведомо неимперские образования.

акт насилия, воспринимаемое как «чудо», ибо «исключительное по своей значимости всегда оказывалось много выше и качественнее нормального, тем самым часто приобретая даже значение и статус сакрального» [2, с. 12].

Наиболее убедительно идея папского децизионизма выражена в знаменитом «Диктате папы», некоторые параграфы которого гласят: «Никто не смеет отменить его решения, а он сам отменяет чьи угодно. Никто ему не судья» (§ 16–19); «Римская церковь никогда не заблуждалась, и впредь, по свидетельству писания, не будет заблуждаться» (§ 22); «Римский епископ, канонически поставленный, заслугами св. Петра непреложно получает святость» (§ 23) [Цит. по: 3, с. 85]. Эти и многие другие, выраженные в духе безапелляционных суждений сентенции «Диктата», сводят средневековую католическую доктрину к определению суверенной власти как власти *непосредственного подчинения Богу*: «А поскольку такую власть представлял только папский престол..., то обладателем неограниченного суверенитета являлся один папа» [3, с. 94].

Более того, вплоть до образования Второго рейха (1871) понятие *суверен*, будучи связанным с единоличным политическим решением главы государства или папы, являло собой лишь *символ* теологического (духовного) или светского единства немецкой нации, но никак не то реальное состояние, в котором нация на тот момент находилась.

Еще одной причиной выдвижения папы как суверена Шмитт считает *универсализм* (всеобщность) римско-католицизма, который был характерен сначала для Римской, а затем для Священной Римской империи и который всегда делал ставку «на конкретную личную репрезентацию конкретной личности»: «Что римско-католическая церковь как исторический комплекс и административный аппарат продолжает *универсализм*

Римской империи, – с этим примечательным образом согласны все стороны» [9, с. 62].

В отличие от империи во главе с императором, универсализм которых направлен на установление экономических (а впоследствии промышленных) ценностей, католическая церковь нацелена на ценности гуманитарного порядка ибо «в каждое мгновение изображает собой вочеловечение и крестную жертву Христа, лично ставшего в исторической действительности человеком Бога» [9, с. 75]. Весьма проблематичным в этих условиях оказалось построение единого децизионистского центра власти, артикулирующего такую политическую цель, которая бы в конечном итоге придала империи статус большого пространства, обладающего всей полнотой суверенитета. Допущение, которое делает Шмитт в «Римском католицизме», доказывает его готовность подтвердить потенциальную победу церковной власти над светской с последующей деполитизацией власти императора. И если бы эта победа была одержана, то «церковь осталась бы единственной носительницей политического мышления и политической формы; у нее была бы чудовищная монополия, а ее иерархия была бы ближе к политическому мировому господству, чем когда бы то ни было в Средневековье» [9, с. 80].

Проблема суверена применительно к Священной Римской империи с позиции К. Шмитта

Так насколько же полной был суверенитет папы при наличии действующей светской власти, и насколько суверенной была власть императора в условиях действия всех тех ограничений, которые налагала на него католическая церковь? И возможно ли считать, что государство обладает суверенитетом при наличии не одного (представленного императором), а двух центров власти,

второй из которых представлен папой? Боден, будучи первым, кто предложил свое определение суверенитета как «абсолютной непрерывной власти государства», ответил бы на все поставленные вопросы отрицательно. Постоянно испытывая влияние Римской католической церкви и необходимость реализации тех или иных условий, обязательств и обещаний перед князьями, курфюрстами и феодалами, император (король) воспринимал все эти условия, обязательства и обещания как *обязывающие к исполнению*. Но, комментируя эту мысль Бодена и в принципе разделяя ее, Шмитт обращает особое внимание на те условия, при которых властитель имеет право *игнорировать* обязывающую силу обещания, обязательства и даже закона. Таким условием и, по мнению Бодена, и, по мнению Шмитта, может считаться наличие *крайней необходимости* (Боден) или, другими словами, определенного случая, который впоследствии трактовался Шмиттом как чрезвычайное положение и при возникновении которого (повторим) властелин обретает право изменить или игнорировать закон (обещание) и принять самостоятельное решение, свободное от любого внешнего влияния. Только в таком случае он становится сувереном, власть – суверенной, а пространство его правления – государством (признаком которого до сих пор считается суверенитет). Последнее условие – наличие государства как пространства правления суверена – было впервые провозглашено Гоббсом в «Левиафане» и прокомментировано профессором Филипповым следующим образом: «...никакого народа, заключающего договор с сувереном, нет до тех пор, пока нет государства. Никакого государства нет, пока нет суверена» [5, с. 180].

Именно этим условием – условием наступления чрезвычайной ситуации – руководствуется децизионизм Шмитта, «разрешая» суверену принимать решения и используя

при этом «абсолютную непрерывную власть государства». Но в силу какого именно чрезвычайного положения император Священной Римской империи Генрих IV принимал решение о низложении папы Георга VII? И на основании какой именно «крайней необходимости» папа Георг VII отлучал от церкви Генриха IV? Оба вопроса по сути своей касаются критерия, в соответствии с которым император – или папа – были бы наделены компетенцией считать ситуацию (в соответствии с которой каждый из них имел полномочие принимать решение) чрезвычайной. Но апеллируя к истории Первого рейха, приходится, вслед за Шмиттом, признать, что оба вопроса остаются открытыми. «Быть сувереном означало иметь полномочия. В рамках неясных правовых отношения старого Германского Рейха ... из одного из многочисленных признаков (суверенитета – прим. Б. А.) делался вывод, что и другие сомнительные признаки также должны иметься в наличии. Разногласие всегда было в том, *в чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция*» [9, с. 22]. «Кто суверен?» аналогичен «кто компетентен?», но ни конкретный порядок (в лице императора и папы), ни тем более правопорядок (в связи с неясностью правовых отношений) не дают ответа на эти вопросы. Более того, по Шмитту, вопрос о суверенном решении, суверене и суверенитете отодвигается еще дальше в случае разделения компетенций и введения (государством) взаимного контроля «компетентных органов» друг за другом¹[9].

Возвращаясь к истории Священной Римской империи, скажем, что власть императора в светском мире должна была подчиняться власти папы, который, в свою очередь, был ограничен в своих полномочиях в мире христианском. Ограничения такого рода были основанием для

¹ Очевидно, что речь в данном случае идет об американской системе сдержек и противовесов.

недовольства обоих и находили выражение в борьбе за инвеституру, ярким примером которой была конфронтация между папой и императором, продолжавшаяся почти пятьдесят лет (1076–1124). С другой стороны, именно подобного рода конфронтация помогала империи преодолеть распад, ибо, как справедливо утверждал Боден, «при неограниченных полномочиях власть не суверенна, если не постоянна». Возможным в связи с этим становится предположение, согласно которому «обмен» суверенными решениями с их последующей реализацией и был одной из тех причин, которая объясняет «постоянство» Священной Римской империи на протяжении почти девяти веков¹. С другой стороны, конфликт между папством и престолом империи не мог не ослабить и верховную власть последнего, и империю в целом, в результате чего усилилась власть сообществ великих князей и аббатов².

Шмитт не усматривал ни в германском императоре, ни в коллегии курфюрстов новый (децизионистский) центр принятия решений, а значит ни коллегия (как коллективный орган власти), ни император (имеющий ограниченные властные полномочия), по мнению Шмитта, не могли рассчитывать на получение статуса суверена. Надежду на восстановление конкретного порядка Шмитт связывал с наличием в Первом рейхе *институционального* правового мышления, которое немецкий философ обозначил как *мышление в категориях конкретного порядка*.

При этом не следует забывать, что на фоне феодальной раздробленности и правового партикуля-

¹ Представление об империи как о единственной силе, которая была в состоянии сдержать приход Антихриста, было свойственно и императору, и папе: «Вера, что некая сдерживающая сила задерживает наступление конца света (kat-eschon), наводит тот единственный мостик, который ведет...к столь величественной исторической мощи, какая была присуща христианской императорской власти германских королей» [5, с. 35].

² Вормский конкордат (1122–1123) внес относительное равновесие и спокойствие в отношения папы и императора. Согласно его условиям, «избранные прелаты получали духовную инвеституру – возведение в сан (кольцо и посох) – от папы, а светскую – право на землевладение (скипетр). – от императора.

ризма юридическое мышление, согласно Шмитту, оставалось до определенного времени *единым*, став, однако, впоследствии (в XX в.) «жертвой» таких, якобы привнесенных римским правом правовых доктрин, как нормативизм и позитивизм. Пусть и чисто гипотетическая, но, тем не менее, вполне ясно выраженная в «Трех видах юридического мышления» мысль о необходимости возвращения в Германию средневекового единого институционально-правового мышления (в терминологии Шмитта – мышления в категориях конкретного порядка) есть не что иное как попытка немецкого философа заявить о необходимости распространения в Германии децизионизма, в рамках которого на верховного правителя возлагаются полномочия суверена.

**Соотношение понятий «император» – «папа»
применительно к Первому рейхе:
*potestas v. auctoritas***

Гармонию властных отношений раннего периода европейского Средневековья Шмитт объяснял разделением функций императора и папы, ибо *potestas* – императорская власть, которая предполагает навязывание, сочетается с властью папы (*auctoritas*), основанной «на удивительном соединении наипростейших комплексов и инстинктов»: «Папа по своему имени есть отец, а Церковь есть мать верующих и невеста Христова – удивительное соединение патриархального с матриархальным, которое способно сориентировать на Рим оба потока наипростейших комплексов и инстинктов, уважение к отцу и любовь к матери – разве бунт против матери возможен?» [9, с. 65].

Другими словами, если церковь апеллирует к психосоциальной природе человека, то политическая власть ос-

нована на рациональном мышлении: «В отличие от современного понимания, которое имеет дело с объективной материей и ее рациональностью, рациональность церкви имеет дело с человеком, с его социально-психологической природой» [9, с. 70]. Проще говоря, прагматика церковной установки – это апелляция к духовности и социальности человека, а прагматика императорской власти – это апелляция к рациональному человеку, к его *ratio*.

Однако противостояние между императором и папой, продолжавшееся в течение нескольких столетий, привело к смешению их функций, в результате чего уже в XIII в. общественное сознание было готово принять светскую и религиозную власть как две противостоящие друг другу силы. Источником противостояния стало использование императором – *auctoritas*, а папой – *potestas*: «Политическая механика имеет свои законы, и католицизм, подобно всякой иной исторической величине, втянутой в политику, охватывается этими законами» [9, с. 72].

В результате духовная власть церкви трансформировалась в ту власть, которая изначально могла быть прерогативой только власти императоров. Вместе с короной папа передает императору некую функцию, связанную не столько с политическим, сколько с духовным влиянием императора, которое тот обязан воспринять как «некое поручение, исходящее из совершенно иной сферы, нежели достоинство королевской власти» [7, с. 38–39].

«Старого суверенитета больше нет ...и не будет...»

Трактовка Шмиттом понятий *суверен* и *суверенитет* можно кратко охарактеризовать как право государства (или отдельного человека в статусе суверена) принимать решение, свободное от влияния любых внешних сил, включая силу закона. При этом не стоит забывать,

что в разные эпохи и в разных политико-правовых контекстах суверенитет далеко не всегда трактовался и описывался именно так: у Ж. Бодена он был *абсолютным*, у М. Ориу – *политическим и юридическим* (де-юре и де-факто), у О. А. Омельченко – *отчужденным*, у А. Эсмена – *внешним и внутренним*, у Н. И. Павлиенко – *объективным и субъективным*.

То, что обобщает, а заодно и примиряет большинство вышеназванных определений суверенитета, заключено в стремлении их авторов трактовать суверенитет как абсолютную, легитимную и независимую власть государства принимать любые политические решения и считать вмешательство в его внутренние дела посягательством на свою независимость, а значит и на свой суверенитет. Условием сохранения суверенитета государства в этом случае выступает единство его целей и интересов наравне с личной ответственностью суверена за реализацию этих целей и защиту этих интересов.

Ответ на вопрос о том, насколько уместно было бы апеллировать сегодня к такому определению суверенитета, скорее всего, был бы отрицательным. Так, профессор А. Ф. Филиппов утверждает, что в случае принятия традиционного определения суверенитета его сегодняшние сторонники рискуют инициировать и длить «научный дискурс», обмениваясь мнениями и аргументами, которые «имеют лишь относительную политическую ценность» [5, с. 174]. Относительность политической ценности подобной научной риторики возможно объяснить как минимум двумя факторами.

Первый имеет форму терминологического закона, который гласит: чем большее количество определений имеет тот или иной феномен, тем более «туманно» его содержательное наполнение. На первый взгляд, кажется, что в случае с суверенитетом мы имеем обратную

ситуацию: как бы он ни трактовался разными исследователями, суть его остается приблизительно одинаковой. На самом же деле бесчисленные научные споры о том, какой именно суверенитет выступает наиболее эффективной формой государственной власти (а точнее, каким должно быть наиболее успешное соотношение суверенитета внешнего и внутреннего, де-юре и де-факто, сильного де-юре и слабого де-факто и т. д.) лишней раз доказывают флюктуацию его содержательного наполнения и снижает практическую ценность сегодняшних политико-правовых дебатов.

Второй фактор, в значительной степени объясняемый первым, связан с наступлением тех глобализационных процессов, которые привели к изменению самой сущностной природы понятия *суверенитет* и свели на нет все попытки использования одного – раз и навсегда законодательно зафиксированного – определения: «Старого суверенитета ...больше нет и не будет... само это понятие стало архаичным в современном мире. Делать ставку на укрепление суверенитета государства в эпоху глобальных взаимозависимостей просто нелепо» Те случаи, когда политические действия власти, опирающейся на традиционную концепцию суверенитета, оцениваются нацией и международным сообществом как успешные, Филиппов характеризует не как повод для возвращения к его традиционному определению и сохранению, но как лишнее доказательство того, что суверенитет – это «сложное, слоистое устройство социальной жизни, в которой прошлое не исчезает в одночасье, но длит и длит свое существование ...» [5, с. 174–175].

Исследуя феномен суверенной власти, профессор А. Ф. Филиппов рассматривает в качестве критерия ее измерения *(не)полноту*. Суверенитет оценивается как *полный* в случае, если государство обладает *суверенной*

компетенцией, т. е. способностью самостоятельно¹ принимать важные политические решения, и как *неполный*, если источником таких решений становятся другие страны. Если страна недостаточно самостоятельна при принятии важных политических решений, но при этом в ней сохраняется благоприятная политическая и экономическая обстановка, оценка ее суверенитета как симптома неблагополучия опротестовывается или просто игнорируется ее политиками и государственными деятелями. При этом результатом неполного суверенитета часто становится так называемое «внешнее управление», негативные последствия которого могут быть обнаружены не сразу: «...уходя от проблемы в период благополучия, можно тем самым дать ход вызревающим сомнениям, когда что-то не заладится» [8, с. 174].

Заключение

Что же стоит сегодня за такими понятиями, как *суверенитет*, *суверенное государство* и / или *суверен*? А главное, можно ли сегодня апеллировать к ставшей уже классической боденовской трактовке суверенитета как «абсолютной непрерывной республиканской власти государства» или пора начать повсеместно пользоваться формулой Шмитта «*Суверен – это тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении*», не учитывая при этом политико-правового контекста того или иного современного государства? Очевидно, что все эти понятия нуждаются в переосмыслении даже в том случае, если их сегодняшнее содержательное наполнение частично совпадает с традиционными определениями, которые

¹ Самостоятельность принятия государственных решений предполагает соотнесение действий государства с собственным целеполаганием без участия в данном процессе внешних сил. Понятие *суверенная компетенция* не следует путать с термином *компетенция компетенций*, которое было предложено М. Ориу для определения суверенитета. Раскрывая юридический смысл суверенитета, Ориу трактовал его как возможность верховной власти определять компетенции органов и должностных лиц, называя такую возможность компетенцией компетенций.

были даны когда-то Боденом, Гоббсом, Шмиттом или Ориу. Недальновидно было бы полностью отказываться от традиционного определения, памятуя о том, что «видимость сохранения старого суверенитета имеет объективный характер: это не оптический обман, а сложное, слоистое устройство социальной жизни, в которой отжившее не исчезает в одночасье, но длит и длит свое существование ...» [5, с. 175]. Слоистость суверенитета может также подразумевать его неравное распределение и неравноправное пользование им среди всех членов мирового сообщества. По Шмитту, «величина» суверенитета в стране зависит *не от размера* занимаемого ею пространства, а *от степени* ее влияния на политические, экономические, социальные и культурные сферы находящиеся за ее пределами государств: «Нельзя представлять себе дело так, будто все пространство Земли поделено между равноправными, территориально хорошо отграниченными друг от друга государствами. На самом деле есть государства, которые лишь по видимости являются таковыми и не могут удержать свой суверенитет над территориями, есть великие державы и есть межгосударственные территории, которые, на первый взгляд, подпадают под юрисдикцию общего для всех международного права, но фактически регулируются в свою пользу. Империи, рейхи – это как раз такие мировые силы, и разговор идет о том, как распространяется их влияние на сферы, далеко выходящие за границы политических единств. У этого аргумента есть философская составляющая, которую мы и пытаемся реконструировать» [6, с. 308].

Суверен как *персонифицированная государственная власть* представляет собой не менее «сложное, слоистое» образование, которое, как и суверенитет, зародилось и развивалось в европейском Средневековье. Характерной чертой того времени и той империи, которую пред-

ставлял собой Первый рейх, было разделение верховной власти между монархом, курфюрстами и папой римским. Следствием такого разделения было ограничение императорской власти властью церковной. Вопрос о том, можно ли в данном случае говорить об императоре как о суверене или наоборот – речь идет об отсутствии у него суверенной власти – остается открытым. Ясно лишь то, что *«средневековое мышление ... являлось вполне конкретным мышлением о порядке ...»* [8, с. 311] и что эта, ставшая уже классической сентенция Шмитта полагает средневековое конкретное мышление как представление об империи, основанной богом, в которой существует *два не противоречащих друг другу порядка существования людей – государство и церковь...*

Список литературы

1. Бондаренко Ю. В. Церковь в политической истории Западной Европы в период борьбы за инвеституру // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. – № 2. С. 1–6.
2. Исаев И. А. Политическое завещание великого инквизитора (три очерка о суверенности) // Les Russica. – 2015. – Т. 4. – С. 7–18.
3. Колесницкий Н. Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность. – М.: «Наука», 1977. – 199 с.
4. Куприянов А. В. "Вестфальский миф" и "вестфальский" суверенитет. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. С. 11–23.
5. Филиппов А. Ф. Суверенитет как политический выбор // Суверенитет. – М.: Европа, 2006. – С. 173–190.
6. Филиппов А. Ф. Техника диктатуры: к логике политической социологии (2009) // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. – СПб: Владимир Даль, 2015. – Т. 2. – С. 317–369.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 670 с.
8. Шмитт К. О трех видах юридического мышления. – М.: Территория будущего, 2013. – 444 с.
9. Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – 568 с.

References

1. Bondarenko, Y. V. (2016) *Cerkov` v politicheskoy istorii Zapadnoj Evropy` v period bor`by` za investiture* [Church in the political history of the Western Europe in its struggle for investiture]. *Vestnik of UYI MVD Rossii – Bulletin of the Ufa Law Institute, Ministry of the Interior, Russia*. No. 2. Pp. 1–6. (In Russian).

2. Isaev, I. A. (2015) Politicheskoe zaveshhanie velikogo inkvizitora (tri ocherka o suverennosti) [The political testament of the Grand Inquisitor]. *Les Russica*. Vol. 4. Pp. 7–18. (In Russian).

3. Kolesnickij, N. F. (1977) «Svyashchennaya Rimskaya imperiya»: prityazaniya i dejstvitel'nost' ["Holy Roman Empire": claims and reality]. Moscow: Nauka. (In Russian).

4. Kupriyanov, A. V. (2019) "Vestfal`skij mif" i "vestfal`skij" suverenitet. Analiz i prognoz [The "Westphalian myth" and "Westphalian" sovereignty. Analysis and forecast]. *Zhurnal IME`MO RAN – The Journal of IME`MO RAS*. No. 4. Pp. 11–23. (In Russian).

5. Filippov, A. F. (2006) Suverenitet kak politicheskij vy`bor [Sovereignty as the political choice]. *Sovereignty*. Moscow: Evropa (In Russian).

6. Filippov, A. F. (2015) Tekhnika diktatury`: k logike politicheskoy sociologii [The technique of dictatorship: to the logics of political sociology]. *Sociologia: nablyudeniya, opy`ty`, perspektivy` – Sociologia: observations, experiences, perspectives*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 2. Pp. 317–369 (In Russian).

7. Shmitt, K. (2008) *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the Earth in the law of nations]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' (In Russian).

8. Shmitt, K. (2013) *O trekh vidah yuridicheskogo myshleniya* [About three types of legal thinking]. Gosudarstvo: pravo i politika. Moscow: Territoriya budushchego (In Russian).

9. Shmitt, K. (2016) *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. Moscow: Nauka (In Russian).

Об авторе

Антонов Борис Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8233-9520 , e-mail: heidel@rambler.ru

About the author

Boris A. Antonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-8233-9520, e-mail: heidel@rambler.ru

Поступила в редакцию: 09.10.2024
Принята к публикации: 11.11.2024
Опубликована: 24.12.2024

Received: 09 October 2024
Accepted: 11 November 2024
Published: 24 December 2024

Конституция СССР 1936 г. – Основной закон «победившего социализма»

Н. Г. Дашкевич

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В рамках данной статьи анализируются предпосылки конституционной реформы 1935–1936 гг., рассматривается исторический опыт проведения всенародного обсуждения проекта Основного закона. Уделяется внимание вопросам вступления принятой Конституции в действие, а также реализации ее положений в повседневной жизни советских граждан. По итогам исследования делается вывод о том, что Конституция 1936 г. стала важнейшим политико-правовым документом того времени, однако реализация ее основных социально-экономических положений в повседневной жизни носила, преимущественно, декларативный характер.

Ключевые слова: Конституция, Основной закон, социализм, социалистическое право, 1936 г., И. В. Сталин.

Для цитирования: Дашкевич Н. Г. Конституция СССР 1936 г. – Основной закон «победившего социализма» // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 28–49. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_28. EDN: XOFJYO

USSR Constitution of 1936 – The Basic Law of “Victorious Socialism”

Nikita G. Dashkevich

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Within the framework of this article, the prerequisites of the constitutional reform of 1935-1936 are analyzed, the historical experience of conducting a nationwide discussion of the draft Basic Law is considered. Attention is paid to the issues of the entry into force of the adopted Constitution, as well as the implementation of its provisions in the daily lives of Soviet citizens. According to the results of the study, it is concluded that the Constitution of 1936 became the most important political and legal document of that time, however, the implementation of its main socio-economic provisions in everyday life was mainly declarative in nature.

Key words: The Constitution, the Basic Law, socialism, socialist law, 1936, I. V. Stalin.

For citation: Dashkevich, N. G. (2024) Konstitutsia SSSR 1936 g. – Osnovnoi zakon «pobedivshogo socializma» [The Constitution of the USSR of 1936 – The Basic law of “victorious socialism”]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 28–49. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_28. EDN: XOFJYO

Введение

Построение первого в мире социалистического государства обуславливалось экономическими, идеологическими и правовыми изменениями в жизни советского общества, главным из которых в 30-е гг. XX в. стало принятие Основного закона страны, провозгласившего победу социализма в СССР. Конституция 1936 г., как акт наивысшей юридической силы на территории Союза ССР продолжала действовать вплоть до принятия Конституции «развитого социализма» в 1977 г.

Являясь важнейшим временным этапом в построении социализма, 30-е г. XX в. характеризуются прежде всего стремительно менявшейся жизнью населения: индустриализация, коллективизация и «культурная революция» способствовали становлению «нового человека» новой формации с новыми идеалами и жизненными принципами. Это было время грандиозных свершений, когда, с одной стороны, коренным образом менялась повседневная жизнь граждан, с другой – новые жизненные принципы вызвали неоднозначное восприятие. Следует согласиться с мнением специалистов, что в этот короткий исторический период вместил в себя то, что порой не вмещается и в рамки целых десятилетий [12, с. 508]. Так, В. О. Левашко справедливо заметил, что окончание индустриализации и коллективизации, перемены в классовом составе советского общества, вызовы межнационального характера – все это обозначало важность и необходимость в пересмотре Конституции государства [19, с. 13].

В ходе данного исследования представляется необходимым проанализировать значение Конституции 1936 г., как центрального документа советского демократизма через призму обсуждения проекта Конституции, а также через понимание народом ценности Основного закона. Принятие Конституции 1936 г. в парадигме развития

советской демократии опосредовалось мнением народа как источника власти. Вопрос легитимизации политических нововведений требовал участия масс в обсуждении предложенного проекта Основного закона.

Предпосылки конституционной реформы 1935–1936 гг.

В рамках развития советского конституционализма гражданам было известно о действующей на тот период времени Конституции СССР 1924 г., ранее действовавшей Конституции 1918 г., а также о соответствующих республиканских Конституциях, также немаловажную роль играли акты конституционного значения – декреты. К слову, Л. Д. Троцкий отмечал, что в период издания первых декретов советской власти население восприняло их положительно и было на стороне нового правительства¹. В свою очередь, П. И. Стучка утверждал: «Закон и законности сами по себе являются лишь формой, содержание которой зависит от того, какой класс находится у власти и чье классовое право охраняет и проводит это государство» [24, с. 296]. Г. С. Гурвич справедливо заметил: «Конечно, кто захотел узнать внутренние движущие силы, создавшие нам Конституцию, тот должен обратиться к экономической и политической истории той эпохи» [4, с. 6].

В самой первой Конституции РСФСР 1918 г. примечательным «введением» стала Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, цель которой, по мнению Н. К. Крупской, такая же, как и цель французской декларации – провозглашение свободы, равенства и братства, но и также учет классовой борьбы в капиталистическом обществе [15, с. 4]. Однако революционная законность первого периода существования советской власти не являлась «импульсом революционного правосознания» [3,

¹ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 3, ч. 1. 1924 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trot1224.html> (дата обращения 01.11.2024).

с. 47]. Думается, что советская власть стремилась улучшить жизнь простого человека всеми возможными средствами, в том числе и нормативными. После образования СССР встал вопрос о создании и принятии нового Основного закона. Считалось, что социалистическая реконструкция всего народного хозяйства вызвала коренное изменение в соотношении классов в стране – именно это требовало изменений в Конституции, принятой в 1924 г.¹

Несмотря на принятие менее чем за 20 лет существования Советского государства трех конституций, думается, что уже к середине 1930-х гг. XX в. у советского населения были относительно стойкие убеждения касательно сущности Основного закона, его политической ценности и значимости в повседневной жизни. По мнению Н. И. Капченко, 12-летний промежуток между Конституцией 1924 г. и Конституцией 1936 г. стал тем временем, когда первый акт стремительно терял свою актуальность, поскольку прогресс общественных отношений, рост вопросов, на которые необходимо оперативно давать ответ, а также иные жизненные трудности требовали точного, а самое главное – законного решения, которое не могло быть найдено вследствие «отсталости» старой Конституции [12, с. 497].

В качестве причины принятия Конституции Ю. С. Кукушкин и О. И. Чистяков выделяли аспекты, которой связаны с тем, что СССР стал первым государством за всю историю человечества, в котором произошла победа социализма – именно такая победа требовала соответствующего законодательного оформления [16]. С данной позицией соглашается и Р. Давид, заявивший, что «итоги двадцатилетних усилий были подведены в 1936 г., когда была принята новая Конституция» [6, с. 173]. А. А. Липатовым и Н. Т. Савенковым обозначено, что социалистический демократизм как явление, характерное для Советского

¹ И. В. Сталин. Краткая биография. Л.: Лениздат. 1947. С. 155.

государства, нашло своё воплощение как раз таки в Основном законе 1936 г. – именно рост социалистической законности посредством конституционной реформы поможет еще больше сплотить власть и народ, что следует из самой сущности развития социалистического строя¹.

В докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. И. В. Сталин отдельно подчеркнул, что в новой Конституции должны быть учтены «те сдвиги в жизни Союза ССР в сторону социализма, которые были осуществлены за период от 1924 г. до наших дней»². Данные «сдвиги» произошли прежде всего в социально-экономической сфере, когда была уничтожена эксплуатация человека человеком; социалистическая собственность стала центральной основой существования советского общества; изменилась классовая структура общества.

Думается, что прогресс Советского государства и советского общества требовал качественно новой юридической формы – нового Основного закона, в котором должны были быть отмечены все завоевания советской власти, связанные прежде всего с подтверждением факта построения в СССР социализма.

Всенародное обсуждение – фактор легитимизации проекта Конституции 1936 г.

Проведение всенародного обсуждения стало первой в истории государства кампанией по активному вовлечению граждан в общественно-политическую жизнь страны. Государственные и партийные органы демонстрировали важность и значение голоса каждого человека, кто выскажется о новой Конституции, предложит дополнения или проявил иную форму своей активности. Предложенный советским руководством и разработанный им 1935–

¹ История советской конституции 1917–1956 гг. / Липатов А. А., Савенков Н. Т. М.: Госюриздат, 1957. С. 5.

² Правда. 1936. 26 ноября.

нач. 1936 г. текст прошел через «жернова» всенародного обсуждения. Г. И. Третьяков замечал, что народы СССР по итогам победы социализма и закрепления данного факта в новой Конституции изменили жизнь в стране в лучшую сторону, единение партии власти и общества, которое выразилось во всенародном обсуждении проекта Конституции 1936 г., показало их неразрывную связь между собой [25, с. 98].

Однако В. Хаустов и Л. Самуэльсон считают, что малочисленная явка граждан на различные мероприятия, а также попытки имитации бурного обсуждения и дискуссий по положениям Основного закона вызывали прежде всего неверие советского народа в те изменения, которые были предложены властями [26, с. 67–68]. Другие исследователи полагают, что всенародное обсуждение Основного закона было направлено в первую очередь на привлечение «западных партнеров», когда интерес зарубежной публики и власти с каждым упоминанием конституционной реформы в СССР становился выше, поскольку речь шла о демократическом будущем Советского государства [13, с. 17].

В рассматриваемый период времени ключевым проводником между центральной властью и простым населением была ВКП (б). В 1936 г. партийными и государственными органами велась крайне активная работа на местах – все социальные категории граждан были привлечены к обсуждению предлагаемых новелл как путем прямого контакта с агитаторами и пропагандистами (встречи, дискуссии, обсуждения, митинги и т. д.), так и косвенным воздействием через радио и средства массовой информации.

При этом, по мнению Е. В. Куликовой, местные органы власти, которые были уполномочены на организацию и проведение мероприятий, собраний, митингов и ше-

ствий, находились в непростой ситуации. От местной номенклатуры требовали сверху высокой явки и посещаемости мероприятий с большим уровнем активности, но при этом никто не исключал того, что эта активность может быть антисоветской [17, с. 203]. Вместе с тем общественности власть отводила особую роль как субъекта легитимизации своих достижений. Как подчеркивает А. А. Исаев, важное место в вопросе легитимизации занимал советский народ, который под идейным руководством партии, должен был проявлять свою активность в обсуждениях, беседах, митингах и демонстрациях, а также предлагать свои дополнения и изменения в конституцию¹.

Воля народа и инициатива масс должны быть продемонстрированы единение власти и общества, когда каждый гражданин заинтересован в улучшении жизни за счет конституционной реформы. Предельно ясна взаимосвязь «строившегося» в тот момент времени социализма и придания ему конституционно-правовых основ. Советское общество было весьма разношерстным – были как хорошие и честные коммунисты, следовавшие идеалам марксизма-ленинизма, так и прожженные карьеристы, чьи личные амбиции шли наперекор советскому обществу.

Целесообразность принятия новой Конституции просматривалась обычными гражданами через призму политики – главным и весьма «популярным» был вопрос противостояния классовым врагам в случае уравнивания их в правах. Например, ленинградский пролетариат активным образом интересовался потенциальной возможностью избрания «врагов»² при новой избирательной системе, которая станет выражением советской демократии. Многие рабочие поговаривали, что в таком случае

¹ Исаев А. А. Политико-идеологическое взаимодействие власти и общества на Дальнем Востоке СССР (конец 1920-х – 1941 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук. Владивосток, 2022. С. 269.

² ЦГАИПД СПб. Ф.Р-24. Оп. 26. Д. 2059. Л. 60.

возможно возвращение попавшего в опалу Л. Д. Троцкого¹, так как «если свобода, то надо дать всем возможность высказываться, хотя бы и оппозиционерам»².

Вместе с тем «глас народа» в ходе общесоюзного обсуждения проекта Конституции мог иметь и негативные проявления, когда граждане, рассуждая на тему значимости Конституции, критиковали центральную власть. В частности, некий испытуемый работник проект. верфи Октябрьского района Кирсанов 26 июля 1936 г. высказался: «В газетах очень часто рабочие и колхозники называют т. Сталина "родной, любимый наш отец" – мое мнение, этого Сталин не заслуживает. Владимира Ильича Ленина никто не называл таким именем. т. Ленин никогда бы этого не позволил»³.

Агитационная и пропагандистская деятельность партийно-государственных органов была не лишена недостатков, которые возникали вследствие объективных и субъективных факторов. Самыми примечательными из них стали формализм и низкий уровень заинтересованности самих агитаторов; неумение донести ценную информацию до публики; отсутствие конкретики в докладах и т. д. [7].

Вопреки негативным факторам взаимодействия власти и общества на местах, стоит сказать, что простые граждане вполне активно интересовались политической повесткой, принимая участие в различных диспутах на предмет надобности принятия Конституции.

Принятие Конституции и вступление ее в действие

По итогам работы Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР проект Основного закона был утвержден 5 декабря 1936 г. В своем докладе И. В. Сталин разделил дополнения и предложения граждан на три категории:

¹ ТЦГАИПД СПб. Ф.Р-24. Оп. 26. Д. 2059. Л. 67.

² Там же.

³ Там же.

- изменение не конституционного, а текущего законодательства (75–80 %);
- декларации (15–18 %);
- по существу вопроса (8–10 %) [25, с. 101].

По воспоминаниям современников, когда съезд постановил принять предложенную и окончательно отредактированную Сталиным Конституцию и устроил ему бурную овацию – он аплодировал вместе со всеми, чтобы показать, что он принимает эту овацию не как признательность ему, а как признательность его политике [20, с. 287].

Однако С. А. Авакьян считает, что «Конституция СССР 1936 г. принималась в ситуации его полной победы, когда сформировался режим личной власти как тоталитарный режим, построенный на жесткой централизации всех линий управления [1, с. 61]. При этом, по мнению некоторых авторов, И. В. Сталин был «верховным арбитром», выносившим окончательный вердикт о судьбе Конституции, а всенародное обсуждение и голосование на съезде Советов лишь служило демократическим прикрытием его окончательного решения [12, с. 502]. К слову, на съезде присутствовали 2016 делегатов с правом решающего голоса. Из них 42 % – рабочие, 40 % – крестьяне, 18 % – служащие, а 72 % являлись членами ВКП (б) [16, с. 147–148].

Принятие и вступление в действие новой Конституции изменило правовую систему как всего СССР, так и каждой союзной республики в частности. Согласно ст. 16 принятой Конституции СССР, каждая союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР. Например, в своей речи на XVII Всероссийском съезде Советов в январе 1937 г. М. И. Калинин подробно остановился на том, что за 11 лет действия Конституции РСФСР 1925 г. страна (РСФСР) сильно изменилась, основой для роста, по его мнению, стали прежде всего про-

грессирующие экономические отношения. Вместе с тем М. И. Калинин заявил: «Советская Конституция и советская действительность, как известно, – сходятся»¹.

Обладание каждой республикой ограниченного суверенитета подтверждалось ст. 14 и 15 Основного закона, в которых были обозначены предметы ведения, которые относились исключительно к СССР. При этом на уровне Конституция союзных республик предметы ведения республиканского значения подробно раскрывались. Данное «федеративное» допущение было вполне оправданным, поскольку учет всех особенностей каждой республики в отдельности мог быть осуществлен только за счет гибкости правовой системы СССР. Однако в общем и целом Основные законы республик СССР дублировали ключевые положения Конституции 1936 г., что соответствовало концепции советской демократии, когда власти и общество союзных республик, несмотря на имеющуюся «автономию», демонстрировали идейное и политическое единение с центральной союзной властью.

Реализация Конституции – воплощение идей социализма в жизнь

Реализация Конституции 1936 г. – ключевой момент в части взаимоотношения государства и общества в предвоенную эпоху. В ходе своего выступления на VIII Чрезвычайном съезде Советов И. В. Сталин заявил: «... конституция ... должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем»². Стоит согласиться с позицией Р. А. Ромашова: «...принимаемая по инициативе партии Конституция закрепляла сам факт завершения очередного этапа социалистического строительства, а также определяла структуру и содержание конституционного

¹ Калинин М. И. О проекте Конституции РСФСР. Бюллетень № 1. С. 22–24.

² Правда. 1936. 26 ноября.

устройства государства, характерные для этого этапа» [22, с. 48]. Действительно, конституция была документом не декларативного характера, в ней содержались не столько «идеалы будущего», сколько «данность настоящего».

Применительно к социалистическому «настоящему» можно привести слова Р. Давида: «Граждане должны исполнять законы не под страхом наказания, как это было в прошлом или в других общественных формациях, а потому, что таков уровень сознания людей, потому что они рассматривают их как естественные принципы, лежащие в основе нового строя» [6, с. 176–177]. В свою очередь, Б. Эннкер считает, что в отношении Советского Союза 1930-х гг. можно даже говорить о специфическом процессе основания сталинского государства на новых началах не только применительно к Конституции 1936 г., но и к формированию нового «советского народа», который в конечном итоге испытал это «огосударствление» на себе [27].

В этой связи отметим, что в сознании народа того периода времени присутствовала некоторая «жертвенность». Как считает Т. Ю. Бойкова, советские граждане опускали свои собственные интересы во имя развития государства вследствие «неумения» жить по-другому, хотя при этом многие считали свою жизнь справедливой¹. Думается, что справедливость – это такая категория, которая носит универсальный характер и всегда близка российскому населению вне зависимости от исторического периода.

Трансформации общественного сознания в рассматриваемый период времени способствовал рост духовно-нравственного потенциала советского общества в предвоенное время². По мнению Н. Д. Козлова: «В сознании советского народа отразились как противоречивое обще-

¹ Бойкова Т. Ю. Общественное сознание ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 178.

² Там же. С. 177.

ственное бытие и общественные отношения, результаты воздействия сталинской системы и Коммунистической партии, повседневной практики общества 30–40-х гг., так и особенности исторического развития страны, которые складывались на протяжении столетий, черты его национального характера» [14, с. 54].

Вопрос отношения советских граждан к практической реализации Конституции 1936 г. был обусловлен прежде всего политикой, социально-экономической сферой, повседневностью и бытом. В свою очередь, Ю. В. Емельянов подчеркивает, что Конституция СССР стала самым демократическим законом во всей мировой цивилизации, именно она отвечала интересам человека и провозглашала его права, при этом нигде во всем мире эти права не были реализованы в полном объеме [9, с. 209].

Первым вызовом стал политический – выборы в созданный верховный орган государственной власти – в Верховный Совет СССР. Отметим, что избирательная система, заложенная Конституцией 1936 г., коренным образом отличалась от прежней. Отныне закреплялось всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, предоставляемое с 18-летнего возраста. Предшествующее избирательное законодательство отменялось – все это для советской демократии стало колоссальным шагом вперед. Хотя по мнению некоторых исследователей, руководство страны к 1934 г. утратило всякий интерес к институту лишения избирательных прав, что было связано с тектоническими экономическими и политическими изменениями в стране на рубеже десятилетий. К концу 1920-х гг. режим выявил все категории «классовых врагов», в том числе потенциальных, например членов их семей, и ограничил их во всех возможных правах [23, с. 120].

Вместе с тем вопрос об альтернативности выборов не был до конца решен. В качестве компромиссного ва-

рианта был избран принцип союза коммунистов и блока беспартийных. И. В. Сталин задумывался над вопросом многопартийности в Советском Союзе, однако исторический опыт строительства социалистического общества показал важность монополии ВКП (б).

Заметим, что еще с ноября 1936 г. в средствах массовой информации появились публикации о предстоящих выборах со следующих позиций: «Генеральная проверка на будущих выборах покажет, кто из советских работников оправдал доверие масс, кто правильно усвоил уроки великой хартия свободных народов – сталинской Конституции. Проверка будет серьезной. Она отсеет всех, кто не способен работать по-новому, выдвинет лучших избранников народа, большевиков партийных в непартийных»¹.

В подготовительной работе по выборам наблюдались также определенные недостатки, связанные, на наш взгляд, с первым и «пробным» итогом избирательной кампании после принятия новой Конституции. Например, на Заводе имени Орджоникидзе (Ленинград) выявлены следующие недостатки в работе по агитации и пропаганде: незнание избирательного закона, плохая работа партработников с наглядными пособиями, нехватка материалов, неполная реализация потенциала комсомольцев, плохая работа депутатской группы².

Вместе с тем были сразу же предложены решения:³

- 1) организация дополнительных кружков во всех цехах;
- 2) обеспечение консультациями всех пропагандистов;
- 3) привлечение большего числа пропагандистов, а также проверенных беспартийных рабочих и комсомольцев;
- 4) к каждому общежитию прикрепить агитаторов;

¹ Правда. 1936. 5 ноября.

² ЦГАИПД СПб. Ф.Р-414. Оп. 1. Д. 1109. Л. 19.

³ Там же. Л. 20–22.

5) не допускать пропагандистов, не прошедших семинары и т. д.

Уже по итогам избирательной кампании 1937 г. можно сказать, что советская власть со своими задачами справилась, лояльность и доверие населения получила.

Вместе с тем были зафиксированы недостатки агитационно-пропагандистской работы, выявлены отрицательные черты во взаимоотношениях власти и общества между собой. Так, некоторые советские граждане в целом с недоверием смотрели на политическую модернизацию общества в рамках выборов депутатов Верховного Совета страны. Например, интеллигентка Любовь Шапорина в своем дневнике писала, что выборы в Верховный Совет СССР можно рассматривать как фарс демократии, когда есть только одно имя, и результат вследствие этого известен заранее: «Кого мы обманываем? Мы все хохотали»¹.

Один из рабочих Ленинграда в феврале 1937 г. высказался: «У нас нет свободы слова. В какой газете я могу критиковать секретаря ЦК Андреева? У нас нет демократии, наша демократия – подделка, в любой буржуазной стране больше демократии, чем в СССР»².

Ю. Н. Жуков задавался вопросом по поводу того, что конституционная реформа, принятие нового избирательного закона совпали по времени с массовыми репрессиями, которые были в СССР, т. е. можно вывести некую закономерность с тем, что репрессии носили прежде всего политическую подоплеку, подогреваемую новой Конституцией и новым порядком проведения выборов [1, с. 3]. В своих исследованиях Жуков пытался установить истинную цель конституционной реформы, разрабатывал концепцию взаимосвязи избирательной кампании 1937 г. с политическими репрессиями [10]. Позицию Ю. Н. Жукова поддержи-

¹ Шапорина Л. В. Дневники. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. 1. С. 119.

² ЦГАИПД СПб. Ф.Р-24. Оп. 2в. Д. 2685. Л. 1-2.

вает также Ю. В. Емельянов, по мнению которого, многие представители партноменклатуры сознательно отмалчивались насчет проекта Основного закона, хотя при этом не стремились высказаться против открыто [9, с. 213]. Иной точки зрения придерживается Ольга Великанова, которая сводит к тому, что новый закон о выборах стал своего рода инструментом воздействия на местные власти, которые погрязли в своей недееспособности и коррумпированности, т. е. конституционная реформа стала некой формой администрирования политической вертикали [2, с. 88].

Таким образом, вопрос о выборах был, пожалуй, ключевым вопросом, сопряжённым с политикой и властью. Вместе с тем Конституция как акт не только политической, но и правовой воли «цементирует» те устои общества, без которых его дальнейшее сосуществование с властью немыслимо.

Второй вызов – реализация конституционных социально-экономических прав и обязанностей в быту и в повседневности. Во главе угла стал вопрос равноправия советских граждан вне зависимости от их социального статуса. Так, например, часть крестьянства восприняли обсуждение Конституции как признак роспуска колхозов, передачу им земли в индивидуальное пользование и отмену жесткой регистрации. Используя политическую риторику о социальной справедливости, крестьяне просили уравнивать их в правах с пролетариями: «...чтоб свободный выход был из колхоза и вход в колхоз, чтобы не было никаких препятствий со стороны служащих и граждан, если нет за ними никакой вины или задолженности» [21, с. 93].

Вместе с тем предельно точно можно сказать, что интересы граждан коррелировали с характеристиками их индивидуальности и личности. Примечательным является тот факт, что Конституция 1936 г. гарантировала равноправие человека и гражданина вне зависимости от пола,

веры, расы, национальности, социального статуса. Данное равноправие воплощалось в социально-экономической плоскости, в частности: всеобщее право на труд, всеобщее право на образование, всеобщее право на отдых [8].

После принятия Конституции 1936 г. не были, к сожалению, решены проблемы бытового и житейского характера. Еще в 1935 г. И. В. Сталин сказал, что победа социализма достижима не только при помощи высокой производительности труда, но и за счет изобилия товаров, а также за счет культурной и зажиточной жизни советского гражданина¹.

Как известно, общий фон быта и существования в обществе посредством коммуникации его индивидов воплощается в различных областях: культура, досуг, развлечения, одежда, питание, работа и т. д. – «подлинный стахановец должен быть образцом чистоты, опрятности, культурности и на работе и в своем личном быту»². О. Ю. Гурова считает, что в 30-е гг. XX в. становится более злободневным вопрос потребления, вследствие чего в советском обществе происходит некий возврат к «мещанству» – блага материальной жизни, уют и комфорт все больше становятся востребованными среди простого населения [5, с. 126].

В конце 1930-х гг., так же как и в начале, постоянно говорили об острой нехватке одежды, обуви, текстильной продукции – в Ленинграде собирались очереди по 6 тыс. чел. По сообщениям НКВД, к одному обувному магазину в центре Ленинграда выстраивались такие длинные очереди, что они мешали уличному движению, а окна магазина были выбиты в давке [18, с. 68]. Так, например, 25-летний студент А. Г. Маньков в 1939–1940 гг. сделал следующие дневниковые записи: «Перевалило уже на вто-

¹ Речь товарища Сталина на первом всесоюзном совещании стахановцев // Работница. 1935. № 20. С. 3–4.

² Правда. 1935. 28 октября.

рой месяц, как через день я гоняюсь по магазинам в поисках либо мануфактуры, либо просто приличных брюк! Полное безтоварье! "Выбросят" 20–30 костюмов, а очередь выстроится человек в 300... У нас лучшая в мире конституция, но нет ботинок и сапог...»¹.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что отношение населения к Конституции 1936 г. после ее принятия и начала ее реализации было весьма неоднозначным. Постепенно граждане начали приходить к мысли о том, что Конституция 1936 г., к сожалению, носит декларативный характер. Провозгласив все самое ценное, что только может быть в человеческом бытии, Конституция, с одной стороны, привнесла в жизнь каждого гражданина что-то новое, с другой – не смогла «побороть» реалии.

Заключение

Конституция 1936 г. – это не «рядовой» документ юридического делопроизводства. В истории государства принятие Конституции 1936 г. явилось поворотным моментом всей советской цивилизации. Именно в ней впервые была провозглашена «победа социализма». Советская власть, начиная с 1917 г. на протяжении первых 20 лет, постоянно, всеми возможными средствами, вопреки всем противным силам, строила первую фазу коммунистического общества – социализм. И 1936 г. это произошло, когда формально юридически такая победа была зафиксирована на официальном уровне в Основном законе страны.

Всенародное обсуждение – это не просто пустая дискуссия, которая ни к чему не ведет, а как показал исторический опыт, это процесс легитимизации проекта Основного закона путем системного дискурса, когда мнение каждого активного гражданина будет учтено, и по итогам обработки совокупности позиций граждан власть может внести

¹ Маньков А. Г. Дневники 30-х годов. СПб.: Европейский дом. 2001. С. 178, 184.

корректировки в текст проекта Конституции. Такой механизм взаимодействия власти и общества показал свое реальное существование и был политически оправдан.

Реализация Конституции 1936 г. в глазах граждан с обыденным правосознанием должна была изменить прежде всего повседневные, бытовые, жизненные моменты, а также решить вопросы с дефицитом, коммунальными квартирами, очередями и т. д. Однако Конституция «не смогла», по их мнению, по достоинству ответить на те вызовы, которые были брошены ей в то время. Неоднозначность воплощения норм Конституции 1936 г. в повседневной жизни наложило определенный отпечаток на восприятие Основного закона.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – 2-е изд. – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – 528 с. EDN: ZSJJCZU
2. Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 360 с.
3. Вышинский А. Я. Революционная законность в современном этапе – М.: Советское законодательство, 1983. – 107 с.
4. Гурвич С. Г. История советской конституции. – М.: Издание Социалистической академии, 1923. – 216 с.
5. Гурова О. Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 117–131. EDN: PCNMCF
6. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 242 с.
7. Дашкевич Н. Г. «Долго я ждал опубликования Сталинской Конституции...». Конституция 1936 года в сознании личности, семья, масс (на примере ленинградского пролетариата) // XXVIII Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции, 23–24 апреля 2024 г., Санкт-Петербург: в 2 т. – Т. 1 / под общ. ред. Л. М. Кобриной. – Санкт-Петербург: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2024. – С. 96–101.
8. Дашкевич Н. Г. Социальные и экономические положения Конституции 1936 г. как фактор семейного благополучия в сознании ленинградской интеллигенции // XXVIII Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции, 23–24 апреля 2024 г., Санкт-Петербург: в 2 т. – Т. 1 / под общ. ред. Л. М. Кобриной. – Санкт-Петербург: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2024. – С. 101–105.
9. Емельянов Ю. В. Разгадка 1937 года. Репрессии: мифы и факты. – М.: Вече, 2021. – 448 с.
10. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах. – М.: Концептуал, 2018. – 368 с.
11. Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. – 2002. – № 1. – С. 3–27.

12. Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. Т. 2. 1924–1939. – Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. – 720 с.
13. Ковтун Ю. С. Особенности принятия Сталинской Конституции // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 17. EDN: VDWNRD
14. Козлов Н. Д., Довжинец М. М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Свое издательство, 2015. – 384 с.
15. Крупская Н. К. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. – М.: Изд-во Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов р., с., к. и к. депутатов, 1918. – 16 с.
16. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской конституции. – М.: Политиздат, 1980. – 160 с.
17. Куликова Е. В. Формирование технологий воздействия на массы в советском обществе (на примере обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г.) // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 202–204.
18. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 годов. – СПб.: Летний сад, 1999. – 320 с.
19. Левашко В. О. Конституция 1936 года: тенденции гражданственности, патриотизма и тоталитаризма // XVII Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. – Санкт-Петербург: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2013. – С. 12–20. EDN: SBSXLD
20. Лобанов М. П. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. – М.: Алгоритм, 2008. – 672 с.
21. Медушевский А. Н. Право и социальная мобилизация в тоталитарном обществе: «Всенародное обсуждение» Конституции СССР 1936 года // Общественные науки и современность. – 2016. – № 4. – С. 89–108. EDN: WHRXWX
22. Ромашов Р. А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 3) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 36–50. DOI: 10.35231/18136230_2022_3_36. EDN: BSZWDU
23. Саламатова М. С. Реформа избирательной системы в Конституции 1936 года: новые материалы // Новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 112–122. EDN: INEJLS
24. Стучка П. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. 2-е изд. – М., 1923.
25. Третьяков Г. И. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР // Вопросы истории. – 1953. № 9. – С. 98.
26. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – 432 с.
27. Эннкер Б. Советский народ, сталинский режим и конституция 1936 года в политической истории Советского Союза: исследовательские подходы и предварительные выводы // Soviet History Discussion Papers. – 2014. – № 3.

References

1. Avak'yan, S. A. (2000) *Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity]. Moscow: RYUID, "Sashko". (In Russian). EDN: ZSJZCU
2. Velikanova, O. (2021) *Konstituciya 1936 goda i massovaya politicheskaya kul'tura stalinizma* [The 1936 Constitution and the mass political culture of Stalinism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
3. Vyshinskij, A. YA. (1983) *Revolucionnaya zakonnost' v sovremennom etape* [Revolutionary legality in the modern stage]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo. (In Russian).

4. Gurvich, S. G. (1923) *Istoriya sovetskoj konstitucii* [The history of the Soviet Constitution]. Moscow: Izdanie Socialisticheskoy akademii. (In Russian).
5. Gurova, O. YU. (2005) Ideologiya potrebleniya v sovetskom obshchestve [Ideology of consumption in Soviet society]. *Sociologicheskij zhurnal – Sociological Journal*. No. 4. Pp. 117–131. (In Russian). EDN: PCNMCF
6. David, R. (1988) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti*. [Basic legal systems of modernity]. Moscow: Progress. (In Russian).
7. Dashkevich, N. G. (2024) «Dolgo ya zhdal opublikovaniya Stalinskoj Konstitucii...». Konstituciya 1936 goda v soznanii lichnosti, sem'i, mass (na primere leningradskogo proletariata) ["For a long time I waited for the publication of the Stalinist Constitution ...". The Constitution of 1936 in the consciousness of the individual, family, and masses (on the example of the Leningrad proletariat)]. *XXVIII Carskosel'skie chteniya* [XXVIII Tsarskoye Selo readings]. Proceedings of the international scientific conference. Pp. 96–101. (In Russian).
8. Dashkevich, N. G. (2024) Social'nye i ekonomicheskie polozheniya Konstitucii 1936 g. kak faktor semejnogo blagopoluchiya v soznanii leningradskoj intelligencii obshchestve [Social and economic provisions of the 1936 Constitution as a factor of family well-being in the minds of the Leningrad intelligentsia]. *XXVIII Carskosel'skie chteniya* [XXVIII Tsarskoye Selo readings]. Proceedings of the international scientific conference. Pp. 101–105. (In Russian).
9. Emel'yanov, YU. V. (2021) *Razgadka 1937 goda. Repressii: mify i fakty* [The solution of 1937. Repression: myths and facts]. Moscow: Veche. (In Russian).
10. Zhukov, YU. N. (2018) *Inoj Stalin. Politicheskie reformy v SSSR v 1933–1937 godah* [Another Stalin. Political reforms in the USSR in 1933–1937]. Moscow: Konceptual. (In Russian).
11. Zhukov, YU. N. (2002) Repressii i Konstituciya SSSR 1936 goda [Repressions and the USSR Constitution of 1936]. *Voprosy istorii – Questions of history*. No. 1. Pp. 3–27. (In Russian).
12. Kapchenko, N. I. (2006) *Politicheskaya biografiya Stalina. T. 2. 1924–1939* [Political biography of Stalin. Vol. 2. 1924–1939]. Tver': Informacionno-izdatel'skij centr "Soyuz". (In Russian).
13. Kovtun, YU. S. (2020) Osobennosti prinyatiya Stalinskoj Konstitucii [Features of the adoption of the Stalinist Constitution]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs – Historical and legal problems: a new perspective*. No. 4. P. 17. (In Russian). EDN: VDWNRD
14. Kozlov, N. D., Dovzhinec, M. M. (2015) *Oficial'noe i obydennoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. [Official and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. (In Russian).
15. Krupskaya, N. K. (1918) *Konstituciya Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respubliki* [Constitution of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. Moscow: Izd-vo Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov r., s., k. i k. Deputatov. (In Russian).
16. Kukushkin, YU. S., CHistyakov, O. I. (1980) *Ocherk istorii Sovetskoj konstitucii* [An essay on the history of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat. (In Russian).
17. Kulikova, E. V. (2009) Formirovanie tekhnologij vozdejstviya na massy v sovetskom obshchestve (na primere obsuzhdeniya proekta Konstitucii SSSR 1936g.) [Formation of technologies for influencing the masses in Soviet society (on the example of discussing the draft Constitution of the USSR in 1936)]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. No. 3. Pp. 202–204. (In Russian).
18. Leбина, N. B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920–1930 godov* [Daily life of the Soviet city: norms and anomalies of 1920–1930]. St. Petersburg: Letnij sad. (In Russian).
19. Levashko, V. O. (2013) Konstituciya 1936 goda: tendencii grazhdanstvennosti, patriotizma i totalitarizma [The Constitution of 1936: tendencies of citizenship, patriotism

and totalitarianism]. *XVII Carskosel'skie chteniya* [XVII Tsarskoye Selo readings]. Proceedings of the international scientific conference. Pp. 12–20. (In Russian). EDN: SBSXLD

20. Lobanov, M. P. (2008) *Stalin v vospominaniyah sovremennikov i dokumentah epochi* [Stalin in the memoirs of contemporaries and documents of the epoch]. Moscow: Algoritm. (In Russian).

21. Medushevskij, A. N. (2016) Pravo i social'naya mobilizaciya v totalitarnom obshchestve: «Vsenarodnoe obsuzhdenie» Konstitucii SSSR 1936 goda [Law and social mobilization in a totalitarian society: "National discussion" of the USSR Constitution of 1936]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and modernity*. No. 4. Pp. 89–108. (In Russian). EDN: WHRXWX

22. Romashov, R. A. (2022) Konstitucionno-pravovye sistemy sovremennogo mira: opyt sravnitel'nogo analiza (stat'ya 3) [Constitutional and legal systems of the modern world: the experience of comparative analysis (Article 3)]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3. Pp. 36–50. (In Russian). DOI: 10.35231/1813623_0_2022_3_36. EDN: BSZWDU

23. Salamatova, M. S. (2020) Reforma izbiratel'noj sistemy v Konstitucii 1936 goda: novye materialy [Reform of the electoral system in the Constitution of 1936: new materials]. *Novyj rakurs – New perspective*. No. 4. Pp. 112–122. (In Russian). EDN: INEJLS

24. Stuchka, P. (1923) *Uchenie o gosudarstve i o Konstitucii RSFSR* [The doctrine of the state and the Constitution of the RSFSR]. Moscow. (In Russian).

25. Tret'yakov, G. I. (1953) Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta Konstitucii SSSR [National discussion of the draft Constitution of the USSR]. *Voprosy istorii – Questions of history*. No. 9. P. 98. (In Russian).

26. Haustov, V., Samuel'son, L. (2009) *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* [Stalin, the NKVD and the repressions of 1936–1938]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

27. Ennker, B. (2014) *Sovetskij narod, stalinskij rezhim i konstituciya 1936 goda v politicheskoy istorii Sovetskogo Soyuza: issledovatel'skie podhody i predvaritel'nye vyvody* [The Soviet people, the Stalinist regime and the 1936 Constitution in the political history of the Soviet Union: research approaches and preliminary conclusions]. Soviet History Discussion Papers. No. 3. (In Russian).

Об авторе

Дашкевич Никита Германович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-6642-9728, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

About the author

Nikita G. Dashkevich, postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-6642-9728, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

Поступила в редакцию: 31.10.2024
Принята к публикации: 14.11.2024
Опубликована: 24.12.2024

Received: 31 October 2024
Accepted: 14 November 2024
Published: 24 December 2024

Правовое регулирование неравнородных браков в российской правящей династии в XIX – начале XX в.

Д. В. Ливенцев

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I,
г. Воронеж, Российская Федерация

На протяжении более чем трехсотлетней истории правления династии Романовых ее члены неоднократно вступали в неравнородные браки. Подобный брачный союз мог стать поводом для отказа от права на престол для великого князя и непризнания принадлежности супруги и детей членами российской правящей фамилии. Нельзя не отметить, что среди Романовых, вступивших в мorganатический брак, присутствовали наследники русского трона. В статье выявляется и обобщается опыт правового регулирования неравнородных браков членов великокняжеского дома Романовых в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: монарх, неравнородный брак, отречение от престола, наследование трона, дети от мorganатического брака.

Для цитирования: Ливенцев Д. В. Правовое регулирование неравнородных браков в российской правящей династии в XIX – начале XX в. // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78) – С. 50–63. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_50. EDN: UUNAWC

Legal Regulation of Unequal Marriages in the Russian Ruling Dynasty in the XIX – Early XX Centuries

Dmitry V. Liventsev

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great,
Voronezh, Russian Federation

Throughout the more than three hundred-year history of the Romanov dynasty, its members repeatedly entered into unequal marriages. Such a marriage union could become an excuse for the Grand Duke to renounce his right to the throne and not recognize the belonging of his wife and children to members of the Russian ruling family. It should be noted that among the Romanovs who entered into a morganatic marriage, there were heirs to the Russian throne. The author identifies and summarizes the experience of legal regulation of unequal marriages of members of the Grand ducal house of Romanov in the XIX – early XX centuries.

Key words: monarch, unequal marriage, abdication, succession to the throne, children from a morganatic marriage.

For citation: Livencev, D. V. (2024) Pravovoe regulirovanie neravnorodnyh brakov v rossijskoj pravnyashchej dinastii v XIX – nachale XX v. [Legal Regulation of Unequal Marriages in the Russian Ruling Dynasty in the XIX – Early XX Centuries]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 50–63. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_50. EDN: UUHAWC

Введение

Неравнородные или морганатические браки неоднократно заключались в российской правящей династии в XIX – начале XX в. Правовое регулирование неравнородных браков российской правящей династии вызывало интерес у дореволюционных и современных юристов и историков. Нельзя не отметить, что в советской историографии в связи с идеологическими установками данная проблематика практически не исследовалась.

Если говорить о дореволюционной историографии проблемы морганатических браков, то нужно отметить научные труды исследователя отечественно государственного права А. Д. Градовского. Ученый уделял внимание особенностям правового регулирования взаимоотношений в царствующей династии Романовых [2].

В постсоветский период историографии выделяются работы теоретика права В. В. Денисенко, который пытался в своих многочисленных научных трудах выявить особенности сочетания правовых явлений легитимации и легитимности в осуществлении государственной власти традиционным монархом, т. е. наследственным правителем во главе государства [3]. Известный российский историк права С. В. Кодан рассмотрел в целом ряде публикаций правовую организацию власти российских монархов на государственном уровне [4] вместе с правовым регулированием взаимоотношений, в том числе и морганатических браков, действующего императора и великокняжеской фамилии [6]. В своих исследованиях по истории становления и развития отечественной высшей государственной власти С. В. Кодан применяет политико-юридический подход [5].

Наконец, на современном этапе историографии необходимо выделить две диссертационные работы. Так, Е. В. Староверова обратилась к особенностям правового статуса правящего царя в Российской империи [9]. В то же

время историк С. А. Василенко исследовала вопросы имущественного положения и государственно-общественной представителей русской великокняжеской династии [1].

В настоящей научной статье применены методы системности, интерпретации, фундаментального историзма, исторической реконструкции и сравнительно-правовой метод, чтобы с максимально возможной объективностью проанализировать правовое регулирование неравнородных или морганатических браков среди представителей российской правящей династии в XIX – начале XX в.

Результаты

5 апреля 1797 г. император Павел I издал «Учреждение об императорской фамилии», официально регулировавшее взаимоотношения среди членов русской правящей династии [10]. Одним из ключевых вопросов для представителей великокняжеского дома становится правовое регулирование неравнородных браков. Даже в начале XX в. по высочайше утвержденным основным государственным законам от 23 апреля 1906 г. в отношении морганатического брака великого князя или княжны действовали следующие положения:

1. Дети от брачного союза с лицом, не принадлежащим к царскому правящему дому, не входят в великокняжескую семью и не имеют права на российский престол.

2. Великий князь или великая княжна при вступлении в неравнородный брак должны подписать отречение от престола.

3. Отречение от престола после заключение неравнородного с брака с лицом, не имеющим должного достоинства, обнаружится и становится невозвратным законом [7, с. 19].

Чтобы сохранять место в очереди на русский трон, великий князь или великая княжна были обязаны заключить брачный союз с представителем правящего дома. Надо

сказать, что в данном случае найти супруга из правящего европейского дома в XIX – начале XX в. было достаточно сложно. Тем более, что к началу XX в. русская императорская фамилия значительно увеличилась в размерах.

Нельзя не отметить, что даже внуки и внучки правящего императора имели высокий государственно-правовой статус великих князей и княжн. В то же время правнуки и правнучки правящего царя именовались князьями и княжнами императорской крови и теоретически могли претендовать на престол. Всем великим князьям и великим княжнам выделялись государственные удельные земли для их достойного содержания. К этому необходимо добавить ежегодные крупные денежные выплаты, которые выдавались и великим князьям и князьям императорской крови.

Ключевые представители русской правящей фамилии наделялись особняками и содержали целые малые великокняжеские дворы [1, с. 14]. Великие князья были известными коллекционерами предметов искусства, меценатами, поклонниками балета.

Наконец, великие князья руководили целыми сферами государственного управления в Российской империи. Достаточно вспомнить двух генерал-адмиралов русского флота – великих князей Константина Николаевича и Алексея Александровича. Причем великого князя Константина Николаевича готовили к занятию государственной должности генерал-адмирала с ранней юности.

Любой член императорской фамилии до совершеннолетия содержался на средства правящего императора, после чего приносил ему личную клятву верности, что приводило к пожизненному выделению земельного удела и денежного содержания. Также правящий император во внесудебном порядке принимал решение и о судьбе члена императорской фамилии, совершившего правонарушение.

За все вышеперечисленные государственно-правовые льготы член русского императорского дома должен был беспрекословно подчиняться правящему царю. Одним из главных запретов для великих князей и княжон стало заключение неравнородного брачного союза. Собственно подобным браком считался союз с лицом, не принадлежащим к европейскому правящему дому.

Если говорить о недостаточном количестве европейских принцесс для членов русской императорской фамилии, то в данном случае династия Романовых нашла оригинальный выход. До образования единой Германской империи в 1871 г. под властью императора Вильгельма I на ее территории располагалась пестрая феодальная чересполосица герцогств, княжеств и курфюрств. Конечно, все эти микросоциумы находились в полной политической и экономической зависимости от Прусского королевства и Австрийской империи. Однако формально, т. е. юридически герцоги, князья и курфюрсты являлись правящими государями. Между тем, далеко не сразу упомянутые правители потеряли свой высокий юридический статус и в рамках единой Германской империи. Естественно, у мелких германских правителей в XIX – начале XX в. подрастало значительное количество герцогинь и княжн, способных обеспечить императорскую фамилию Романовых равнородными браками. Сами дочери мелких германских правителей были только рады сменить полузависимое и часто малообеспеченное существование на блестящие по уровню жизни перспективы бракосочетания с великим князем из русской императорской фамилии.

Однако неравнородные браки в XIX – начале XX в. периодически случались и требовали от правящего императора правового регулирования.

Собственно говоря, само разрешение на неравнородный брак великому князю или великой княжне мог дать толь-

ко император как глава царствующего дома, в противном случае бракосочетание считалось незаконным [7, с. 58].

Рассмотрим самые известные случаи морганатических браков в династии Романовых. Например, 12 мая 1820 г. (дата по старому стилю – *Д. Л.*) великий князь и наследник престола Константин Павлович с разрешения императора Александра I сочетался неравнородным браком с графиней Жаннетой Грузинской. Подобному событию предшествовал манифест от 20 марта 1820 г. (дата по старому стилю – *Д. Л.*) о расторжении брака великого князя и наследника престола Константина Павловича с великой княгиней Анной Федоровной [8, с. 10]. Причем венчание с графиней Жаннетой Грузинской произошло одновременно по православному и католическому обряду. Конечно, подобный брак привел к отречению великого Константина Павловича от престола [8, с. 109–111]. Так, 8 июля 1820 г. (дата по старому стилю – *Д. Л.*) манифестом императора Александра I, опубликованным только в царстве Польском, а не во всей Российской империи, Жаннета Грузинская становилась княгиней Ловицкой, по названию имения великого Константина Павловича, но не великой княжной. Титул князей и княжон Ловицких передавался при рождении детям от данного неравнородного брака.

После заключения морганатического брака с графиней Жаннетой Грузинской великий князь и наследник престола Константин Павлович воспользовался ст. 37 и добровольно отрекся от русского трона. Кстати, отречение от трона великого князя Константина Павловича по ст. 38 считалось невозвратным. Однако огласили данный документ достаточно поздно – 12 декабря 1825 г. (дата по старому стилю – *Д. Л.*), что стало одной из причин выступления декабристов. При этом великий князь и наследник престола Константин Павлович отрекался от российского престола только за себя лично, а не за своей законно-

рожденное потомство, которого на самом деле у него не было от равнородного брака с великой княгиней Анной Федоровной [8, с. 30].

Дарование детям великого князя Константина Павловича и графини Жаннеты Грузинской титулов князей и княжон Ловицких по ст. 36 означало отрешение их от прав членов русской правящей династии [8, с. 19].

Другое дело, когда в неравнородный брак вступал действующий император. Известен только один подобный случай. 19 июля 1880 г. император Александр II сочетался законным морганатическим браком с княжной Е. М. Долгорукой, и супруге императора пожаловали титул светлейшей княгини Юрьевской и такую же фамилию должны были носить впоследствии все дети, рожденные от супругов [7, с. 63]. Светлейшие князья Юрьевские представляли собой одну из родовых фамилий бояр Романовых. Надо отметить, что император Александр II отступил от сложившейся традиции и дал титул супруге в неравнородном браке не по названию принадлежащего ему имения.

В данном случае никто не мог ограничить императора или давать ему разрешение на морганатический брак, так как монарх стоял над законом и сам являлся источником закона. Несмотря на это, по нормативно-правовому акту «Учреждение об императорской фамилии» дети от брачного союза императора Александра II с княжной Е. М. Долгорукой считались потомками неравнородного брака и не могли наследовать русский трон.

Собственно случай морганатического брака императора Александра II с княжной Е. М. Долгорукой можно признать не подлежащим правовому регулированию при помощи «Учреждения об императорской фамилии», в данном случае юридический статус морганатической супруги самолично определил император.

В сложившейся ситуации примечательно, что в принципе император Александр II мог воспользоваться ст. 37, 38., т. е. добровольно отречься от трона и сделать данное отречение невозвратным.

Среди отречений от российского престола действующего правителя общеизвестны два случая:

1) в период Смутного времени отречение от трона насильственно постриженного в монахи царя Василия Шуйского;

2) отречение от трона под давление заговорщиков императора Петра III в 1762 г.

Однако император Павел I на требования заговорщиков отречься от престола ответил решительным отказом. В то же время в конце своего царствования император Александр I неоднократно говорил своим приближенным о желании отречься от русского трона [8, с. 26–27].

При добровольным отречении царя Александра II императором должен был стать его на тот момент старший законнорожденный сын – великий князь Александр Александрович от равнородного брака с великой княгиней Марией Александровной. В любом случае император Александр II не воспользовался правом добровольного отречения, а самодержавно определил юридический статус своей морганатической супруги княжны Е. М. Долгорукой и ее потомства.

В свою очередь, сын императора Александра II, новый царь Александр III, находившийся под впечатлением от морганатического брака отца, решил положить конец подобным бракосочетаниям. Так, 23 марта 1889 г. (дата по старому стилю – Д. Л.) царь Александр III издает именной указ о воспрещении членам российского императорского дома браков с лицами, не имеющими соответствующего достоинства, т. е. не принадлежащими к царствующему или владетельному дому [8, с. 11].

Большую известность получило морганатическое бракосочетание великого князя Михаила Александровича и Н. С. Брасовой 16 октября 1912 г. (дата по старому стилю – *Д. Л.*) в венской православной церкви Св. Саввы. На момент вступления в брак великий князь Михаил Александрович должен был стать правителем в случае преждевременной смерти больного гемофилией цесаревича Алексея Николаевича. В результате император Николай II воспользовался ст. 222. Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г., по которой царь как неограниченный самодержец в случае противления его воле члена императорского дома имел право наложить наказания [8, с. 15].

В результате император Николай II имел право наложить на родного брата две санкции:

1. Лишение великого князя Михаила Александровича обязанностей правителя в случае смерти цесаревича Алексея Николаевича.

2. Установление опеки над личностью и имуществом великого князя Михаила Александровича [8, с. 122].

Однако по нормативно-правовому акту «Учреждение об императорской фамилии» император Николай II не мог лишить родного брата его очереди в наследовании русского трона. Одновременно великий князь Михаил Александрович не давал никакого добровольного желанья согласно ст. 37 об отречении от российского престола. Впоследствии царь признал рожденного 24 июля 1910 г. (дата по старому стилю – *Д. Л.*) в браке великого князя Михаила Александровича и Н. С. Брасовой сына Г. М. Брасова своим племянником. Затем 29 сентября 1915 г. (дата по старому стилю – *Д. Л.*) император Николай II снял опеку над личностью и имуществом великого князя Михаила Александровича [7, с. 71]. Однако Н. С. Брасова и Г. М. Брасов не могли принадлежать к императорской

фамилии и стали носить дворянский титул графов Брасовых. Имение Брасово в Орловской губернии принадлежало великому князю Михаилу Александровичу. Несмотря на признание императором Николаем II графа Г. М. Брасова своим племянником, в остальном царь поступил в соответствии со ст. 36., т. е. решил его прав члена российской правящей династии.

Нельзя не отметить, что император Николай II оказался намного демократичнее предыдущего русского правителя Александра III в вопросе правового регулирования морганатических браков. С 11 августа 1911 г. (дата по старому стилю – Д. Л.) императором Николаем II в морганатические браки было разрешено вступать князьям и княжнам императорской крови, которые по своему положению в правящей династии находились в дальней очереди в наследовании престола [8, с. 119]. Здесь свою роль сыграли два ключевых фактора:

1. В начале XX в. социальная организация российского общества претерпела серьезные изменения по сравнению со временем издания императором Павлом I «Учреждения об императорской фамилии».

2. Императорская фамилия достигла внушительных размеров, и выход из нее нескольких князей и княжон императорской крови не мог стать причиной династического кризиса.

Как уже упоминалось ранее, князья и княжны императорской крови были правнуками и правнучками правящего царя, что оставляло на занятие российского престола только теоретические шансы. Однако обязательным условием стало отречение от своего даже весьма иллюзорного права на русский трон.

Подобным разрешением вместе с отречением от престола воспользовались княжна императорской крови Татьяна Константиновна [8, с. 120], вышедшая замуж за князя К. А. Багратион-Мухранского [8, с. 120–121] и княж-

на императорской крови Ирина Александровна [8, с. 123], вступившая в брак с князем Ф. Ф. Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстоном.

Заключение

Если говорить о правовом регулировании неравнородных или морганатических браков в российской правящей династии в XIX – начале XX в., необходимо выделить несколько ключевых моментов:

1) брак, заключенный представителем российского императорского дома, с лицом, не принадлежащим к правящей династии, считался неравнородным или морганатическим;

2) разрешение на неравнородный брак мог дать только действующий император в противном случае брачный союз являлся незаконным;

3) член императорской российской династии, вступивший в неравнородный брак, практически лишался прав в очереди на наследование русского трона;

4) супруги и дети в морганатическом браке не могли быть причислены к российской правящей династии и пользоваться ее правами;

5) супругам и детям в неравнородном браке давали потомственный княжеский или графский титул по названию имени великого князя;

6) в начале XX в. отношение в правящей династии к неравнородным бракам стало намного демократичнее, о чем свидетельствует разрешение императора Николая II от 11 августа 1911 г. свободно вступать в неравнородные браки князьям и княжнам императорской крови.

Таким образом, неравнородные или морганатические браки в российской правящей династии в XIX – начале XX в. имели достаточно четкое правовое регулирование. Целью действующего русского императора было сохранение значительного количества претендентов на рус-

ский трон. Поэтому если член императорского дома вступал в неравнородный брак, то практически лишался права на престол, а его супруга и дети не могли пользоваться правами правящей династии. Более того, сам морганатический брак, заключенный без разрешения действующего императора, считался незаконным.

В начале XX в. в установленных правилах произошли изменения. Свободно вступать в неравнородные браки позволили 11 августа 1911 г. князьям и княжнам императорской крови, находившимся в дальней очереди наследования престола. Однако при этом князь или княжна императорской крови должны были подписать отречение от российского престола.

Список литературы

1. Василенко С. А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX вв. Имущественное положение и общественная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. – 22 с.
2. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1875. – Т. 1. – 433 с.
3. Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). – М.: Проспект, 2022. – 239 с.
4. Кодан С. В. Имперские параметры государства и права России // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1 (88). – С. 16–18.
5. Кодан С. В. Политико-юридический подход в исследовании государственно-правового развития России (XIX – начало XX в.) // Проблемы общества и политики. – 2012. – № 2. – С. 88–117.
6. Кодан С. В. Становление абсолютизма в России XVIII – первая половина XIX в. – Екатеринбург: Изд. УрАГС, 2003. – 82 с.
7. Корево Н. Н. Императорский всероссийский престол. Наследование престола по основным государственным законам: справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия. – 2-е изд. – М.: Литера, 2001. – 139 с.
8. Корево Н. Н. Наследование престола по основным государственным законам. – Париж: Тип. Общества объединения русских в Ницце, 1922. – 139 с.
9. Староверова Е. В. Правовой статус Императора Российской Империи (1721–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. Московский государственный университет, 2009. – 36 с.
10. Учреждение об императорской фамилии. – СПб.: Тип. при губернском правлении, 1797. – 79 с.

References

1. Vasilenko, S. A. (2007) *Imperatorskaya familiya v Rossii konca XIX – nachala XX vv. Imushchestvennoe polozhenie i obshchestvennaya deyatel'nost'* [The imperial

surname in Russia of the late XIX – early XX centuries. Property status and social activity]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian).

2. Gradovskij, A. D. (1875) *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava T.1* [The beginnings of Russian state law. Vol. 1]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha. (In Russian).

3. Denisenko, V. V. (2022) *Legitimnost' prava (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Legitimacy of law (theoretical and legal research)]. Moscow: Prospekt. (In Russian).

4. Kodan, S. V. (2013) *Imperskie parametry gosudarstva i prava Rossii* [Imperial parameters of the state and law of Russia]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 1 (88). Pp. 16–18. (In Russian).

5. Kodan, S. V. (2012) *Politiko-yuridicheskij podhod v issledovanii gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii (XIX– nachalo XX v.)* [A political and legal approach in the study of the state and legal development of Russia (XIX– early XX centuries)]. *Problemy obshchestva i politiki – Problems of society and politics*. No. 2. Pp. 88–117. (In Russian).

6. Kodan, S. V. (2003) *Stanovlenie absolyutizma v Rossii XVIII – pervaya polovina XIX v* [The formation of absolutism in Russia XVIII – the first half of the XIX century]. Ekaterinburg: Izd. UrAG S. (In Russian).

7. Korevo, N. N. (2001) *Imperatorskij vsrossijskij prestol. Nasledovanie prestola po osnovnym gosudarstvennym zakonam: spravka po nekotorym voprosam, kasayushchimsya prestolonaslediya* [The Imperial All-Russian Throne. Succession to the throne according to the Main State laws: A reference on some issues related to succession to the throne]. 2nd ed. Moscow: Litera. (In Russian).

8. Korevo, N. N. (1922) *Nasledovanie prestola po osnovnym gosudarstvennym zakonam* [Succession to the throne according to the basic state laws]. Paris: Tip. Obshchestva ob"edineniya russkih v Nicce. (In Russian).

9. Staroverova, E. V. (2009) *Pravovoj status Imperatora Rossijskoj Imperii (1721–1917 gg.)* [The legal status of the Emperor of the Russian Empire (1721–1917)]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian).

10. *Uchrezhdenie ob imperatorskoj familii (1797)* [The institution of the Imperial family]. St. Petersburg: Tip. pri gubernskom pravlenii. (In Russian).

Об авторе

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-1525-724X, e-mail: liva2006@yandex.ru

About the author

Dmitry V. Liventsev, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-1525-724X, e-mail: liva2006@yandex.ru

Поступила в редакцию: 02.10.2024
Принята к публикации: 27.11.2024
Опубликована: 24.12.2024

Received: 02 October 2024
Accepted: 27 November 2024
Published: 24 December 2024

Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику)

Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Основываясь на детерминации государства и права предлагается рассматривать государственно-правовую систему как интегративную конструкцию, формирующуюся на определенном этапе человеческого развития и подверженную формально-содержательным трансформациям.

Предлагается выделять в истории национальных государственно-правовых систем этапы традиционной и переходной динамики. Выделяются признаки, характеризующие традиционные и переходные государственно-правовые системы, рассматривается соотношение линейной и циклической истории применительно к их формально-содержательной характеристике.

С учетом закрепленного в действующей Конституции (1993) положения о «Российской Федерации с ее тысячелетней истории» выделяются три государственно-правовых цикла (монархический/имперский, советский, постсоветский). Анализируются этапы перехода государственно-правовой системы Российской империи к федеративной советской социалистической республике.

Ключевые слова: государственно-правовая система, линейность, цикличность, переходное государство, переходное право, переходные формы, легальность и легитимность государства и права.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 64–81. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_64. EDN: WEZMMH

State-Legal Systems of a Transitional Type (on the Example of the Transformation of the Russian Empire Into a Federal Soviet Socialist Republic)

Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Based on the determination of the state and law, it is proposed to consider the state legal system as an integrative structure that is formed at a certain stage of human development and is subject to formal and meaningful transformations.

It is proposed to identify the stages of traditional and transitional dynamics in the history of national state-legal systems. The features characterizing traditional and transitional state-legal systems are highlighted, the correlation of linear and cyclical history in relation to their formal and substantive characteristics is considered.

Taking into account the provision on the "Russian Federation with its thousand-year history" enshrined in the current Constitution (1993), three state-legal cycles are distinguished (monarchical/imperial, Soviet, post-Soviet). The stages of the transition of the state-legal system of the Russian Empire to the federal Soviet socialist republic are analyzed.

Key words: state-legal system, linearity, cyclicity, transitional state, transitional law, transitional forms, legality and legitimacy of the state and law.

For citation: Romashov, R. A. (2024) Gosudarstvenno-pravovye sistemy perekhodnogo tipa (na primere transformatsii Rossiyskoy imperii v federativnyuyu sovetskuyu sotsialisticheskuyu respubliku) [State-Legal Systems of a Transitional Type (on the Example of the Transformation of the Russian Empire into a Federal Soviet Socialist Republic)]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 64–81. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_64. EDN: WEZMMH

Введение

Актуальность проблематики предопределившей выбор заявленной темы, обусловлена, с одной стороны, теоретической дискуссионностью и неоднозначностью понятия «государственно-правовая система», в рамках которого государство и право предлагается рассматривать не просто как взаимосвязанные категории, а как детерминанты, не способные к самостоятельному (автономному друг от друга) существованию. В таком понимании государство есть форма организации и управления, установленная (легализованная) правом и признаваемая в правовом контексте социально справедливой (легитимной). В свою очередь право – это юридический формат государственной организации и деятельности [10, с. 34–46]. Сказанное не означает, что государство является монополистом в области правотворчества и правоприменения¹, однако и то, и другое невозможны вне поля государственной юрисдикции, определяющего пространственные, социальные и временные параметры правовой жизнедеятельности.

Представляя собой этапное явление цивилизационной истории человечества, государственно-правовые системы формируются на определенном этапе человеческого развития и подвержены трансформационным изменениям, по результатам которых либо сохраняют основные формально-содержательные характеристики, продолжая собственную историческую линейность, либо трансформируются в новый исторический тип, что свидетельствует о завершении предшествующего государственно-правового цикла и начале следующего, являющегося по сути «новой историей» [12, с. 290–298].

¹ Для современной российской государственно-правовой системы характерны как позитивистская концепция формально-юридического правопонимания, так и естественно-правовая (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ 1993 г.). Также признаются и включаются в правовую систему Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г.).

В практическом отношении проблема переходного государственно-правового состояния значима прежде всего тем, что современная Россия, перестав быть «советской социалистической», вместе с тем вплоть до настоящего времени не идентифицировала себя с типовой моделью буржуазно-демократического («евро-американского/западного») государства, ранее противопоставляемого социалистическому [5, с. 208–210]. В настоящее время много говорится о «третьем пути». В Концепции внешней политики Российской Федерации (2023), содержится ее характеристика как «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы», что свидетельствует об изменении геополитического вектора российской государственно-правовой политики и ее «восточной переориентации». При этом заявленная в Концепции методология международного взаимодействия, в соответствии с которой: «Отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики в отношении Российской Федерации», наглядным образом свидетельствует о стремлении к смене формационно-идеологической модели (в рамках которой «дружественность/недружественность» страны определялась «верностью» ее руководства социалистическим ценностям и марксистско-ленинской идеологии), на рациональную-прагматическую, основывающуюся в первую очередь на национальных интересах и безопасности самой России.

С учетом того, что нельзя осознать настоящее без понимания прошлого, в рамках статьи на основании общетеоретического анализа переходности как типологической характеристики государственно-правовой системы проведен исторический анализ перехода России из со-

стояния империи к федеративной советской социалистической республике. По нашему мнению, тенденции рассматриваемого исторического периода во многом аналогичны тем, которые имели место на этапе распада СССР и при формировании российской государственно-правовой системы в ее современное состояние.

Общетеоретическая характеристика государственно-правовой системы переходного типа

Представление о государственно-правовой системе как о совокупности взаимосвязанных институциональных (материальных) и процессуальных (субстанциональных) элементов связано с двуединством объекта общей теории государства и права.

Выступая в качестве интегрированной формы внешнего выражения общественных отношений, складывающихся под воздействием ряда факторов и закономерностей, государственно-правовая система в ходе своего исторического развития проходит этапы возникновения и становления, стабильного поступательного развития, кризиса, распада либо трансформации. Для каждого из перечисленных периодов характерны специфика государственно-го устройства и функционирования, а также систематика национального права и юридическая техника правотворческой и правоприменительной деятельности [3].

Дифференциация государственно-правовых систем на традиционные и переходные основывается на концепции «условной истории», в соответствии с которой историческое познание в своей периодичности и содержательности определяется не только фактологией, представленной вошедшими в описания персоналиями, явлениями, событиями, но и их субъективной интерпретацией, обусловленной «социальным заказом», связанным с сохранением либо восстановлением «историче-

ской правды» [6, с. 114–117]. Имеющийся опыт в области отечественной истории наглядно свидетельствует о том, что одни и те же исторические личности и факты воспринимаются современниками различных государственно-правовых периодов по-разному. Так, к примеру, последний российский император Николай II в советское время рассматривался как «Николай кровавый», а в современной России воспринимается как канонизированный «святой великомученик» [9, с. 400–403].

«Условная история» создается людьми и используется ими для достижения достаточно прагматических целей, связанных с формированием и продвижением как внутри государства, так и за его пределами «национальной идеи», выступающей в качестве «скрепы», соединяющей отдельных индивидов в государственно организованное сообщество – народ (нацию) [11, с. 290–301].

В традиционных государственно-правовых системах в течение трех и более человеческих поколений относительно неизменными являются базовые подходы к формальным параметрам (форма государственного правления и административно-территориального устройства; социальное структурирование; система юридических форм права; юридическая техника правотворчества и правоприменения; механизмы взаимодействия государства и церкви; государства, общества, личности и др.) и к национальной истории, воспринимаемой в качестве «исторической правды» [4, с. 31–36].

Условием переходного состояния государственно-правовой системы являются кризисные ситуации, при которых традиционные механизмы социальной организации и публичной власти утрачивают свою прикладную эффективность и, как следствие, легитимность в «глазах нации». В марксистско-ленинской формационной теории суть такого кризиса определялась формулой: «Низы

не хотят, а верхи не могут жить по-старому» (В. И. Ленин). Выходом из кризиса с равной вероятностью может быть возврат к традиционному государственно-правовому порядку, либо его трансформация. Результатом последней может быть как сохранение национальной идентичности, так и ее утрата. В любом случае на месте ранее существовавшей начинает формироваться новая государственно-правовая система, качественным образом отличающаяся от прежнего аналога и в таком виде являющаяся инновационным историческим артефактом.

К числу признаков, характеризующих переходную государственно-правовую систему, следует относить:

- отказ от традиционных государственно-правовых форм с одновременным созданием альтернативных институтов, деятельность которых определяется не нормативной законностью, а политической целесообразностью;
- замену стратегического долгосрочного государственного планирования тактическим, рассчитанным на кратковременную перспективу;
- кардинальное обновление кадрового состава управленческого корпуса, с занятием высших должностей людьми, не имеющими ни специального профессионального образования, ни опыта управленческой деятельности в сфере публичной власти, что обуславливает волюнтаристскую политику и связанные с ней многочисленные злоупотребления властными полномочиями;
- нахождение законодательной и правоприменительной системы в состоянии «нормативно-правовой аномии» и связанное с этим внедрение «правотворчества и правоприменения народных масс», представители которых в своей юридически значимой деятельности опираются не на профессиональные компетенции (которых у них попросту нет), а на собственное субъективное восприятие реальности, в основу которого положен

принцип «отрицания» ранее существовавших правил, принципов, ценностей [7, с. 135–138].

Переходные государственно-правовые системы могут в ходе исторического развития преобразоваться в традиционные, либо «уйти» на очередной переходный цикл.

Применительно к российской истории можно выделить две основные традиционные системы: монархическую (собственно, государственную) и социалистическую (советско-партийную). Первая (с учетом княжеского периода), просуществовала без малого тысячу лет (если исходить из конституционного закрепления тысячелетней истории Российской Федерации), вторая – чуть больше семидесяти. Каждая из систем была по-своему уникальной. При этом социалистическая государственно-правовая система, возникнув в результате разрушения «старого мира», вполне естественно относилась к нему сугубо отрицательно. «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем, мы наш мы новый мир построим...»¹. Поэтому с юридической точки зрения говорить о правопреемстве и уж тем более о правопродолжении в данной ситуации нельзя. Вместе с тем представляется в достаточной степени интересным собственно переходный период, в рамках которого за достаточно краткий (по меркам национальной истории) временной промежуток (чуть более 20 лет) сменились как минимум пять системных моделей переходного типа.

От Российской империи к федеративной социалистической республике: этапы перехода

Рассмотрение особенностей перехода России от государственно-правовой системы монархического (имперского) типа к федеративной советской социалистической

¹ Интернационал [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Интернационал_\(Потье,_Коц\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Интернационал_(Потье,_Коц))

республике (РСФСР) и далее к федеративному союзному государству, следует начать с хронологической периодизации, определив ее рамки 1914–1936 гг. В обозначенных временных пределах следует выделить следующие периоды:

- 1914 – февраль 1917 г. – вступление России в Первую мировую войну, кризис имперской государственно-правовой системы;
- март – октябрь 1917 г. – Российская буржуазно-демократическая республика;
- октябрь 1917 – март 1921 г. – Великая Октябрьская Социалистическая Революция, период «военного коммунизма» и революционной законности;
- 1922–1931 гг. – образование СССР, период НЭП;
- 1931–1936 гг. – коллективизация и индустриализация народного хозяйства, окончательная победа социализма, формирование системы социалистической законности.

Кризис имперской государственно-правовой системы был обусловлен началом Первой мировой войны и усилением революционного движения, поддерживаемого практически всеми социальными слоями населения. Неспособность царствующего императора адекватно реагировать на возникающие вызовы и угрозы повлекла за собой его вынужденное отречение, ставшее актом «политического самоубийства» и причиной «конца истории» российской монархии [13, с. 142–157].

Образовавшаяся на «обломках империи» Российская республика с момента своего создания находилась в состоянии конфликта между буржуазным Временным правительством и Советами депутатов трудящихся, завершившегося Октябрьским государственным переворотом и установлением советской власти в лице диктатуры пролетариата [8, с. 40–47].

Выход на политическую арену государства нового исторического типа – Российской Социалистической

Федеративной Советской Республики повлек «разрыв» культурно-исторической традиции и внедрение в общественное сознание новой ценностной парадигмы. При этом изменения коснулись практически всех сфер общественной и государственно-правовой жизнедеятельности. Рассмотрим наиболее значимые из них:

- монархическая форма правления заменялась республиканской, при этом советская социалистическая республика по форме правления и социальной сущности качественным образом отличалась от буржуазных аналогов;

- единоличная власть царствующего императора заменялась на советско-партийную диархию, в рамках которой формальная государственная власть принадлежала многоуровневым Советам депутатов трудящихся, а фактическая – партийным организациям, формирующимся как по территориальному, так и по производственному принципу и осуществлявшим контрольно-управленческое воздействие практически на все сферы государственной и общественной жизнедеятельности;

- «единая неделимая» Российская империя объявлялась Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, которую Конституция 1918 г. определяла как «федерацию советских национальных республик»;

- имперское законодательство в своей основной массе отменялось и заменялось революционной законностью, базирующейся на классовом сознании и чутье представителей диктатуры пролетариата;

- сословная структура общества заменялась классовой, с доминирующим положением рабочего класса и дискриминацией по отношению к представителям и «прислужникам» бывших эксплуататорских классов, а также к нетрудовым элементам;

- церковь отделялась от государства, священнослужители подвергались государственным репрессиям;

■ Конституция 1918 г. закрепляла переходное состояние революционной государственно-правовой системы и определяла, что: «Основная задача рассчитанной на настоящий *переходный* (курсив авт. – Р. Р.) момент Конституции...заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Период становления советской государственно-правовой системы проходил в условиях Гражданской войны, являвшейся конфликтной формой разрешения антагонистических противоречий между апологетами и непримиримыми противниками нового порядка. При этом далеко не все из тех, кто воевал против «красных», были убежденными монархистами, что придавало «белому» движению неоднозначный характер, а это, в свою очередь стало одной из наиболее значимых причин его поражения.

В ситуации, когда в прямом смысле слова решался вопрос выживания новой власти, действовала государственная политика «военного коммунизма» суть которой заключалась в широкомасштабном внедрении командно-административных методов управления, обеспечиваемых военно-репрессивным механизмом [1, с. 47–49]. «Революционные романтики» всерьез полагали возможным одномоментный переход от товарно-денежных рыночных отношений к системе государственного распределения жизненных благ, основанной на принципе: «От каждого по способности, каждому по труду (точнее по месту, занимаемому тем или иным гражданином в социально-политической структуре формирующейся системы)». Характерными чертами

«военного коммунизма» были централизация экономики, национализация промышленности (включая мелкие производства), монополизация системы распределения продуктов сельского хозяйства (продразверстка), запрет частной торговли и уголовная ответственность (вплоть до высшей меры «социальной защиты») в отношении спекулянтов, использование армии и милиции в народном хозяйстве и др. Идеальной целью проводимого политического курса являлось построение «государства-фабрики», в котором каждый гражданин занимает свое место в отлаженном конвейере, деятельность которого подчинена целям и задачам, определенным партийными программными документами. Именно такое «идеальное» государство было представлено в известной антиутопии Евгения Замятина «Мы».

Победоносное завершение Гражданской войны означало завершение этапа завоевания советской власти и одновременное начало периода восстановления разрушенного войной хозяйства, переводом его на «мирные экономические рельсы». На данном этапе происходит отказ от «военного коммунизма», который сменяет новая экономическая политика (НЭП), в рамках которой допускалась частичная либерализация экономики, связанная с контролируемым государством возвратом к частной собственности и частному предпринимательству. Наряду с внедрением НЭП, новый переходный период советского строительства характеризовался следующими особенностями:

- в 1922 г. заключается Договор об образовании союзного государства СССР между четырьмя суверенными государствами (РСФСР, БССР, ЗСФСР, УССР), в 1924 г. принимается консолидированная Конституция СССР, в структуре которой объединялись Декларация и Договор об образовании СССР;

- РСФСР утрачивает статус суверенного государства и становится субъектом союзного федеративного государства с особым правовым статусом. Российская коммунистическая партия большевиков (РКП (б)), преобразуется во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков (ВКП (б), с включением в структуру партийных организаций советских республик;

- в 1924 г. умирает В. И. Ленин, что обусловило борьбу за власть в партии и государстве, в результате усилился и приобрел открытую конфликтную форму внутрипартийный раскол и связанные с ним репрессии в отношении представителей радикальной оппозиции.

НЭП обеспечил быстрое восстановление экономической системы от разрушительных последствий Первой мировой и Гражданской войн. Вместе с тем одержанные победы в сфере экономического развития в определенной степени снижали государственно-партийный авторитет и позволяли усомниться в необходимости сохранения государственной монополии как в экономической, так и в политической сфере общественной жизнедеятельности [14]. Стремление к сохранению верности коммунистическим идеалам, равно как и объективная необходимость трансформации аграрной экономики страны (доставшейся в наследство от монархического режима) в индустриальную, обусловило «сворачивание» НЭПа с последующей «переориентацией» государства на политику индустриализации и коллективизации, обеспечившей завершение переходного состояния советской государственно-правовой системы и ее трансформацию в систему традиционного типа.

Формальной «точкой», ознаменовавшей завершение переходного этапа «борьбы за социализм» и установление советской социалистической государственно-правовой системы традиционного типа, стала Конституция 1936 г.

[2, с. 17–19], в которой получила закрепление модель государственно-правового устройства, без сколь-нибудь существенных изменений функционировавшая вплоть до системного кризиса конца 80-х годов XX в., обусловившего начало очередного «перехода», следствием которого стал распад СССР и за ним новое обретение Российской Федерацией государственного суверенитета.

Заключение

Представляя собой комплексную логическую умозрительную конструкцию, государственно-правовая система объединяет государство и право, выступающие по отношению друг к другу в качестве детерминант, автономное существование которых невозможно.

Возникая на определенном этапе человеческого развития, государственно-правовые системы в своем реальном формировании и функционировании находятся в одном из двух динамических состояний: традиционном и переходном. Традиционное состояние характеризуется неизменностью формальных параметров государства (форма правления и административно-территориального устройства) и права (система юридических форм национального права, юридическая техника правотворческой и правоприменительной деятельности); относительным постоянством целевых установок и ценностных приоритетов; единством восприятий «условной» истории. Представление о государственно-правовой системе как о традиционной возможно при условии сохранения определяемого ей порядка общественной организации и публичной власти в течение трех и более человеческих поколений, жизнедеятельность которых осуществляется в линейном историческом измерении. Государственно-правовая система переходного типа связана с кризисом либо разрывом исторической традиции и характеризу-

ется изменениями вышеперечисленных параметров, которые с равной вероятностью могут повлечь следующие последствия: возврат к ранее сформировавшейся традиции; формирование новой традиции; преобразование в следующую переходную стадию.

Исследование истории российской государственно-правовой системы позволяет выделять две традиционные государственно-правовые системы (монархическую/имперскую и советскую республиканскую). Временные параметры перехода от монархической к советской исторической традиции могут быть заданы хронологическими рамками 1914–1936 гг. В обозначенный временной период государственно-правовая система России прошла пять переходных состояний (кризис имперской системы; формирование и кризис буржуазно-демократической республиканской системы; формирование РСФСР, революционная законность, политика «военного коммунизма»; формирование СССР, НЭП; политика коллективизации и индустриализации, социалистическая законность, окончательная победа социализма). В качестве завершающей «точки» переходного состояния государственно-правовой системы социалистической советской федеративной республики (РСФСР/СССР) следует рассматривать Конституцию СССР 1936 г., закрепившую базовые основы государственно-правового порядка и основанной на нем традиции, сохранявшихся вплоть до начала системного кризиса конца 80-х годов XX в., следствием которого стал распад СССР, положивший начало новому переходному этапу отечественной истории.

Список литературы

1. Блинов Д. А., Шагаев В. А. Система органов государственной власти по реализации политики военного коммунизма // Закон и власть. – 2019. – № 3. – С. 47–49. EDN: GKVKJS

2. Бычков А. И. Историко-правовая характеристика Конституции СССР 1936 г. // История государства и права. – 2012. – № 8. – С. 17–19. EDN: PEZGDV
3. Государственно-правовые системы современности / С. В. Архипов, Н. Н. Кириловская, В. А. Ковалев [и др.]. – СПб.: Алтей, 2023. – 298 с. EDN: HNAWJE
4. Дорская А. А. Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2(109). – С. 31–36. EDN: VUTJVV
5. Клушина И. В. Государственно-правовая система России: история и современность // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. – 2006. – № 3–4. – С. 208–210. EDN: RCLHXT
6. Лобин А. М. Концепция истории и проблема типологии исторических произведений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–3 (86). – С. 114–117. EDN: ZWMARX
7. Лясович Т. Г. Понятие и признаки переходной государственно-правовой системы в Отечественной теоретико-правовой науке // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: материалы XXI международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 года. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 135–138. EDN: LOVUYG
8. Лясович Т. Г. Переходные государственно-правовые системы: на примере опыта Российской буржуазной республики (февраль – октябрь 1917) // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 4. – С. 40–47. DOI: 10.24412/2312-0444-2023-4-40-47. EDN: OOPRQY
9. Приходько А. С. Образ Николая II как миф в исторической литературе // Миф в истории, политике, культуре: сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции, Севастополь, 22–25 июня 2021 года / под редакцией А. В. Ставицкого. – Севастополь: Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. – С. 400–403. DOI: 10.35103/SMSU.2021.11.31.057. EDN: GRWROI
10. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы современности // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3(61). – С. 34–46. DOI: 10.35231/18136230_2020_3_34. EDN: ZXVKQV
11. Ромашов Р. А. § 1. «Переживание» истории в контексте государственно-правовых систем переходного типа // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. – СПб.: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2020. – С. 290–301. EDN: TAMIVS
12. Ромашова М. Р. Особенности конституционного правосознания в условиях традиционных и дискретных государственно-правовых систем // Байкальские компаративистские чтения: материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 21–22 марта 2024 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2024. – С. 290–298. EDN: LWQJTG
13. Шелохаев В. В., Соловьев К. А. Кризис Российской империи как историографическая проблема // Российская история. – 2019. – № 2. – С. 142–157. DOI: 10.31857/S086956870004496-6. EDN: YGTHNG
14. Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Советская Россия в период новой экономической политики (1921–1929 гг.) – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. – 137 с. EDN: PJKOAV

References

1. Blinov, D. A., Shagaev, V. A. (2019) Sistema organov gosudarstvennoj vlasti po realizacii politiki voennogo kommunizma [The system of state authorities for the implementation of the policy of war communism]. *Zakon i vlast' – Law and Power*. No. 3. Pp. 47–49. (In Russian). EDN: GKBKJS
2. Bychkov, A. I. (2012) Istoriko-pravovaya karakteristika Konstitucii SSSR 1936 g [Historical and legal characteristics of the Constitution of the USSR 1936]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of the state and law*. No. 8. Pp. 17–19. (In Russian). EDN: PEZGDV
3. Arhipov, S. V., Kirilovskaya, N. N., Kovalev, V. A. [etс.]. (2023) (eds.) *Gosudarstvenno-pravovye sistemy sovremennosti* [State and legal systems of modernity]. St. Petersburg: Altej. (In Russian). EDN: HHAWJE
4. Dorskaya, A. A. (2016) Osnovnye etapy formirovaniya gosudarstvenno-pravovoj tradicii v Rossii [The main stages of the formation of the state-legal tradition in Russia]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*. No. 2 (109). Pp. 31–36. (In Russian). EDN: VUTJVI
5. Klushina, I. V. (2006) Gosudarstvenno-pravovaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost' [The state-legal system of Russia: history and modernity]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS – State and municipal administration. Scientific notes of SKAGGS*. No. 3–4. Pp. 208–210. (In Russian). EDN: RCLHXT
6. Lobin, A. M. (2017) Konceptiya istorii i problema tipologii istoricheskikh proizvedenij [The concept of history and the problem of typology of historical works]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. No. 12–3(86). Pp. 114–117. (In Russian). EDN: ZWMARX
7. Lyasovich, T. G. (2024) Ponyatie i priznaki perekhodnoj gosudarstvenno-pravovoj sistemy v Otechestvennoj teoretiko-pravovoj nauke [The concept and signs of a transitional state-legal system in Russian theoretical and legal science]. *Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [State and law: evolution, current state, development prospects]. Materials of the XXI international scientific and practical conference. In 2 parts, St. Petersburg, April 18–19, 2024. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF. Pp. 135–138. (In Russian). EDN: LOVUYG
8. Lyasovich, T. G. (2023) Perekhodnye gosudarstvenno-pravovye sistemy: na primere opyta Rossijskoj burzhuaznoj respublikii (fevral' – oktyabr' 1917) [Transitional state-legal systems: on the example of the experience of the Russian bourgeois Republic (February – October 1917)]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry – Civil service and personnel*. No. 4. Pp. 40–47. (In Russian). DOI: 10.24412/2312-0444-2023-4-40-47. EDN: OOPRQY
9. Prihod'ko, A. S. (2021) Obraz Nikolaya II kak mif v istoricheskoy literature [The image of Nicholas II as a myth in historical literature]. *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, culture]. Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference, Sevastopol, June 22–25, 2021 / ed. A. V. Stavickogo. Sevastopol: Filial Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole. Pp. 400–403. (In Russian). DOI: 10.35103/SMSU.2021.11.31.057. EDN: GRWROI
10. Romashov, R. A. (2020) Gosudarstvenno-pravovye sistemy sovremennosti [State-legal systems of modernity]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 3 (61). Pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2020_3_34. EDN: ZXVKQV
11. Romashov, R. A. (2020) § 1. «Perezivanie» istorii v kontekste gosudarstvenno-pravovyh sistem perekhodnogo tipa [§ 1. "Experiencing" history in the context of transitional state-legal systems]. *Yuridicheskie formy perezivaniya istorii: praktiki*

i predely – Legal forms of experiencing history: practices and limits. St. Petersburg: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij "Asterion". Pp. 290–301. (In Russian). EDN: TAMIVS

12. Romashova, M. R. (2024) Osobennosti konstitucionnogo pravoponimaniya v usloviyah tradicionnyh i diskretnyh gosudarstvenno-pravovyh sistem [Features of constitutional legal understanding in the conditions of traditional and discrete state legal systems]. *Bajkal'skie komparativistskie chteniya* [Baikal comparative readings]. Materials of the international scientific and practical conference, Irkutsk, March 21–22. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet, Pp. 290–298. (In Russian). EDN: LWQJTG

13. Shelohaev, V. V. (2019) Krizis Rossijskoj imperii kak istoriograficheska-ya problema [The crisis of the Russian Empire as a historiographical problem]. *Rossijskaya istoriya – Russian History*. No. 2. Pp. 142–157. (In Russian). DOI: 10.31857/S086956870004496-6. EDN: YGKHHG

14. Yahutl', Yu. A. (2018) *Sovetskaya Rossiya v period novej ekonomicheskoj politiki (1921–1929 gg.)* [Soviet Russia in the period of new economic policy (1921–1929)]. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian). EDN: PJKOAB

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Honored Scientist Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 23.10.2024
Принята к публикации: 20.11.2024
Опубликована: 24.12.2024

Received: 23 October 2024
Accepted: 20 November 2024
Published: 24 December 2024

Медиация как способ урегулирования правовых споров в здравоохранении: проблемы и пути решения

С. В. Воронкова¹, М. А. Юркова²

¹ Научно-исследовательский институт промышленной и морской медицины
Федерального медико-биологического агентства,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается институт медиации в российском здравоохранении. Несмотря на позитивный характер и перспективы такого способа урегулирования правовых споров при оказании медицинской помощи, отмечаются серьезные пробелы законодательного и практического характера, приводящие к неэффективности и низкой востребованности медиации в Российской Федерации. В результате исследования делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования и развития системы досудебного урегулирования правовых споров на основе комплексного подхода, заключающегося в гармонизации законодательства, повышении ответственности медицинских работников, необходимости подготовки медиаторов в сфере здравоохранения, повышения правовой грамотности населения, расширения деятельности юридических клиник.

Ключевые слова: медиация, здравоохранение, медицинская помощь, государственный контроль (надзор), досудебное урегулирование споров.

Для цитирования: Воронкова С. В., Юркова М. А. Медиация как способ урегулирования правовых споров в здравоохранении: проблемы и пути решения // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 82–97. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_82. EDN: TDOZIQ

Original article
UDC 342.9
EDN: TDOZIQ
DOI: 10.35231/18136230_2024_4_82

Mediation as a Way to Settle Legal Disputes in Healthcare: Problems and Solutions

Svetlana V. Voronkova¹, Marina A. Yurkova²

¹ Research Institute of Industrial and Maritime Medicine
of Federal Medical Biological Agency,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the Institute of mediation in Russian healthcare. Despite the positive nature and prospects of this method of resolving legal disputes in the provision of medical care, there are serious legislative and practical gaps, leading to inefficiency and low demand for mediation in the Russian Federation. As a result of the study, the authors conclude that it is necessary to further improve and develop the system of pre-trial settlement of legal disputes based on an integrated approach consisting in harmonizing legislation, increasing the responsibility of medical workers, the need to train mediators in the field of healthcare, improving legal literacy of the population, expanding the activities of legal clinics.

Key words: mediation, healthcare, medical care, state control (supervision), pre-trial settlement of disputes.

For citation: Voronkova, S. V., Yurkova, M. A. (2024) Mediaciya kak sposob uregulirovaniya pravovyh sporov v zdravoohranenii: problemy i puti resheniya [Mediation as a Way to Settle Legal Disputes in Healthcare: Problems and Solutions]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 82–97. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_82. EDN: TDOZIQ

Введение

В положениях федерального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи»¹ для возможности более эффективной работы организаций, оказывающих медицинскую помощь, и создания действенной системы защиты прав пациентов, указывалось на необходимость внесения изменений в законодательство об обязательном медицинском страховании, возможность открытия страховыми медицинскими организациями в субъектах Российской Федерации офисов (представительств), применение досудебного порядка урегулирования жалоб застрахованных лиц на всей территории России независимо от места получения полиса обязательного медицинского страхования (ОМС).

В научной литературе отмечается, что наряду с краткосрочными постконфликтными реалиями, обладающими частным характером для субъектов, долгосрочные постконфликтные реалии носят характер негативных тенденций и оказывают влияние на эффективность системы здравоохранения в целом [13]. В этой связи при нарушении прав пациентов, связанных с оказанием медицинской помощи, в том числе в рамках программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, для досудебного урегулирования споров между застрахованными лицами и медицинскими организациями целесообразно проведение процедуры медиации.

Генезис медиации в отечественном праве берет свое начало с XIX в. и связан с созданием в Российской империи коммерческих судов², применением обычаев оборота в качестве примирительных процедур между купцами

¹ Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС Консультант Плюс.

² О порядке судопроизводства в коммерческих судах // Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. 2 / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель».

[6]. Современный период правовой системы России ознаменовался возрождением первых признаков возвращения медиации в связи с утверждением национальной стратегии противодействия коррупции¹.

Применение процедуры медиации в сфере охраны здоровья

Минздравом России, как уполномоченным регулятором, в октябре 2019 г. на законодательном уровне закреплено проведение медиации, установленной², при возникновении проблемных претензионных ситуаций между гражданами (пациентами) и медицинскими организациями в результате оказания медицинской помощи, в том числе на безвозмездной основе в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Таким образом, регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений.

По нашему мнению, повсеместное применение процедуры медиации в сфере охраны здоровья на современном этапе в сложившихся условиях правового вакуума в Российской Федерации достаточно сложно. Нельзя не согласиться с позицией ученых о том, что государство заинтересовано в поддержке и легитимизации процедуры медиации, а ее результат в виде медиативного соглашения должен быть повсеместно признан; при этом интересы сторон и урегулирование спора могут быть шире и выходить далеко за рамки правового регулирования [4].

¹ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы: указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 (ред. 13.03.2012) // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.

² Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

Проблемы в применении судебной системой процедуры медиации

Среди многочисленных причин слабого развития института медиации в практическом разрешении споров в России в научной литературе указывается на проблемы разграничения задач и функций нескольких субъектов (представителей сторон, в том числе адвокатов, непосредственно медиаторов), а также незаинтересованность и самоустранение судебной системы [12]. Процедура медиации может применяться после возникновения споров, рассматриваемых как в порядке гражданского судопроизводства, так и административного судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах. Вследствие этого ученые-административисты обращают внимание, что институт административной медиации в России на законодательном уровне не урегулирован должным образом, а в теории остается весьма дискуссионным, для чего необходимо внесение изменений в ряд законодательных актов, устанавливающих порядки судопроизводства [11]. Аналогичного мнения придерживаются ученые относительно возможности внедрения судебной медиации при одновременном повышении эффективности судебной системы и сохранении гарантии доступа к правосудию [9].

Мониторинг, проведенный Верховным судом Российской Федерации о применении судебной системой процедуры медиации в 2013–2014 гг. позволил определить следующие причины ее низкой популярности¹:

1) организационные – относительная новизна процедуры медиации; отсутствие медиаторов; отсутствие рекламы на рынке профессиональных медиаторов; отсутствие распространенной практики использования медиации;

¹ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год» (утв. Президиумом Верховного суда РФ 01.04.2015) // СПС КонсультантПлюс.

отсутствие в суде помещений, которые можно было бы предоставлять для проведения примирительных процедур; низкая активность просветительской работы на уровне государственных органов всех уровней и органов местного самоуправления, средств массовой информации, медиаторов; необязательность проведения процедуры медиации до обращения в суд;

2) экономические – высокая стоимость услуг профессиональных медиаторов; процессуальная пассивность сторон при разрешении гражданских споров, нежелание нести дополнительные финансовые затраты; отсутствие стремления у судебных представителей к примирению сторон, поскольку это существенно снижает размер оплаты их услуг;

3) субъективные (психологические) – высокая степень конфликтности отношений в обществе; неосведомленность сторон о медиации; отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров; недоверие к медиатору; стремление лица, право которого нарушено, любыми способами привлечь к ответственности нарушителя субъективного права; неучастие в судебных заседаниях руководителей, которые вправе принимать решения, в том числе и в отношении предмета спора; восприятие судебного решения как более «ценного» судебного акта по сравнению с определением о прекращении производства по делу; нежелание брать ответственность за разрешение конфликта на себя; разрешение спора в судебном порядке является отсрочкой исполнения своих обязательств перед контрагентами для недобросовестных лиц; низкий уровень правовой культуры.

Несмотря на первоначальное позитивное восприятие и развитие процедуры медиации в 60 субъектах Российской Федерации, в соответствии с данными мониторинга¹

¹ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного суда РФ 22.06.2016) // СПС Консультант Плюс.

была выявлена тенденция снижения использования примирительных процедур судами: в 2014 г. спор с помощью процедуры медиации был урегулирован в 1329 делах (0,01 % от числа рассмотренных); в 2015 г. путем проведения процедуры медиации спор был урегулирован в 1115 делах (0,007 % от числа рассмотренных), из которых в 916 делах на основе медиативного соглашения было утверждено мировое соглашение.

Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного суда Российской Федерации в указанной справке выделены основные категории дел, в которых спор был урегулирован путем проведения медиации: семейные споры, трудовые споры (в том числе о восстановлении на работе, о возмещении ущерба, причиненного при исполнении трудовых обязанностей), иски о возмещении вреда за увечье и смерть кормильца (в том числе в связи с нарушением правил движения и авариями на транспорте); о взыскании страхового возмещения (выплат); о защите прав потребителей; имущественные споры (связанные с наследованием, связанные со сделками с частными домами и приватизированными квартирами; возникающие из права собственности и договора аренды); о защите чести, достоинства, деловой репутации, иски о возмещении ущерба от ДТП и др.

Обзор практики применения судами медиации показывает, что примирительные процедуры в сфере оказания медицинской помощи и медицинских услуг остались невостребованными системой.

Главная задача врача – это оказание медицинской помощи пациенту с целью сохранения его жизни и здоровья, предотвращение болезней и облегчение страданий, исключение нанесения вреда, выполнение своих обязанностей согласно полученным знаниям и приобретенным навыкам. Учитывая сложность и специфичность оценки

качества оказания медицинских услуг, предполагается, что давать оценку качества оказанных медицинских услуг вправе только профессиональное медицинское сообщество. В соответствии с законодательством, контроль качества медицинской помощи представляет комплекс мероприятий, проводимых на нескольких уровнях – от внутреннего и ведомственного контроля, федерального государственного контроля¹ до проведения специальных экспертиз². Ответственным за организацию и проведение внутреннего контроля качества медицинской помощи является руководитель медицинской организации либо уполномоченный им заместитель руководителя.

В этом случае применение медиации будет эффективным, так как решение о том, нарушил ли медицинский работник какие-либо порядки, стандарты и клинические рекомендации принимается самим медицинским сообществом. Существуют примеры положительного результата медиации, когда удалось убедить пациента не обращаться с исковым заявлением в суд или контрольно-надзорные органы, оставляя за ним такое право в дальнейшем.

Например, играет важную роль в рамках исследуемого вопроса позиция о необходимости медиативной оговорки как существенного условия при заключении договора возмездного оказания медицинских услуг [1]. С учетом того, что в соответствии со ст. 779 ГК РФ договор на оказание медицинских услуг имеет характер возмездного, закрепление возможности претензионного порядка урегулирования споров и указание порядка его проведения позволит решить проблему безконфликтно, в том числе путем проведения процедуры медиации.

¹ Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности: приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 785н // СПС КонсультантПлюс.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Важная роль в научных публикациях отводится действиям медиатора при конфликте для удовлетворения спора, в частности: оказание помощи врачам и заявителям в установлении психологического контакта; минимизация недоверия к медицинским работникам со стороны родственников пациента, а также снижение психологического напряжения в отношениях спорящих сторон, которое возникло из-за низкой правовой грамотности и этической культуры: обязательное информирование пациента о защите его прав на охрану здоровья, закрепленных в Конституции Российской Федерации [2].

Однако в соответствии с Федеральным законом № 193-ФЗ от 27.07.2010, медиатор не вправе давать какие-либо консультации по существу вопроса. К сожалению, такой подход к процедуре медиации в здравоохранении имеет место в нарушение установленных требований. В частности, данный тезис рассматривается в качестве одного из условий успешного решения вопросов, связанных с разрешением претензий при оказании медицинской помощи при неукоснительном соблюдении основных принципов беспристрастности и независимости медиатора, а также принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон [14].

Навыки ведения переговоров у медицинского работника

Следует отметить, что немаловажным аспектом в рамках настоящего исследования является наличие навыков ведения переговоров у медицинского работника, признание права пациента на получение полной и достоверной информации о здоровье и об оказываемых услугах, а также умение проявлять уважение к пациенту. По нашему мнению, такой подход носит превентивный характер для возможной неудовлетворённости пациента при оказа-

нии медицинской помощи и служит предупредительной мерой для исключения жалобы или судебного иска. К сожалению, современная практика свидетельствует о том, что при получении бесплатной медицинской помощи в первичном звене медицинских организаций государственной системы здравоохранения такой подход мало выполним из-за ограниченного времени, отведенного специалистам на прием одного пациента¹.

Как отмечается в статье одним из адвокатов Палаты адвокатов Самарской области, «субъективный опыт работы в здравоохранении позволяет утверждать, что причины сложности внедрения медиации в систему здравоохранения – в сознании самих медицинских работников. Лишь малая часть врачей, заведующих отделениями, организаторов здравоохранения в принципе готовы разговаривать с недовольным пациентом. Вступление в диалог зачастую воспринимается ими как капитуляция и признание вины» [8].

Таким образом, встает вопрос о необходимости повышенного внимания к основам психологии, конфликтологии, этике и деонтологии при обучении и аккредитации врачей и среднего медицинского персонала. Применение полученных знаний будет способствовать уменьшению конфликтных ситуаций между пациентами и медицинскими работниками в их практической деятельности.

В рамках исследования проблемы медиации в здравоохранении можно назвать своевременным утверждение перечня видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб². При

¹ См., например: Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-педиатра участкового, врача-терапевта участкового, врача общей практики (семейного врача), врача-невролога, врача-оториноларинголога, врача-офтальмолога и врача-акушера-гинеколога: приказ Минздрава России от 02.06.2015 № 290н // СПС КонсультантПлюс.

² Об утверждении перечня видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб: постановление Правительства РФ от 28.04.2021 № 663 (ред. от 26.12.2022) // СЗ РФ. 2021. № 19. Ст. 3220.

осуществлении федерального государственного контроля (надзора) качества и безопасности медицинской деятельности Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения рассмотрение досудебных жалоб стало обязательным с 1 июля 2021 г. В частности, согласно официальным отчетам Росздравнадзора, в IV квартале 2021 г. в ведомство поступило всего 39621 обращение от граждан и организаций, в том числе в центральный аппарат: 65,8 % – по тематике качества и безопасности медицинской деятельности, 7,6 % – по реализации программ и национальных проектов, 2,2 % – по лицензированию, 3,3 % – по обращению лекарственных средств и медицинской продукции, 1,1 % – по обращению медицинских изделий¹. В 2022 г. отмечается рост обращений граждан в Росздравнадзор в сравнении с аналогичным периодом 2021 г. по вопросам проведения медико-социальной экспертизы². Кроме того, ведомство внедрило в свою деятельность принципы клиентоцентричности в целях реализации федерального проекта «Государство для людей»³.

Применение процедуры медиации в промышленной и морской медицине

Безусловно, государство заинтересовано в применении превентивного досудебного подхода урегулирования споров, так как, во-первых, он способствует сокращению судебных расходов; во-вторых, снижает численность сотрудников контрольно-надзорных органов, участвующих в судах; в-третьих, обеспечивает единство подходов в правоприменении; в-четвертых, такой механизм позволяет

¹ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/feedbackbutton> (дата обращения 01.09.2023).

² Об итогах работы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения в 2022 году, планах на 2023 год и плановый период: решение коллегии Росздравнадзора от 25.04.2023 // СПС КонсультантПлюс.

³ О приоритетных задачах для Росздравнадзора в 2024 году: решение коллегии Росздравнадзора от 19.04.2024 // СПС КонсультантПлюс.

отслеживать качество работы инспекторов и поддерживать актуальность системы обязательных требований [7].

Более десяти лет назад Роспотребнадзором подчеркивались интересные перспективы медиации в области защиты прав потребителей (в том числе медицинских услуг) как в досудебном урегулировании соответствующих споров, так и в рамках гражданского судопроизводства; заявлялось о готовности ориентации подведомственных Роспотребнадзору учреждений на проведение медиации. Тогда же государственный надзор (контроль) в отношении организации и проведения обязательных медицинских осмотров работников осуществлялся федеральным органом исполнительной власти, на который возложено выполнение функций по контролю и надзору в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в соответствии с полномочиями¹.

На сегодняшний день вопросы качества в промышленной и морской медицине стали еще более злободневными в связи с пробелами в законодательстве, а медицинская помощь для некоторых категорий граждан (например, работников водного транспорта и водолазов) требует гармонизации нормативно-правовых актов и современных подходов в медико-санитарном обеспечении морской деятельности и водолазного дела, а со стороны пациентов – удовлетворенности медицинской помощью [3]. Следует отметить, что в целях защиты конституционных прав на охрану здоровья и медицинскую помощь, моряки имеют право на подачу жалобы не только находясь на борту судна в рейсе², но и на берегу в межрей-

¹ Об урегулировании гражданско-правовых споров с участием посредника (медиатора) // Официальный сайт Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по республике Марий Эл. 12 мая 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://12.rospotrebнадzor.ru/> (дата обращения: 05.08.2022).

² Об утверждении Порядка рассмотрения жалоб моряков на борту судна: приказ Министерства транспорта РФ от 18 января 2017 г. № 19 // СПС КонсультантПлюс.

совый период¹. При этом в качестве жалобы может использоваться информация, представленная каким-либо моряком, профессиональным органом, ассоциацией, профсоюзом или любым лицом, заинтересованным в безопасности судна, включая непосредственно здоровье моряков². В подобной ситуации представляет интерес развитие отраслевой медиации.

Рассматривая данную тему, нельзя не затронуть не менее важную проблему – вопрос о юридической грамотности населения. Положения Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»³ указывают на существенную роль мониторинга бесплатной юридической помощи для граждан, а также необходимость правового просвещения населения. Отдельное внимание в законе уделено юридическим клиникам, действующим на базе юридических факультетов учреждений высшего образования [5, 10], в рамках деятельности которых может быть предусмотрено предоставление гражданам консультаций по проблемным вопросам в сфере здравоохранения, в том числе процедуре медиации и, возможно, проведение таковой.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что медиация в здравоохранении представляет собой сложную комплексную процедуру, охватывающую как публичные, так и частные интересы. Для широкого внедрения процедуры медиации в России, в том числе при оказании медицинской помощи, требуется решение вопросов по нескольким направлени-

¹ Об утверждении Порядка рассмотрения жалоб моряков на берегу: приказ Министерства транспорта РФ от 18 января 2017 г. № 18 // СПС КонсультантПлюс.

² Руководство по внедрению и применению положений Конвенции 2006 года о труде в морском судоходстве от 18.01.2019, утв. ген. директором Российского морского регистра судоходства // СПС КонсультантПлюс.

³ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС КонсультантПлюс.

ям: гармонизация законодательства; включение процедуры медиации в профилактическую деятельность контрольно-надзорных органов; обучение медицинского персонала медицинской этике, конфликтологии, психологии, основам юриспруденции; повышение ответственности медицинских работников; необходимость подготовки медиаторов в сфере здравоохранения; повышение правовой грамотности населения; расширение деятельности юридических клиник.

Список литературы

1. Алламярова Н. В. Проблемы и перспективы развития внесудебного урегулирования споров между медицинскими организациями и пациентами посредством медиации // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. – 2017. – № 6 (58). URL: http://vestnik.mednet.ru/content/category/5/95/30/lang_ru/ (дата обращения: 05.08.2022).
2. Басова А. В. Медиация в здравоохранении: проблемы применения и перспективы // Вестник КГУ. – 2020. – № 1. – С. 190–194.
3. Бумай О. К., Абакумов А. А., Турлаков Ю. С. Актуальные проблемы по созданию единой системы медицинского обеспечения судов в акватории Северного морского пути // Медицина экстремальных ситуаций. – 2020. – Т. 22. – № 1. – С. 109–116.
4. Горблюк А. В. Медиация как форма внесудебного разрешения споров // Экономика. Право. Общество. – 2019. – № 2 (18). – С. 85–90.
5. Доброхотова Е. Н. Современный этап развития юридических клиник в системе высшего образования и в негосударственной системе бесплатной юридической помощи // Юридическая клиника как фактор повышения качества юридического образования: материалы VI ежегодного всероссийского экспертного семинара, Санкт-Петербург, 17 мая 2017 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 18–26.
6. Елисеева Т. С. Развитие института медиации в отечественном праве: историко-правовой анализ // Legal Concept. – 2015. – № 3. – С. 78–82.
7. Зубков И. Обжаловать решения контролеров стало удобнее // Российская газета. – 2021. 01 июля.
8. Иванова Т. Правовое противостояние» пациента и врача: что поможет преодолению? // Адвокатская газета. 06 сентября 2021 года. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya-pravovoe-protivostoyanie-patsienta-i-vracha-cto-pomozhet-preodoleniyu/> (дата обращения: 05.08.2022).
9. Левушкин А. Н., Воробьев В. В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 5. С. 135–143. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.135-143.
10. Мартынов А. В. Проблемы мотивации студентов при обучении в юридической клинике и оказании бесплатной юридической помощи // Бесплатная юридическая помощь: политика, практика, образование: альманах экспертного сообщества; под ред. Е. Н. Доброхотовой. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2017. – С. 78–96.

11. Панова И. В., Панов А. Б. Ещё раз к вопросу о медиации // Публичное право сегодня. – 2020. – № 2. – С. 47–73.
12. Рысай Б. Г. Медиация как форма разрешения административного спора // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2018. – № 2. – С. 313–318.
13. Чхартишвили Д. А. Внедрение медиативной практики в систему здравоохранения // *Гуманитарий Юга России.* – 2016. – № 1. – С. 241–248.
14. Шамликашвили Ц. А., Островский А. Н., Кабанова Е. В., Сильницкая А. С. Медиация в здравоохранении: от правоприменения к диалогу о правах // *Социология медицины.* – 2017. – № 16 (2). – С. 75–81.

References

1. Allamyarova, N. V. (2017) Problemy i perspektivy razvitiya vnesudebnogo uregulirovaniya sporov mezhdru medicinskimi organizაციyami i pacientami posredstvom mediacii [Problems and prospects of development of out-of-court settlement of disputes between medical organizations and patients through mediation]. *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. Elektronnyj nauchnyj zhurnal – Social aspects of public health. Electronic scientific journal.* No. 6 (58). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/category/5/95/30/lang, ru/> (accessed 05 August 2022). (In Russian).
2. Basova, A. V. (2020) Mediaciya v zdavoohranenii: problemy primeneniya i perspektivy [Mediation in healthcare: problems of application and prospects]. *Vestnik KGU – Bulletin of KGU.* No. 1. Pp. 190–194. (In Russian).
3. Bumaj, O. K., Abakumov, A. A., Turlakov, Yu. S. (2020) Aktual'nye problemy po sozdaniyu edinoj sistemy medicinskogo obespecheniya sudov v akvatorii Severnogo morskogo puti [Actual problems of creating a unified system of medical support for ships in the waters of the Northern Sea Route]. *Medicina ekstremal'nyh situacij – Medicine of extreme situations.* Vol. 22. No. 1. Pp. 109–116. (In Russian).
4. Gorblyuk, A. V. (2019) Mediaciya kak forma vnesudebnogo razresheniya sporov [Mediation as a form of out-of-court dispute resolution]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo – Economy. Right. Society.* No. 2 (18). Pp. 85–90. (In Russian).
5. Dobrohotova, E. N. (2017) Sovremennyy etap razvitiya yuridicheskikh klinik v sisteme vysshego obrazovaniya i v negosudarstvennoj sisteme besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi [The modern stage of development of legal clinics in the system of higher education and in the non-governmental system of free legal aid]. *YUridicheskaya klinika kak faktor povysheniya kachestva yuridicheskogo obrazovaniya* [Legal clinic as a factor in improving the quality of legal education]. Materials of the VI annual All-Russian expert seminar, St. Petersburg, May 17, 2017. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Pp. 18–26. (In Russian).
6. Eliseeva, T. S. (2015) Razvitie instituta mediacii v otechestvennom prave: istoriko-pravovoj analiz [The development of the institute of mediation in domestic law: historical and legal analysis]. *Legal Concept – Legal Concept.* No. 3. Pp. 78–82. (In Russian).
7. Zubkov, I. (2021) Obzhalovat' resheniya kontrolerov stalo udobnee [It has become more convenient to appeal the decisions of the inspectors]. *Rossiyskaya gazeta – Rossiyskaya Gazeta.* (In Russian).
8. Ivanova, T. (2021) Pravovoe protivostoyanie» pacienta i vracha: chto pomozhet preodoleniyu? [The legal confrontation between the "patient and the doctor: what will help you overcome it?]. *Advokatskaya gazeta – The Lawyer's newspaper.* Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/-pravovoe-protivostoyanie-patsienta-i-vracha-chto-pomozhet-preodoleniyu/> (accessed 05 August 2022). (In Russian).
9. Levushkin, A. N., Vorob'ev, V. V. (2020) Nekotorye problemy primeneniya sudebnogo primireniya (mediacii) pri razreshenii sporov v Rossijskoj Federacii [Some problems of the application of judicial conciliation (mediation) in dispute resolution in

the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. No. 5. Pp. 135–143. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.135-143 (In Russian).

10. Martynov, A. V. (2017) Problemy motivacii studentov pri obuchenii v yuridicheskoj klinike i okazanii besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi [Problems of student motivation when studying at a legal clinic and providing free legal assistance]. *Besplatnaya yuridicheskaya pomoshch': politika, praktika, obrazovanie* [Free legal assistance: politics, practice, education]. Almanac of the expert community, Ed. E. N. Dobrohotovoj. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 78–96. (In Russian).

11. Panova, I. V., Panov, A. B. (2020) Eshchyo raz k voprosu o mediacii [Once again to the question of mediation]. *Publichnoe pravo segodnya – Public law today*. No. 2. Pp. 47–73. (In Russian).

12. Rysaj, B. G. (2018) Mediaciya kak forma razresheniya administrativnogo spora [Mediation as a form of administrative dispute resolution]. *Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo – Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. No. 2. Pp. 313–318. (In Russian).

13. CHkhartishvili, D. A. (2016) Vnedrenie mediativnoj praktiki v sistemu zdavoohraneniya [Introduction of mediation practice into the healthcare system]. *Gumanitarij YUga Rossii – Humanities of the South of Russia*. No. 1. Pp. 241–248. (In Russian).

14. SHamlikashvili, C. A., Ostrovskij, A. N., Kabanova, E. V., Sil'nickaya, A. S. (2017) *Mediaciya v zdavoohranenii: ot pravoprimereneniya k dialogu o pravah* [Mediation in healthcare: from law enforcement to dialogue on rights]. *Sociologiya mediciny – Sociology of medicine*. No. 16 (2). Pp. 75–81. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Воронкова Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, Научно-исследовательский институт промышленной и морской медицины Федерального медико-биологического агентства, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9586-3463, e-mail: sv3341015@yandex.ru

Юркова Марина Аркадьевна, кандидат экономических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: M8uma@yandex.ru

About the authors

Svetlana V. Voronkova, Cand. Sci. (Law), Research Institute of Industrial and Maritime Medicine of Federal Medical Biological Agency, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9586-3463, e-mail: sv3341015@yandex.ru

Marina A. Yurkova, Cand. Sci. (Econ.), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: M8uma@yandex.ru

Поступила в редакцию: 31.10.2024
Принята к публикации: 29.11.2024
Опубликована: 24.12.2024

Received: 31 October 2024
Accepted: 29 November 2024
Published: 24 December 2024

Источники нормативного регулирования деятельности БРИКС

А. Ю. Глушаков¹, А. И. Соболевская²

¹ Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность статьи связана с активно развивающимся содружеством пяти государств, входящих в БРИКС и необходимостью его правового регулирования, в основе которого как международное, так и национальное законодательство, имеющее свои особенности.

В результате проведенного исследования проанализированы особенности правового регулирования стран – участниц БРИКС, связанных с их вхождением в разные правовые системы вопросами кодификации законодательства и использования прецедента как источника права. Рассмотрены источники нормативного регулирования деятельности БРИКС и обосновано, что в связи с отсутствием международного законодательства, регулирующего деятельность БРИКС, правовое регулирование осуществляется на основе национального законодательства, которое нуждается в гармонизации.

Итогом настоящего исследования стало предложение о необходимости поиска баланса в сочетании правовых норм международного и национального законодательства в вопросах регулирования деятельности БРИКС и разработки модельных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: содружество, БРИКС, международные нормы, национальное законодательство, декларации, соглашения.

Для цитирования: Глушаков А. Ю., Соболевская А. И. Источники нормативного регулирования деятельности БРИКС // Ленинградский юридический журнал. – 2024, – № 4 (78). – С. 98–112. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_98. EDN: UAZOXC

Sources of Regulatory Regulation of BRICS Activities

Alexey Yu. Glushakov¹, Alexandra I. Sobolevskaya²

¹ North-West Institute of Management of the RANEP,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the article is related to the actively developing commonwealth of the five BRICS member states and the need for its legal regulation, which is based on both international and national legislation with its own characteristics.

As a result of the conducted research, the features of the legal regulation of the BRICS member countries related to their entry into different legal systems, issues of codification of legislation and the use of precedent as a source of law are analyzed. The sources of regulatory regulation of BRICS activities are considered and it is proved that due to the lack of international legislation regulating the activities of BRICS, legal regulation is carried out on the basis of national legislation, which needs harmonization.

The result of the study was a proposal on the need to find a balance in a combination of legal norms of international and national legislation in regulating the activities of BRICS and the development of model regulatory legal acts.

Key words: commonwealth, BRICS, international norms, national legislation, declarations, agreements.

For citation: Glushakov, A. Yu., Sobolevskaya, A. I. (2024) Istochniki normativnogo regulirovaniya deyatel'nosti BRIKS [Sources of Regulatory Regulation of BRICS Activities]. *Leningradskij yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 98–112. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_98. EDN: UAZOXC

Введение

БРИКС представляет собой содружество динамично развивающихся девяти крупных государств: Республики Бразилии, Российской Федерации, Республики Индии, Китайской Народной Республики, Южно-Африканской Республики, а также Республики Египет, Иранской Республики, ОАЭ, Эфиопии, влияющих на развитие мировой экономики и приобретающих все большее влияние в сфере международной политики.

Их лидерство способствует «более эффективному глобальному управлению» [12, с. 185]. Это объединение по праву называют одной из самых потенциально мощных экономических объединений в мире. Страны, входящие в него, «занимают более 25 % суши земного шара, и на их территории проживает более 40 % населения планеты» [13, с. 101]. Создание подобного объединения стран, через десятилетия после распада Советского Союза, было совершенно закономерным процессом. Отсутствие заметного противовеса основным экономическим объединениям, с участием ведущих западных стран, с начала XXI в. стало оказывать существенное влияние на качество экономик стран, не желающих находиться в последнем вагоне поезда прогресса человечества.

Одной из проблем в дальнейшем развитии содружества становится правовое регулирование их совместной деятельности. В первую очередь это связано с отношением стран – участниц БРИКС к разным правовым системам, например ряд стран – основательниц относятся к романо-германской правовой системе (Россия и Китай). Так же, как и в Российской Федерации, в Китае закреплён принцип главенства международного закона. Причём в конституции Китая страна упоминается как правовое государство, основанное на нормах морали. Важно упомянуть, что основанием морали выступает конфуцианская

этика, в соответствии с которой, во-первых, долг каждого заключается в стремлении к общему согласию. Во-вторых, конфуцианская этика негативно относится к нарушению ранее данных обязательств (это практически повторяет принцип международного права о том, что договоры должны соблюдаться). Это достаточно четкие ценностные установки для формирования общих позиций.

К англо-саксонской правовой системе относится Индия, система *common law* была внесена как результат английского господства. Подобное развитие событий нанесло серьезный ущерб развитию исторически сложившейся системы права и национальной правовой школы. Но после провозглашения независимости в 1947 г. произошел возврат к традиционным правовым ценностям, и в настоящем базовым признаком индийского права выступает главенство закона над прецедентом на основе признания равенства норм национального законодательства и международного права.

В свою очередь, к смешанной системе права можно отнести Бразилию и ЮАР [9, с. 5]. В Бразилии отчетливо прослеживаются приверженность и соотнесение пути развития государства требованиям норм международного права. К базовым основаниям школы международного права Бразилии следует отнести постулат о невозможности изменения международного закона в угоду конъюнктуре или неправильное его толкование вопреки изначально заложенному смыслу. Подобный постулат прямо противопоставляет традициям практики стран прецедентного права, в первую очередь североамериканских, в которой присутствует агрессивность, культ силы и материализм, противовес в виде бразильской практики уважения к морали и вечным ценностям жизни и свободы. [16, р. 17] Отметим, что Бразилия в результате генезиса собственной государственности сумела поучаствовать

в формировании инструментария средств и методов разрешения межгосударственных противоречий, в том числе переговоров, добрых услуг, практик челночной дипломатии и посредничества, арбитража. Существенна роль Бразилии в сотрудничестве с другими латиноамериканскими странами в закреплении новых правовых институтов в международном морском праве.

Анализируя направления сотрудничества Российской Федерации с государствами – участниками БРИКС, выделим нарративный тезис: для большинства государств – членов БРИКС учет норм международного права – выступает в качестве основы при построении внутреннего законодательства. Никакая национальная система права не может существовать в статичном состоянии, развиваясь исключительно с опорой на внутренние ресурсы, искусственно ограничивая внешние достижения юридической мысли и правовой практики. Международно-правовые нормы в обязательном порядке применяются практически всеми участниками наряду с нормами национального законодательства. На этом и основывается цивилизационное сходство и последующее практически полное совпадение позиций по существующей международной проблематике России и стран БРИКС.

Ввиду того, что государства БРИКС относятся к разным правовым семьям, возникают определенные сложности нормативного регулирования деятельности БРИКС. Гармонизация национальных законодательств в настоящем представляет собой интереснейшую и актуальнейшую задачу в области права как для теоретиков права, так и для практиков. В данном контексте также имеют значение и сложившиеся традиции юридической техники формирования нормативного материала и конструирования механизма правового регулирования. Во вторую очередь сюда следует отнести вопросы, связанные с кодификацией законодатель-

ства, признанием судебного прецедента в качестве нормы права, применение обычая в праве [1, с. 279]. Источники нормативного регулирования деятельности БРИКС и проблемы их гармонизации исследуются в данной статье.

Результаты

Правовое регулирование взаимоотношений стран БРИКС осуществляется нормами международного права, которое является основой построения взаимоотношений между государствами – участниками БРИКС. При осуществлении своей деятельности БРИКС опирается на нормы и принципы международного права и прежде всего на Устав ООН. Нормы, закрепленные в Уставе ООН, «наиболее интернациональны и гуманны, ставят приоритетом не защиту отдельных стран, но безопасность человечества в целом» [5, с. 41].

На современном этапе развития государств БРИКС можно отметить главенство следующих направлений: в первую очередь реализуется тенденция изменения существующих в мировой экономике правил в пользу норм, основанных на соответствующих принципах международного права [4, с. 122].

Существующим принципам международному праву применим «характер императивных норм и действуют в любых отношениях между государствами, будь то отношения по поводу транзакций, совершаемых в сети Интернет или отношения офлайн» [9, с. 11].

В иерархии правовой основы деятельности БРИКС следующее место занимают декларации. Например, Московская декларация 2015 г., касается вопросов сотрудничества стран БРИКС в сфере науки, технологий, инноваций. Йоханнесбургская декларация 2018 г. определила основные направления сотрудничества в сфере сельского хозяйства, циркулярной экономики, водных и морских ресурсов.

Бразильская декларация 2019 г. имела девиз «БРИКС: Экономический рост для инновационного будущего». В 2020 г. Московская декларация закрепила ориентированность партнеров БРИКС на глобальную стабильность, общую безопасность и рост инноваций. В свою очередь в 2021 г. Делийская декларация провозгласила стремление государств – участниц к построению финансовой безопасности при деятельности ВТО и организации совместного контроля вооружений, а также борьбе с терроризмом. Пекинская декларация 2022 г. закрепила готовность стран БРИКС к укреплению высококачественного партнерства БРИКС, вступающего в новую эру глобального развития¹.

Третий уровень правового регулирования – это соглашения, подписанные между странами – участницами БРИКС. Например, «Бразилией и Китаем подписан ряд соглашений, которые направлены на цифровое сотрудничество» [8, с. 515].

Необходимо отметить, что в настоящем у стран – участниц БРИКС нет общего юридического базиса, поэтому спорна правовая природа этого объединения, соответственно большое количество отечественных и зарубежных ученых соотносят БРИКС не с союзом, а с партнерством в сфере науки и культуры, политики и экономики.

При отсутствии норм международного законодательства правовое регулирование осуществляется на основе национального законодательства, которое необходимо гармонизировать. Под гармонизацией законодательства понимается «введение общих правил правового регулирования» [7, с. 102].

Как отмечают некоторые ученые-исследователи, насущной проблемы гармонизации законодательства «стран БРИКС на повестке дня не стоит»².

¹ URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

² Андреева Г. Н. Проблема гармонизации правового регулирования экономических отношений в странах БРИКС и их сотрудничество с ОЭСР [Электронный ресурс]. URL: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2016/02/андреева.doc> (дата обращения: 24.07.2023).

Однако внешние вызовы, идущие в мире процессы глобализации и интеграции подталкивают страны к гармонизации «законодательства во внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности, в сфере инвестиций, экологии, улучшения условий для электронной торговли» [6, с. 10].

Но в случае необходимости важнейшей сферой гармонизации могла бы стать область модельного нормотворчества как одного из эффективнейших «специальных способов унификации законодательства» [2, с. 91].

При анализе Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. можно выделить три основополагающих области: экономическую, социальную и экологическую. Также определены «три приоритетных направления, первыми из которых являются: торговля, инвестиции и финансы» [6, с. 13].

Внешняя торговля государств – участниц осуществляется в соответствии с Генеральным соглашением по тарифам и торговле 1947 г. и рядом иных, например: Соглашение по сельскохозяйственной продукции, по техническим барьерам в торговле и т.д¹, а также нормативными положениями существующих внутренних законодательств.

Например, в Российской Федерации среди подобных нормативно-правовых актов отметим федеральный закон от 2003 г. «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», в Китайской Народной Республике – Закон от 1994 г. «О внешней торговле», в Индийской Республике – выпущенный в 1992 г. «Акт о развитии и регулировании внешней торговли», в Южно-Африканской Республике – изданный в 2002 г. «Акт об администрации внешнеэкономической деятельности» [5, с. 45].

Достаточно интенсивное сотрудничество осуществляется у КНР и Российской Федерации в области таможенно-регулирующего регулирования. Создан обширный массив нормативных правовых актов в обеих странах. Например, в Китае

¹ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947) от 30 октября 1947 г. // СПС ГАРАНТ.

правовое регулирование проходит в рамках норм Таможенного кодекса 1987 г., а в нашей стране – по нормам действующего с 2017 г. в Евразийском экономическом союзе Таможенного кодекса.

Нуждаются в урегулировании вопросы антимонопольного законодательства стран – участниц БРИКС, задачи, связанные с развитием «цифровой экономики, включающей в себя цифровую трансформацию, промышленность, инновации и технологии»¹.

В связи с тем, что для каждого государства и его граждан одним из главнейших вопросов становится безопасность государства [11, с. 109], базовыми направлениями совместной деятельности государств БРИКС стали проблемы изменения климата, совершенствование номенклатуры энергоресурсов и обеспечение продовольственной безопасности.

Учитывая вышеизложенное, становится очевидным, что эффективное повышение возможностей расширения взаимодействия государств БРИКС при международной торговле требует принятия достаточно большого числа соглашений для регламентации внешней торговли, с целью повышения уровня защищенности интересов бизнеса стран – участниц БРИКС.

Также на сегодняшний день существующие нормы наднационального регулирования цифровой экономики и электронной торговли в государствах БРИКС находятся в зачаточном состоянии. Ввиду того, что только отдельные страны объединения приняли и реализуют дорожные карты цифровизации национальных экономик, на наш взгляд, представляется важным создать для БРИКС базовую модель стратегии по внедрению цифровых технологий в экономики государств – участниц [14, с. 395].

¹ Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL.: <https://e-ecolog.ru/docs/3z9SVQIVoYcKzzT13ebzF> (дата обращения: 04.04.2024).

Отметим, что ученый-исследователь Д. В. Кофейников верно определил, в качестве препятствия электронной торговле большого количества государств как участниц ВТО, так и стран БРИКС выступают пробелы в актах ВТО: «электронная торговля не отнесена ни к сфере ГАТТ (торговля товарами), ни к сфере ГАТС (торговля услугами)» [9, с. 13].

Еще пример, конвенцию ООН о применении электронных сообщений в международных договорах из всех государств – участниц БРИКС подписали Российская Федерация и Китайская Народная Республика, причем ратифицирована она только у нас. В конвенции является положительным моментом ее широкая сфера применения, включающая электронные услуги и товары. Отрицательным аспектом становится то, что в случае возникновения спорной ситуации проблемный вопрос будет решаться исходя из основных положений национального права.

Относительно правового регулирования предпринимательских отношений следует отметить, что оно осуществляется национальным законодательством, гражданскими кодексами – в Бразилии и России, Законы «О компаниях» – в Китае, Индии, ЮАР.

Различие в правовых системах непосредственно оказывает воздействие на нормативное регулирование деятельности субъектов предпринимательской деятельности. В данной сфере можно отметить полнейшую синхронизированность национальных законодательств. Так, в качестве источников нормативного регулирования выступают нормы гражданских кодексов в Бразилии и России, а прецеденты – в Индии и России. В КНР «общие положения гражданского права, которые не претендуют на роль кодекса, все же содержат предписания общего характера» [4, с. 156].

Проблемными являются вопросы трансграничного банкротства, попытки их урегулирования принимались неод-

нократно, но были безуспешны. В правовом регулировании этого вопроса страны БРИКС опираются на Регламент ЕС «О процедурах банкротства» № 1346/2000 и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности. В настоящее время более 40 государств приняли законодательство, основанное на Типовом законе ЮНСИТРАЛ, но в целом данная проблематика так и осталась недостаточно неурегулированной. П. И. Чувахин и др. считают «целесообразным принять Международный модельный закон БРИКС "О трансграничном банкротстве" с целью гармонизации подхода к процедурам банкротства» [13, с. 105].

Аналогично экологическое законодательство государств БРИКС предельно неоднородно: Индии и ЮАР в каких-то частях имеет общие положения, обусловленные эпохой колониализма и общностью языка; в свою очередь имеют сходные нормы законодательства России и Китая ввиду общей в прошлом социалистической идеологии. Экологическое законодательство Бразилии и Китая, России и ЮАР имеет немного общих черт. Практически полностью отсутствует модельное законодательство в важнейших областях природопользования, имеющих особую значимость при обсуждениях на саммитах БРИКС: рачительного отношения к земельным ресурсам, снижения количества парниковых газов, чистое топливо, проблематика солнечной энергогенерации, вредные выбросы, климатические изменения, лесные ресурсы и ресурсы пресной воды. Особая специфика в правовом регулировании сферы экологии государств БРИКС, гармонизацию которой нельзя осуществить, не учитывая процессов гармонизации экологического права, например евразийского континентального права, в котором достаточно давно участвует Российская Федерация.

Являясь в настоящее время «многопрофильным стратегическим партнерством» [10, с. 137], БРИКС нуждается

в правовом регулировании каждого из направлений взаимодействия между странами-участницами.

Заключение

Нормативное регулирование деятельности стран – участниц БРИКС основывается в первую очередь на использовании норм международного права с применением существующих положений национального права, следовательно, необходимо найти баланс в сочетании этих правовых норм, что позволит нивелировать имеющиеся различия в законодательстве, чтобы они не становились препятствием в их совместной деятельности.

Правовое регулирование стран БРИКС подвергается постоянным внешним вызовам и представляет новые возможности для дальнейшего развития сотрудничества, что «находит отражение в международных документах, принимаемых под эгидой БРИКС» [15, с. 21].

С учетом геополитических проблем, существующих в мире, в современном нам историческом периоде государства БРИКС можно отнести к новому глобальному объединению стран, непосредственно влияющему на функционирование мировых политических и экономических отношений и организующем деятельность на принципах международного права и национальных законодательств.

Список литературы

1. Бадаева Н. В. Перспективы гармонизации законодательства в области вещных прав в странах БРИКС (на примере Бразилии и Китая) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. – № 2. – С. 278–295.
2. Безбородов Ю. С. Модельное нормотворчество и правовая унификация: соотношение правовых категорий // Российский юридический журнал. – 2003. – № 2 (38). – С. 91–95.
3. Бевеликова Н. М. Брикс: правовые особенности развития // Журнал российского права – 2015. – № 8. – С. 110–123.
4. Беликова К. М. Источники правового регулирования коллективного предпринимательства в странах БРИКС // Российский юридический журнал. – 2017. – № 2 (113). – С. 144–159.

5. Бутузова К. И., Зверева А. А., Порядина В. М. Особенности правового регулирования экономического сотрудничества РФ в рамках БРИКС // Международный аспект. – 2023. – № 4(1). – С. 36–53.

6. Глушаков А. Ю., Соболевская А. И. Модельное нормотворчество в Российской Федерации как фактор гармонизации законодательств стран – участниц БРИКС // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3 (73). – С. 6–18. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_6. EDN: VTITBY

7. Кашкин С. Ю., Калининченко П. А. Гармонизация законодательства России и Европейского Союза как ключевой момент их эффективного взаимодействия в XXI веке // Право и государство. Теория и практика. – 2005. – № 12. – С. 100–130.

8. Коваль А. Г., Ворожун А. Е. Развитие электронной торговли в Китае и Бразилии: особенности и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2022. – № 4. – С. 515.

9. Кофейников Д. В. Международно-правовое регулирование электронной торговли государств БРИКС: дис. ... канд. юрид. наук. – М., – 2019. – 175 с.

10. Романова Е. А., Бунина С. Г. Правовые основы деятельности БРИКС: стратегия экономического развития до 2025 г. // Экономика, право, общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения: сб. статей V Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2023. – С. 136–141.

11. Рязанова М. О. Энергетическое взаимодействие в рамках БРИКС // Вестник МГИМО. – 2014. – № 6. – С. 108–116.

12. Стрёмовская А. Л., Чжан Ч. Основные направления деятельности БРИКС по обеспечению устойчивого развития // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 3. – С. 185–194.

13. Чувахин П. И., Себелева Т. А., Смирнов Д. П. К проблеме отсутствия правового регулирования трансграничных банкротств в БРИКС: актуальность, вопросы, решения // Экономика. Право. Общество. – 2018. – № 1 (13). – С. 101–105.

14. Шайдуллина В. К. Правовое регулирование электронной торговли: опыт БРИКС // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 393–397. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0097

15. Хабриева Т. Я. Введение // Киберпространство БРИКС: правовое измерение: сборник. – М., 2017. – 336 с.

16. Prado E. A Ilusão Americana. – Paris, 1895. – P. 17.

References

1. Badaeva, N. V. (2017) Perspektivy harmonizacii zakonodatel'stva v oblasti veshchnyh prav v stranah BRIKS (na primere Brazili i Kitaya) [Prospects for harmonization of legislation in the field of property law in the BRICS countries (on the example of Brazil and China)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*. Vol. 21. No. 2. Pp. 278–295. (In Russian).

2. Bezborodov, Yu. S. (2003) Model'noe normotvorchestvo i pravovaya unifikaciya: sootnoshenie pravovyh kategorij [Model rulemaking and legal unification: correlation of legal categories]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 2 (38). Pp. 91–95. (In Russian).

3. Bevelikova, N. M. (2015) Briks: pravovye osobennosti razvitiya [BRICS: legal features of development]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 8. Pp. 110–123. (In Russian).

4. Belikova, K. M. (2017) Istochniki pravovogo regulirovaniya kolektivnogo predprinimatel'stva v stranah BRIKS [Sources of legal regulation of collective entrepreneurship in the BRICS countries]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 2 (113). Pp. 144–159. (In Russian).

5. Butuzova, K. I., Zvereva, A. A., Ordina, V. M. (2023) Osobennosti pravovogo regulirovaniya ekonomicheskogo sotrudnichestva RF v ramkah BRIKS [Features of the legal regulation of economic cooperation of the Russian Federation within the framework of the BRICS]. *Mezhdunarodnyj aspekt – International aspect*. No. 4 (1), Pp. 36–53. (In Russian).
6. Glushakov, A. Yu., Sobolevskaya, A. I. (2023) Model'noe normotvorchestvo v Rossijskoj Federacii kak faktor garmonizacii zakonodatel'stv stran – uchastnic BRIKS [Model rulemaking in the Russian Federation as a factor of harmonization of legislation of the BRICS member countries]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (73). Pp. 6–18. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_6. EDN: VTITBY.
7. Kashkin, S. Yu., Kalinichenko, P. A. (2005) Garmonizaciya zakonodatel'stva Rossii i Evropejskogo Soyuza kak klyuchevoj moment ih effektivnogo vzaimodejstviya v XXI veke [Harmonization of legislation of Russia and the European Union as a key moment of their effective interaction in the XXI century]. *Pravo i gosudarstvo. Teoriya i praktika – Law and the State. Theory and practice*. No. 12. Pp. 100–130. (In Russian).
8. Koval, A. G., Vorozhun, A. E. (2022) Razvitie elektronnoj torgovli v Kitae i Brazii: osobennosti i perspektivy [Development of electronic commerce in China and Brazil: features and prospects]. *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika – Bulletin of the RUDN. Series: Economics*. No. 4. P. 515. (In Russian).
9. Coffeepots, D. B. (2019) *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie elektronnoj torgovli gosudarstv BRIKS* [International legal regulation of electronic commerce of the BRICS states]. Dissertation candidate of Law. Moscow. (In Russian).
10. Romanova, E. A., Bunina, S. G. (2023) Pravovye osnovy deyatelnosti BRIKS: strategiya ekonomicheskogo razvitiya do 2025 g. [The legal foundations of BRICS activities: the strategy of economic development until 2025]. *Ekonomika, pravo, obshchestvo segodnya: ocenki, problemy, puti resheniya* [Economics, law, society today: assessments, problems, solutions]. Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk. Pp. 136–141. (In Russian).
11. Ryazanova, M. O. (2014) Energeticheskoe vzaimodejstvie v ramkah BRIKS [Energy interaction within the framework of BRICS]. *Vestnik MGIMO – Bulletin of MGIMO*. No. 6. Pp. 108–116. (In Russian).
12. Stremovskiy, A. L., Zhang, C. (2019) Osnovnye napravleniya deyatelnosti BRIKS po obespecheniyu ustojchivogo razvitiya [The main directions of BRICS activities to ensure sustainable development]. *Social'no-gumanitarnye znaniya – Social and humanitarian knowledge*. No. 3. Pp. 185–194. (In Russian).
13. Chuvakhin, P. I., Sebeleva, T. A., Smirnov, D. P. (2018) K probleme otsutstviya pravovogo regulirovaniya transgraniichnyh bankrotstv v BRIKS: aktual'nost', voprosy, resheniya [On the problem of the lack of legal regulation of cross-border bankruptcies in BRICS: relevance, issues, solutions]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo – Economics. Right. Societies*. No. 1 (13). Pp. 101–105. (In Russian).
14. Shaidullina, V. K. (2020) Pravovoe regulirovanie elektronnoj torgovli: opyt BRIKS [Legal regulation of electronic commerce: the BRICS experience]. *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*. Vol. 9. No. 1 (30). Pp. 393–397. (In Russian). DOI: 10.26140/bg23-2020-0901-0097.
15. Khabrieva, T. Ya. (2017) *Vvedenie* [Introduction]. *Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie – BRICS Cyberspace: the legal dimension*. Collection. Moscow. (In Russian).
16. Prado, E. (1895) *A Ilusão Americana*. Paris. P. 17. (In French).

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Глушаков Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

Соболевская Александра Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5856-6822, e-mail: gripe80@mail.ru

About the authors

Alexey Yu. Glushakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, North-West Institute of Management of the RANEPA, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

Alexandra I. Sobolevskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5856-6822, e-mail: gripe80@mail.ru

*Поступила в редакцию: 12.10.2024
Принята к публикации: 15.11.2024
Опубликована: 24.12.2024*

*Received: 12 October 2024
Accepted: 15 November 2024
Published: 24 December 2024*

Код налога: как цифровизация меняет и будет менять международное налогообложение

А.-М. М. Маркова

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Российская Федерация

В условиях стремительного развития цифровой экономики международное налогообложение сталкивается с новыми вызовами, такими как использование современных технологий в размывании налоговой базы и ухода от налогов, и возможности – развитием электронных платформ для упрощения процесса взимания налогов.

В статье даны определения и рассмотрены основные понятия, ключевые проблемы и текущие тенденции, связанные с международным налогообложением в эпоху цифровизации. Проведен анализ инициатив, направленных на гармонизацию налоговых правил. Предложены рекомендации по повышению эффективности налогообложения, в частности введение мониторинга и анализа данных с использованием ИИ и технологии блокчейн.

Ключевые слова: цифровизация налогообложения, цифровизация экономики, международное налогообложение, налоговое право, международное налоговое право.

Для цитирования: Маркова А.-М. М. Код налога: как цифровизация меняет и будет менять международное налогообложение // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 113–133. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_113. EDN: OOUAFL

The Code of Tax: how Digitalization is Changing and Will Change International Tax Obligations

Anna-Maria M. Markova

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation

In the context of the rapid development of the digital economy, international taxation faces new challenges, such as the use of modern technologies in tax base erosion and tax evasion, and opportunities such as the development of electronic platforms to simplify the tax collection process.

The article provides definitions and discusses the main concepts, key issues and current trends related to international taxation in the era of digitalization. An analysis of initiatives aimed at harmonizing tax rules is conducted and recommendations are proposed to improve tax efficiency, in particular, the introduction of monitoring and data analysis using AI and blockchain technology.

Key words: digitalization of taxation, digitalization of the economy, international taxation, tax law, international tax law.

For citation: Markova, A.-M. M. (2024) Kod naloga: kak tsifrovizatsiya menyayet i budet menyat' mezhdunarodnyye nalogovyye obyazatel'stva [The Code of Tax: how Digitalization is Changing and Will Change International Tax Obligations]. *Leningradskij yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 113–133. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_113. EDN: OUOAFI

Введение

Мир все больше стремится перейти в виртуальную плоскость. Виртуальная валюта, виртуальное искусство, виртуальные отношения заполняют реальность с ранее преобладающим материальным элементом. Но если картинки из пикселей или общение с вымышленным персонажем и можно расценивать как невинную забаву, то цифровизация экономики и налогообложения – отнюдь не шутки, а опасный и в то же время эффективный инструмент.

Как осуществляется и будет происходить налогообложение в мире [9, с. 41], где все переходит в режим онлайн? На основе методов анализа, синтеза и формально-юридического метода постараемся дать наиболее исчерпывающий ответ на данный вопрос в настоящей статье, целью которой является анализ новых вызовов в сфере цифрового налогообложения, в частности борьбы с размыванием налоговой базы с использованием новых технологий, роли электронных платформ в упрощении налоговых процессов, лучших практик, связанных с налогообложением в цифровую эпоху, а предметом выступает правовое регулирование правоотношений, возникающих при пересечении налогообложения и цифровых возможностей.

Категориально-понятийный аппарат актуальных налоговых отношений

Перед рассмотрением поставленных вопросов представляется необходимым прояснить понятийную суть рассматриваемых в статье терминов, таких как «международные налоговые отношения», «международное налогообложение» и «цифровизация в экономической и налоговой сфере».

Об актуальности заявленной тематики дополнительно свидетельствует и тот факт, что ни в отечественной, ни в зарубежной науке не сложилось единого представления о понятии международного налогового права,

не говоря уже о международных налоговых отношениях и международном налогообложении.

Однако в доктрине имеется научная дискуссия по вопросу определения налоговых отношений на международном уровне [8, с. 104]. Так, А. В. Толкушкин определяет международные налоговые отношения как отношения между странами по поводу взаимного регулирования пределов налоговой юрисдикции (сферы применения налогового законодательства) и других вопросов налогообложения¹. Е. С. Меркулов в свою очередь рассматривает международное налоговое право как комплексный институт международного публичного права, представляющий собой совокупность принципов и норм, содержащихся в межгосударственных договорах (соглашениях) и направленных на решение основных проблем международного налогообложения [10, с. 102]. С. Г. Пепеляев расставляет иные акценты, разделяя международные налоговые отношения на две группы: взимание государством налога с иностранного субъекта и взимание налогов с субъекта национального права, находящегося за границей или объекта, который находится за границей и является собственностью субъекта национального права². Схожее определение содержится в труде М. Кобецкого, который отмечает, что международное налогообложение в самом общем виде можно определить как налогообложение трансграничных сделок, оно имеет две основные сферы применения – налогообложение резидентов определенного государства, осуществляющих трансграничные сделки, или же налогообложения нерезидентов, осуществляющих трансграничные операции с участием этого государства (т. е. налогообложение

¹ Толкушкин А. В. Энциклопедия российского и международного налогообложения. М.: Юристъ, 2003. С. 341.

² Налоговое право: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Альпина Паблишер, 2016. С. 441.

нерезидентов, получающих доход, который имеет источник внутри страны или налогообложение у источника) [15, с. 12]. Некоторые правоведы придерживаются прямо противоположной точки зрения о том, что международного налогового права вообще не существует. Например, Р. А. Шепенко пишет о международном налоговом праве следующее: «кто надеется увидеть международное налоговое право, надеется на то, чего никогда не было, нет и, вероятно, никогда не будет. Можно приводить многочисленные доводы в “защиту” международного налогового права, сопроводив это даже интересными и глубокими выводами, но от этого оно не станет существовать. Для этого нужно нечто иное, но его нет»¹.

С учетом рассмотренных определений в целях лучшего понимания тематики настоящей статьи следует провести четкое разграничение между понятиями «международное налоговое право» и «национальное налоговое право». Обратимся к определению профессора Г. П. Толстопятенко, который толкует национальное налоговое право как «совокупность принятых в государстве норм налоговых законов и подзаконных актов, а также общих принципов права, применяемых к налоговым отношениям; принципов налогового права, закрепляемых в конституции; прецедентов и решений высших судебных органов по вопросам налогового права»². Иными словами, национальное налоговое право касается отношений, возникающих в рамках конкретной правовой системы и не содержащих иностранный элемент.

Учитывая представленные подходы и то, что международное налоговое право, складывающиеся в его рамках правоотношения и само международное налогообложение соотносятся как общее и частное, последнее можно опре-

¹ Шепенко Р. А. Международные налоговые правила в систематическом изложении: учеб пособие. М.: Проспект, 2020. С. 170.

² Толстопятенко Г. П. Европейское налоговое право (проблемы теории и практики): дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2001. С. 29.

делить как структурированную систему методов и способов установления и взимания налогов на наднациональном уровне, которая регулируется нормами национального права и международными (региональными) соглашениями, и правоотношения, возникающие по поводу взимания налогов с субъекта или объекта иностранного права.

Цифровизация же применительно к экономической и налоговой тематике – это новый уровень автоматизации и информатизации в экономике и государственной сфере. Она включает в себя переход на цифровые технологии, который не ограничивается лишь использованием информационно-коммуникационных технологий для решения задач в производстве и управлении. Важным аспектом цифровизации является сбор и анализ больших данных, что позволяет прогнозировать будущие события, оптимизировать расходы и процессы, привлекать новых партнеров и клиентов.

Беря за основу такое понимание цифровизации, исследователи определяют цифровую экономику как «систему экономических отношений, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех ее сферах» [3, с. 5–18]. Сотрудники Всемирного банка не ограничиваются исключительно экономическими отношениями и более масштабно определяют цифровую экономику, представляя ее в качестве системы экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий¹.

Современные проблемы и вызовы в сфере налогообложения в цифровую эпоху

Проанализировав основные понятия в рассматриваемой сфере в контексте современных процессов, стано-

¹ Russia digital economy report. Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation. September 2018. Официальный сайт World Bank. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/russia/publication/competing-in-digital-age> (accessed 15 September 2024).

вится понятным, что по сути мы имеем дело с переходом налогообложения в виртуальную плоскость посредством цифровых технологий, что порождает ряд проблем, в частности таких, как:

1) Уклонение от уплаты налогов с использованием результатов цифрового развития. Теневой сектор экономики, через который проходит основная масса уклонений, получил новый виток совершенствования благодаря цифровым новациям и стал особенно бурно процветать. По данным Международного Валютного фонда за 2021 г., 60% мирового населения прямо и косвенно задействовано в «неформальной» части экономики¹. Цифровизация же лишь усугубляет эту проблему и позволяет компаниям легко перемещать прибыль между юрисдикциями, что впоследствии усложняет контроль над налогообложением и, как правило, приводит к уклонению от уплаты налогов. Более того, благодаря цифровым платформам компании могут осуществлять свою деятельность в нескольких странах без фактического присутствия.

2) Происходит своеобразный «разрыв» в законодательном регулировании налогообложения и трансграничных сделок, и цифровых услуг, что создает сложные налоговые сценарии и неопределенность для бизнеса. Согласно концепции физического присутствия, налогообложение традиционно фокусируется в месте наибольшей концентрации предпринимательской деятельности [11, с. 23]. В цифровую эпоху такой подход перестает быть эффективным – цифровые бизнес-модели [12, с. 50] исключают потребность максимального физического присутствия в конкретной юрисдикции, попутно открывая возможности для размывания налоговой базы [2, с. 84]. В связи с этим сейчас идут активные дискуссии по поводу внедрения но-

¹ Five Things to Know about the Informal Economy. Официальный сайт International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/07/28/na-072821-five-things-to-know-about-the-informal-economy> (accessed 22 September 2024).

вых взглядов на налогообложение [5, с. 17] и дополнение традиционного ряда налогов новым «персонажем» – налогом на цифровые услуги или цифровым налогом.

3) Из п. 2 следует дополнительная проблема: компании испытывают трудности с соблюдением местных налоговых норм в разных юрисдикциях, особенно если последние постоянно меняются.

4) Внедрение цифрового администрирования, цифрового правительства [14, с. 176] предполагает значительные инвестиции со стороны государств. Отсюда парадоксальная ситуация: стараясь не отставать от глобальных трендов, менее развитые государства направляют средства в цифровую отрасль, тем самым приостанавливая развитие иных стратегически важных социальных сфер, еще больше усугубляя имеющиеся проблемы. В связи с этим развивающиеся страны как никогда остро нуждаются в международной поддержке. Последняя выражается в различных проектах, таких как Дохинская программа действий – набор обновленных и повышенных обязательств наименее развитых стран и их партнеров по процессу развития, включая частный сектор, гражданское общество и власти на всех уровнях¹. Данный документ предусматривает содействие со стороны развитых стран развивающимся в сфере цифровой трансформации, внедрения новейших технологий и государственного администрирования.

5) Сбор данных в целях налогового администрирования, который сам по себе не является продуктом современной цифровизации, а результатом длительных разработок, является рискованным полем, в котором все чаще возникают утечки данных и новые сложности по поводу защиты конфиденциальности. По состоянию на февраль 2024 г. в мире от общего числа утечек данных 13,9% при-

¹ Дохинская программа действий на десятилетие 2022–2031 гг. Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ldc5/ru/doha-programme-of-action> (дата обращения: 24.09.2024).

шлось на госсектор¹. Это более чем внушительное число, учитывая уровень должной защищенности информации, касающейся государственной политики и безопасности.

б) И ряд других проблем [6, с. 146].

Правовые основы и способы противодействия цифровым угрозам в сфере налогообложения

Рассмотрев основные проблемы и тенденции цифровизации в сфере налогообложения, перейдем к анализу мероприятий международного сообщества по предотвращению размывания цифровых границ, ведущего к нарушению налогообложения. Актуальные решения предлагают многие международные организации, в числе которых следует выделить деятельность Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), Международной налоговой ассоциации (International Fiscal Association – IFA), Международной конференции по робототехнике и интеллектуальным технологиям (International Conference on Robotics and Intelligent Technology – ICRIT), Независимой комиссии по реформе международного корпоративного налогообложения (The Independent Commission for the Reform of International Corporate Taxation – ICRICT), которые подготавливают различные предложения, связанные с цифровой и налоговой тематикой.

Среди названных организаций, с учетом целей настоящей статьи, прежде всего проанализируем один из крупных проектов ОЭСР, а именно – план BEPS (Action plan on base erosion and profit shifting – далее BEPS), являющийся по своей природе актом «мягкого права». Об этом плане, пожалуй, в научной литературе сказано немало, однако считаем нужным слегка освежить его в памяти и собственной, и читательской.

¹ Статистика утечки гостайны и конфиденциальных данных. Официальный сайт ООО «КАСЛ» [Электронный ресурс]. URL: <https://licenziya-fsb.com/statistika-utechki-gostajny-i-konfidentsialnyh-dannyh> (дата обращения: 24.09.2024).

Одиннадцать лет назад ОЭСР разработала план BEPS, презентованный 19 июля 2013 г. в Санкт-Петербурге, представляющий собой план борьбы с незаконными налоговыми практиками – размыванием налоговой базы, уклонением от уплаты налогов и прочими. План вступил в силу в 2015 г., решение о его разработке было принято еще в 2012 г. на саммите большой двадцатки (G20). Несмотря на то что данный проект не является ни международным договором, ни нормативно-правовым актом и носит рекомендательный характер, на данный момент он является наиболее влиятельным для внутреннего налогового законодательства различных стран и региональных объединений (ЕАЭС, ЕС) документом.

BEPS состоит из 15 действий (мероприятий), которые содержат меры по борьбе с налоговыми правонарушениями. Изначально план был разработан в связи с развитием деятельности транснациональных корпораций и перемещения ими прибыли в низконалоговые юрисдикции, которое преследовало цель необоснованного получения налоговых выгод или полного уклонения от уплаты налогов. Все действия, описанные в плане BEPS, взаимосвязаны, но в рамках настоящей статьи нас больше всего интересует действие 1 – урегулирование налоговых проблем цифровой экономики (Address the tax challenges of the digital economy). Данное действие включает в себя определение основных трудностей, которые цифровая экономика создает для применения существующих международных налоговых правил, разработки подробных вариантов решения этих трудностей, анализ бизнес-моделей в цифровом секторе, установление международной согласованности налогообложения доходов корпораций¹. Например, в качестве решения проблемы

¹ Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting. Official site of the Online library of the Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/action-plan-on-base-erosion-and-profit-shifting_9789264202719-en (accessed 24 September 2024).

возникновения двойного налогообложения и размывания налоговой базы, необоснованного перехода на низконалоговые юрисдикции предлагается установление международной согласованности налогообложения доходов корпораций, что может с пользой использоваться в рамках российского правового поля.

Неоспоримым фактом востребованности и пользы таких актов международного характера выступает имплементация в правовую систему России рекомендаций из плана BEPS, о чем свидетельствует принятие законодательства о контролируемых иностранных компаниях¹, присоединение к совместной Конвенции Совета Европы и ОЭСР о взаимной административной помощи в области налогообложения² и другие факты совершенствования законодательства и функционирования налоговых органов.

Продолжая анализировать BEPS, следует обратиться к принятым к нему дополнениям – Pillar I и Pillar II, представляющим собой положения, конкретизирующие первое действие из плана. В частности, в них предлагаются конкретные меры по сближению законодательств в области налогообложения компаний: принятие глобальной налоговой ставки, доработка правил трансфертного ценообразования и др.

Принятие этих дополнений показывает, что вызовы, спровоцированные цифровизацией экономики, требуют более точечного регулирования – установление глобальной минимальной ставки налогообложения транснациональных корпораций, разработку правил налогообложения без привязки к концепции физического присутствия, ограничение налоговых льгот по отношению к пассив-

¹ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций): федер. закон от 24 ноября 2014 года № 376-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. № 272 (2014).

² Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters (ETS № 127). Official site of the Council of Europe. Available at: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=127> (accessed 24 September 2024).

ным доходам. Так, сферой регулирования Pillar I стали цифровые услуги, создание более простой и прозрачной системы правил трансфертного ценообразования, передачи права облагать налогом транснациональные корпорации тем государствам, на территории которых находятся их потребители. Положения Pillar II сконцентрированы на формировании глобальной ставки налогообложения международных компаний. Работа по этим направлениям началась в 2019 г. Ввести механизмы Pillar I в действие планировалось в июне 2024 г., однако в связи с отсутствием консенсуса членов ОЭСР ввиду экономических и геополитических причин этого пока не произошло¹. Аналогичная ситуация происходит с Pillar II, однако частично оба дополнения уже активно действуют, в частности в ЕС.

Вместе с тем, представляется, что данные проекты могут быть взяты на вооружение отечественным законодателем в работе над совершенствованием нормативно-правовой базы на уровне ЕАЭС.

Продолжая тему согласования законодательств в налоговой сфере, стоит отметить пример успешного приведения налоговой политики к единообразному пониманию – опыт ЕАЭС, а именно действующие дополнения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 (далее – «Договор») о порядке взимания НДС с электронных услуг². В дополнениях прослеживается несколько конструктивных преимуществ, ставших результатом вдумчивой правотворческой работы. Во-первых, с введением дополнений было дано понятие услуг в электронной форме – это «услуги, которые оказаны через информационно-телекоммуникационную сеть (сеть

¹ Pillar One deadline has passed: new Digital Services Taxes on the horizon? Official site of the Global legal practice Dentons. Available at: <https://www.dentons.com/en/insights/alerts/2024/july/8/pillar-one-deadline-has-passed-new-digital-services-taxes-on-the-horizon> (accessed 24 September 2024).

² Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части определения порядка взимания косвенных налогов при оказании услуг в электронной форме (подписан в Бишкеке 09.12.2022) // СЗ РФ. № 26. 24 июня 2024 г. Ст. 3563.

электросвязи), в том числе через сеть Интернет, оказание которых невозможно без использования информационных технологий и перечень которых утверждается Советом Комиссии». Во-вторых, четко описан порядок уплаты НДС за оказание электронных услуг, не нуждающийся в дополнительном толковании. Если лицо одного государства – члена ЕАЭС оказывает лицу из другого государства – члена ЕАЭС электронные услуги, то оказывающее услугу лицо должно встать на налоговый учет в государстве, где оказывается услуга, и там же уплатить в бюджет НДС, если такой налоговый учет предусмотрен законодательством этой страны¹. В данном случае законодатели пошли не по пути принятия сложных конструкций, связанных с налогообложением цифровых услуг, а привязали налогообложение и налоговый учет к месту оказания услуги. В-третьих, более подробные вопросы взимания НДС с электронных услуг описаны в отдельном приложении к Договору, что позволяет налогоплательщику самостоятельно и легко определить объем своих налоговых обязанностей. Подобная координация налогового законодательства может служить образцом положительного зарубежного опыта для других государств.

Примером же внедрения цифрового налогообложения и связанных с ним систем на национальном уровне является автоматизированная информационная система Федеральной налоговой службы России «Налог–3»². Она обеспечивает автоматизацию деятельности ФНС России [1, с. 23] по всем выполняемым функциям, определяемым Положением о Федеральной налоговой службе, в том числе прием, обработку, предоставление данных и анализ

¹ Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

² Автоматизированная информационная система ФНС России (АИС «Налог-3»). Официальный сайт Федеральной налоговой службы России [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/gos_inf/4045827/ (дата обращения: 24.09.2024).

информации, формирование информационных ресурсов налоговых органов, статистических данных, сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере полномочий ФНС России и предоставления информации внешним потребителям. «Налог-3» решает такие задачи, как повышение качества контроля над деятельностью налогоплательщика, снижение издержек налогового администрирования, прогнозирование налоговых поступлений и пр. Также под руководством ФНС действуют иные цифровые сервисы [7, с. 208] («Личный кабинет налогоплательщика», «Единый реестр для субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП)», «НДС-офис интернет-компании»), позволяющие взаимодействовать с налоговыми органами, выявлять правонарушения и решать широкий круг задач с наименьшими затратами со стороны как налогоплательщика, так и государства. Такая система экономит время и налогоплательщика, и налоговых органов, при этом минимизируя риск недочётов и ошибок в процессе налогообложения.

Заключение

На основе проведенного анализа международно-правовых актов различного характера, а также с учетом актуального контекста цифровизации, тенденций и проблем, вызванных ею в сфере налогообложения, предлагается несколько рекомендаций по повышению эффективности и безопасности в сфере международного налогообложения на современном этапе.

1. Гармонизация национальных законодательств и международных нормативных правовых актов. Как бы банально это ни звучало, факт остается фактом: без должного уровня согласования и упорядочения норм в эпоху цифровизации налогообложения, достичь эффективного регулирования практически невозможно. Единообраз-

ное применение правил и методов налогообложения позволит прийти к наиболее четкому пониманию норм международного налогового права, а следовательно, и взиманию налогов с минимизацией уклонения от их уплаты. В данном случае гармонизация – не просто красивое и популярное слово, а объективная необходимость.

2. Усиление международного сотрудничества. Государствам следует продолжать и углублять сотрудничество с другими странами для обмена налоговой информацией. Это может включать в себя, например, участие в международных соглашениях, таких как CRS (Common Reporting Standard) и FATCA (Foreign Account Tax Compliance Act).

3. Разработка и внедрение современных технологий. Использование технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект применительно к налоговым отношениям может помочь в отслеживании финансовых потоков и выявлении подозрительных транзакций.

4. Обновление налогового законодательства, которое необходимо адаптировать к новым реалиям цифровой экономики. Это включает в себя прежде всего определение правил налогообложения для цифровых услуг и компаний, работающих в онлайн-пространстве, транснациональных корпораций, введение правил определения глобальной налоговой ставки. Как верно отмечает Г.П. Толстопятенко, «возрастание роли глобальных национальных и международных компаний в развитии мировой экономики влечет за собой необходимость регулирования их трансграничной деятельности, реформирования национальных налоговых режимов» [13, с. 25]. Невозможно не согласиться с данным утверждением. Правовая работа над новым пластом деятельности, выходящей за границы одного государства, должна осуществляться не только на национальном, но и на наднациональном уровне посредством международного сотрудничества и координации налоговой политики.

5. Упрощение налоговых процедур для налогоплательщиков может снизить возможности для уклонения от уплаты налогов, например электронное декларирование, упрощенные формы отчетности, упрощение процесса взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов и пр.

6. Обучение и информирование налогоплательщиков. Проведение образовательных кампаний для повышения осведомленности граждан о своих налоговых обязательствах и последствиях уклонения от уплаты налогов само по себе является необходимым инструментом повышения уровня правовой грамотности, а учитывая факт стремительного развития новых технологий, как никогда актуальным становится разъяснение со стороны государственных органов основ функционирования ИИ, цифровых платформ, отвечающих за взимание налогов и подачу налоговой отчетности посредством вебинаров, инструкций, выпуска пособий и т. д.

7. Целесообразным также представляется ужесточение санкций за уклонение от уплаты налогов, выражающееся во введении строгих мер ответственности за уклонение от уплаты налогов, включая более высокие штрафы и уголовные наказания. Недобросовестным плательщикам не уплачивать налоги путем использования различных схем становится все легче и легче, при этом меры ответственности за подобные действия едва ли становятся жестче.

8. Мониторинг и анализ данных, в том числе с использованием ИИ и технологии блокчейн. Различные системы мониторинга и сбора информации на государственном уровне уже существуют (как, например, упомянутая выше система «Налог-3»), однако ценным опытом также будет внедрение систем для сбора и анализа больших данных, которые помогут выявлять аномалии в деятельности конкретных лиц и подозрительные схемы уклонения от налогов.

9. Нельзя также полагаться на исключительно автоматизированный формат обработки и хранения данных. Несмотря на растущий прогресс по формированию баз данных на основе ИИ и новых технологий, хранение и передача больших объемов информации, вписанной исключительно в автоматизированную подкорку, может привести к серьезным сбоям и частым утечкам. Вычеркнуть из жизнедеятельности государственных органов бумажные, полупродниковые и иные типы информационных носителей – не лучшее решение в современных реалиях. В деятельности, характеризующейся высоким уровнем конфиденциальности, обязательно должен присутствовать комбинированный подход к возможности сохранения данных. Безусловно, любая информация на абсолютно любом носителе может быть украдена, продублирована или слита. Однако именно такая, упомянутая выше система представляется оптимальной, в том числе по отношению к налогообложению и связанными с ним данными.

В заключение подчеркнем необходимость сотрудничества и разработки инновационных подходов к налогообложению в целях обеспечения справедливости и эффективности налоговых систем в цифровую эпоху. Примеры Pillar I и Pillar II, BEPS, разработок различных международных организаций и отечественной ФНС – лишь первые, прощупывающие цифровую почву шаги на пути к гармоничной и гармонизированной системе налогообложения как на национальном и региональном, так и на международном уровне [4, с. 33]. Важность рассматриваемой темы стремительно растет, о чем говорят, например, обсуждения на уровне Генассамблеи ООН и сентябрьских заседаний БРИКС в Москве в 2024 г. новых документов по цифровизации и финансовой архитектуре. Безусловно, по сравнению с 2013 г., когда был впервые представлен план BEPS, или с 2020 годом,

когда цифровизация только предстала перед мировым сообществом как новый огромный пласт, нуждающийся в детализированном правовом регулировании, по состоянию на 2024 г. цифровое развитие и цифровая экономика получили большее развитие, однако еще не показали себя в полном объеме собственного потенциала, поэтому говорить о готовых решениях для международного налогообложения на современном этапе пока не представляется возможным. На момент написания данной статьи по одному только искусственному интеллекту без уточнений налогового регулирования в мире пока принят только один закон – Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте, и то это лишь крайне сырая, малопроработанная работа законодателя. Подобно любому живому и действующему организму, цифровому налогообложению еще предстоит пережить множество событий и изменений, определенных этапов, прежде чем для него будет разработан комплекс эффективных юридико-цифровых норм, инструментов, методов регулирования, которые позволят с точностью заявить, что код налога – не предложенное креативным умом юного исследователя сочетание, а новая объективная реальность.

Список литературы

1. Анисина К. Т. Взаимодействие государственных органов власти с другими участниками финансовых правоотношений посредством цифровой экономики // Труды кафедры финансового права российского государственного университета правосудия / под ред. И. А. Цинделиани. – М.: Проспект, 2020. – С. 22–32. EDN: LDVJYW
2. Безверхий А. С., Кирова Е. А. Проблемы налогообложения в цифровой экономике в рамках Евразийского экономического союза // Вестник Государственного университета управления. – 2019. – № 1. – С. 82–88. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-1-82-88. EDN: WJHDED
3. Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. – 2017. – № 11. – С. 5–18.
4. Винницкий Д. В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. – М.: Статут, 2017. – 463 с.

5. Ефимушкин В. А., Ледовских Т. В., Щербакова Е. Н. Инфокоммуникационное технологическое пространство цифровой экономики // Т-Comm: Телекоммуникации и транспорт. – 2017. – Том II. – № 5. – С. 15–20.

6. Касирова Ф. Д., Алиев О. М. Мировой опыт и перспектива развития цифрового налога // *Endless Light in Science*. – 2023. – № 3–3. – С. 145–151. DOI: 10.24412/2709-1201-2023-145-151. EDN: UIPIAF

7. Колосов Д. И. Развитие системы добровольного соблюдения налогового законодательства // Труды кафедры финансового права российского государственного университета правосудия / под ред. И. А. Цинделиани. – М.: Проспект, 2020. – С. 204–212. EDN: HGQLVK

8. Кучеров И. И., Хаванова И. А. Трансформация международного налогового правового регулирования и национальные интересы // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 103–118. DOI: 10.61205/S160565900029735-2. EDN: LUWRPX

9. Махалина О. М., Махалин В. Н. Трансформация цифровой экономики в национальные налоговые системы зарубежных стран // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2020. – № 3. – С. 38–51.

10. Меркулов Е. С. Понятие и предмет международного налогового права: спорные вопросы // Право и политика. – 2004. – № 4. – С. 91–102.

11. Полежарова Л. В. Международное двойное налогообложение: механизм устранения в Российской Федерации: монография. – М.: Магистр, 2009. – 303 с.

12. Семенов А. И., Губайдуллина А. Д. Цифровая трансформация бизнес-моделей организации // Экономика строительства. – 2021. – № 2 (68). – С. 49–55. EDN: ASOVQR

13. Толстопятенко Г. П. Интеграционное налоговое право и новый миропорядок // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 11 (120). – С. 23–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.023-035. EDN: LCBBJV

14. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / под ред. И. А. Цинделиани. – М.: Проспект, 2019. – 320 с.

15. Kobetsky M. International taxation of permanent establishments: principles and policy. – New York: Cambridge University Press, 2011. – 468 p.

References

1. Anisina, K. T. (2020) Vzaimodejstvie gosudarstvennyh organov vlasti s drugimi uchastnikami finansovyh pravootnoshenij posredstvom cifrovoj ekonomiki [Interaction of State Authorities with Other Participants in Financial Legal Relations through the Digital Economy]. *Trudy kafedry finansovogo prava rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiviya* [Works of the Department of Financial Law of the Russian State University of Justice]. Ed. Cindeliani I. A. Moscow: Prospekt. Pp. 22–32. (In Russian). EDN: LDVJYW

2. Bezverhij, A. S., Kirova, E. A. (2019) Problemy nalogooblozheniya v cifrovoj ekonomike v ramkah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Taxation Issues in the Digital Economy within the Framework of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya – Herald of the State University of Management*. No.1. Pp. 82–88. (In Russian). DOI: 10.26425/1816-4277-2019-1-82-88. EDN: WJHDED

3. Vajpan, V. A. (2017) Osnovy pravovogo regulirovaniya cifrovoj ekonomiki [Foundations of Legal Regulation of the Digital Economy]. *Pravo i ekonomika – Law and Economics*. No. 11. Pp. 5–18. (In Russian).

4. Vinnickij, D. V. (2017) *Mezhdunarodnoe nalogovoe pravo: problemy teorii i praktiki* [International Tax Law: Issues of Theory and Practice]. Moscow: Statut. (In Russian).
5. Efimushkin, V. A., Ledovskih, T. V., Shcherbakova, E. N. (2017) Infokommunikacionnoe tekhnologicheskoe prostranstvo cifrovoy ekonomiki [Infocommunication Technological Space of the Digital Economy]. *T-Comm: Telekommunikacii i transport – T-Comm: Telecommunications and Transport*. Vol. II. No. 5. Pp. 15–20. (In Russian).
6. Kasirova, F. D., Aliev, O. M. (2023) Mirovoj opyt i perspektiva razvitiya cifrovogo naloga [Global Experience and Prospects for the Development of Digital Tax]. *Endless Light in Science*. No. 3–3. Pp.145–151. (In Russian). DOI: 10.24412/2709-1201-2023-145-151. EDN: UIPIAF
7. Kolosov, D. I. (2020) Razvitie sistemy dobrovol'nogo soblyudeniya nalogovogo zakonodatel'stva [Development of the System of Voluntary Compliance with Tax Legislation]. *Trudy kafedry finansovogo prava rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya* [Works of the Department of Financial Law of the Russian State University of Justice]. Ed. Cindeliani I. A. Moscow: Prospekt. Pp. 204–212. (In Russian). EDN: HGQLVK
8. Kucherov, I. I., Havanova, I. A. (2024) Transformaciya mezhdunarodnogo nalogovo-pravovogo regulirovaniya i nacional'nye interesy [Transformation of International Tax Law Regulation and National Interests]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. Vol. 28. No. 4. Pp.103–118. (In Russian). DOI: 10.61205/S160565900029735-2. EDN: LUWRPX
9. Mahalina, O. M., Mahalin, V. N. (2020) Transformaciya cifrovoy ekonomiki v nacional'nye nalogovye sistemy zarubezhnyh stran [Transformation of the Digital Economy in the National Tax Systems of Foreign Countries]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo» – Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Management. Law"*. No. 3. Pp. 38–51. (In Russian).
10. Merkulov, E. S. (2004) Ponyatie i predmet mezhdunarodnogo nalogovogo prava: spornye voprosy [Concepts and Subject Matter of International Tax Law: Controversial Issues]. *Pravo i politika – Law and Politics*. No. 4. Pp. 91–102. (In Russian).
11. Polezharova, L. V. (2009) *Mezhdunarodnoe dvojnoe nalogooblozhenie: mekhanizm ustraneniya v Rossijskoj Federacii* [International Double Taxation: Mechanism of Elimination in the Russian Federation]. Moscow: Magistr. (In Russian).
12. Semenov, A. I., Gubajdullina, A. D. (2021) Cifrovaya transformaciya biznes-modelej organizacii [Digital Transformation of Organizational Business Models]. *Ekonomika stroitel'stva – Construction Economics*. No. 2 (68). Pp. 49–55. (In Russian). EDN: ASOVQR
13. Tolstopyatenko, G. P. (2020) Integracionnoe nalogovoe pravo i novyj miroporjadok [Integration Tax Law and the New World Order]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Current Issues of Russian Law*. No. 15 (11). Pp. 23–35. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.023-035. EDN: LCBBJV
14. Cindeliani, I. A. (2019) (ed.) *Finansovoe pravo v usloviyah razvitiya cifrovoy ekonomiki* [Financial Law in the Context of the Development of the Digital Economy]. Moscow: Prospekt. (In Russian).

Об авторе

Маркова Анна-Мария Михайловна, магистрант, Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-2721-9665, e-mail: annemariemour04@gmail.com

About the author

Anna-Maria M. Markova, master's student, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-2721-9665, e-mail: annemariemour04@gmail.com

*Поступила в редакцию: 30.10.2024
Принята к публикации: 13.11.2024
Опубликована: 24.12.2024*

*Received: 30 October 2024
Accepted: 13 November 2024
Published: 24 December 2024*

Алиментные обязательства

Э. Г. Дадашова

Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал)
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
Ивангород, Российская Федерация

В статье рассматривается вопрос назначения выплаты алиментов как способа защиты и обеспечения ребёнка надлежащим содержанием в случае уклонения родителей от исполнения соответствующей обязанности. Исследуется практика взыскания алиментов на детей, а также порядка назначения их выплаты, в том числе посредством заключения соглашения об уплате алиментов. Проводится анализ судебной практики по вопросу взыскания алиментов на детей и применения ответственности в случае уклонения от выплаты алиментов.

Ключевые слова: алименты, алиментные обязательства, Семейный кодекс Российской Федерации, дети, родители, соглашение об уплате алиментов, судебный порядок взыскания алиментов.

Для цитирования: Дадашова Э. Г. Алиментные обязательства // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 134–147. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_134. EDN: IFNLLV

Alimony Obligations

Estelita G. Dadashova

Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch)
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Ivangorod, Russian Federation

The article examines the issue of the appointment of alimony payments as a way to protect and provide a child with proper maintenance in case of parents' evasion from fulfilling the corresponding obligation. The issue of the practice of collecting alimony for children, as well as the procedure for assigning their payment, including through the conclusion of an agreement on the payment of alimony, is being investigated. The analysis of judicial practice on the issue of collecting alimony for children and the application of liability in case of evasion from payment of alimony is carried out.

Key words: alimony, alimony obligations, the Family Code of the Russian Federation, children, parents, an agreement on the payment of alimony, the judicial procedure for collecting alimony.

For citation: Dadashova, E. G. (2024) Alimentnyye obyazatel'stva [Alimony obligations]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 134–147. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_134. EDN: IFNLJV

Введение

В настоящее время вопросы семейно-правового характера не теряют своей важности и представляют собой многогранную систему принципов, способных отвечать потребностям как самой семьи, так и каждого из её членов. В этой связи семейное законодательство также устанавливает и регулирует защиту и потребности детей. Именно так Семейным кодексом Российской Федерации закреплено, что «родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно»¹. По своей сути, именно содержание своего ребёнка является ключевой обязанностью родителя, вне зависимости от способа реализации соответствующего обязательства.

Важно отметить, что в целях защиты детей, несмотря на взаимоотношения между родителями ребёнка или между самим ребёнком и родителем, законодательно предусмотрены способы обеспечения материального блага детей при любых обстоятельствах. Так, согласно ст. 80 СК РФ следует, что «родители вправе заключить соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) в соответствии с главой 16 настоящего Кодекса»². Иначе говоря, исходя из добровольного принципа обеспечения своего ребёнка и установленной при этом договорённости относительно размера выплаты алиментов на содержание ребёнка с тем родителем, с которым по факту постоянно проживает ребёнок, другой родитель обязуется ежемесячно осуществлять выплату установленного соглашения размера алиментов.

¹ Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗРФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Там же.

Однако зачастую родитель, постоянно не проживающий со своим ребёнком, отказывается осуществлять необходимое содержание ребёнка, а равно обеспечить его. При таких обстоятельствах, а также с учётом отсутствия между родителями соглашения об уплате алиментов на ребёнка, родитель, с которым проживает ребёнок и который по сути самостоятельно занимается его обеспечением, в том числе в материальном плане, имеет право обратиться в суд с соответствующим иском к другому родителю.

Вместе с тем при вынесении судом решения о назначении выплаты алиментов и предъявлении одним из родителей соответствующего исполнительного документа в службу судебных приставов, другой родитель должен немедленно приступить к исполнению решения суда. Тем не менее, практика взыскания алиментов с недобросовестных родителей, которые отказываются выплачивать алименты даже после их принудительного взыскания посредством обращения в специализированные органы, обусловлена немалым количеством дел об административных правонарушениях, а также возбуждением уголовных производств по факту неуплаты алиментов.

Общая характеристика алиментных обязательств

Само по себе существование понятия алиментных обязательств и его роль в системе семейного права обеспечивает и обосновывает важность финансовой поддержки незащищённых лиц внутри их семей. Исходя из признаков и особенности критериев алиментных обязательств для изучения понятия алиментных обязательств необходимо руководствоваться основными аспектами, которые в свою очередь закрепляет семейное законодательство Российской Федерации. Именно поэтому особенно важно обратиться к рассмотрению понятий «алименты»

и «обязательства» в отдельности. Рассматривая позицию некоторых авторов, занимающихся изучением понятия алиментных обязательств в Российской Федерации, можно отметить следующее: «алименты – это денежные средства, которые один из супругов, родителей или других членов семьи обязан выплачивать другому, менее обеспеченному члену семьи, в соответствии с правовыми нормами и положениями семейного права. Цель выплаты алиментов – обеспечение достойного уровня жизни, для тех, кто не в состоянии самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности в полной мере» [5]. Уточняя вышеизложенное суждение, следует, что «алименты могут быть назначены на содержание несовершеннолетних детей, бывших супругов, родителей и других лиц, которые в силу объективных причин нуждаются в финансовой поддержке» [4].

Переходя к теме обязательств с точки зрения семейного права, следует отметить, что под обязательствами в данной связи понимаются такие права и обязанности участников семьи, которые по своей сути регулируют не только правовые взаимоотношения в конкретной семье, но определяют пределы ответственности её членов. В итоге под подобного рода обязательствами понимается как материальный аспект таких обязательств, куда в том числе входит выплата алиментов, так и нематериальная составляющая, в том числе обязательное проявление заботы и должного воспитания по отношению к детям.

Таким образом, с учётом особого внимания защите детей на уровне их должного содержания со стороны членов семьи, а именно их родителей, наличие алиментных обязательств является одним из социально значимых механизмов установления такой защиты. Иными словами, следует, что «под алиментными обязательствами понимается комплекс мер, направленных

на материальное обеспечение детей, родители которых уклоняются от своих обязанностей, отмечая при этом роль государства в обеспечении их исполнения» [15]. В итоге, несмотря на сложную составляющую алиментных обязательств, представляется возможным выделить основные критерии алиментных обязательств, которые в свою очередь носят как добровольный, так и принудительный характер, выбор которого зависит от множества факторов и обстоятельств [7].

Добровольная выплата и принудительное взыскание алиментов на ребёнка

Правовой характер такого понятия, как «алиментные обязательства» в первую очередь обусловлен принципами и выбором лица, которое приобрело подобного рода обязательства. Речь идёт о добровольности и принуждённости выбора родителя при возникновении вопроса об уплате алиментов своему ребёнку.

Добровольный характер выплаты алиментов заключается в свободной и намеренной позиции конкретного родителя оказывать материальную помощь своему ребёнку согласно принципам и правилам, установленным семейным законодательством. Ярким примером этому служит заключение между родителями ребёнка соглашения об уплате одним из них определённой ежемесячной суммы алиментов. Роль института соглашения об уплате алиментов заключается в том, что: «позволяет решить вопросы алиментного обеспечения без вмешательства судебных органов и использования услуг медиаторов именно на тех условиях, которые выгодны как плательщику алиментов, так и их получателю. Иными словами, если лицо, обязанное выплачивать алименты, и лицо, имеющее право на их получение, договорились о том, как и каким образом будут происходить алиментные выплаты,

то в общем смысле какие-либо основания, препятствующие воле соответствующих субъектов, отсутствуют» [9]. Как и любой другой юридический документ, соглашение об уплате алиментов имеет свою определённую структуру с наличием обязательных условий. Важно отметить, что соглашение об уплате алиментов подлежит обязательному нотариальному заверению. Итак, возвращаясь к структуре такого соглашения, необходимо выделить следующие его основные условия, а именно: «обязательное наличие правового основания для возникновения алиментного обязательства, затем предмет соответствующего соглашения и, конечно же, порядок исполнения такого соглашения» [6]. Кроме того, помимо перечисленных условий соглашения об уплате алиментов, особенно важным является условие о размере алиментных выплат, который в свою очередь должен быть зафиксирован и прописан в соответствующем соглашении [3].

Если с принципом добровольного характера выплаты алиментов на примере заключения соглашения об уплате алиментов не возникает особых вопросов, то принудительный характер выплаты алиментов имеет ряд своих особенностей. Во-первых, если родитель уклоняется от обязанности добровольно осуществлять обеспечение своего ребёнка, то обязанность по уплате алиментов своему ребёнку может приобрести принудительный характер действия. Иными словами, при таких обстоятельствах вопрос о вменении тому или иному лицу (родителю) алиментных обязательств решает суд посредством вынесения соответствующего решения. Правом на обращение в суд с иском о взыскании алиментов на содержание ребёнка обладает другой родитель или опекун, с которым ребёнок проживает и который самостоятельно занимается его содержанием. В этой связи, в случае вынесения положительного решения суда относительно взыскания

с конкретного родителя алиментов на содержание своего ребёнка, последний несёт алиментные обязательства вне зависимости от своего волеизъявления [10].

Вместе с тем именно после получения родителем исполнительного документа, позволяющего в принудительном порядке взыскать с другого родителя алименты на содержание их общего ребёнка, возникают основные сложности. На практике на основании имеющегося у взыскателя алиментов (одного из родителей) исполнительного документа он вправе обратиться в службу судебных приставов с соответствующим заявлением о возбуждении исполнительного производства. При этом действия судебного пристава-исполнителя заключаются в том числе в том, чтобы обратить взыскание как на официальный доход должника (другого родителя), так и на иные доходы должника, имеющиеся в распоряжении судебного пристава [12]. Помимо этого, существуют иные меры ограничений должника, в том числе направленные на принудительное исполнение решения суда, такие как ограничение на выезд из страны, ограничение специального права и иные [13].

Зачастую наличие возбужденного исполнительного производства о взыскании алиментов и связанных с этим ограничений не способствует добросовестному исполнению должником (родителем) своих обязанностей по содержанию детей, вследствие чего для такого лица предусмотрена административная и даже уголовная ответственность [1].

Таким образом, следует вывод о том, что независимо от характера алиментных обязательств, а именно добровольного или принудительного способа исполнения обязанностей родителей по содержанию своих детей, государственная инициатива исходит из принципа обеспечения максимальной защищённости де-

тей в материальном плане, несмотря на возможное неисполнение обязанностей родителей в части заботы и воспитания своих детей.

Особенности взыскания алиментов в судебном порядке

Учитывая нормы действующего законодательства Российской Федерации, а также основанные на них мнения некоторых авторов, следует, что «в общем понимании право на предъявление иска в суд исходит из защиты своего субъективного права и защиты своих интересов, отражающих в том числе свою процессуальную независимость. Однако право на предъявление иска о взыскании алиментов должно соответствовать нормам, установленным в том числе семейным законодательством» [14]. На практике при рассмотрении исков о взыскании алиментов суды учитывают все факты и обстоятельства возникновения алиментных обязательств в отношении конкретного лица [8]. Так, в целях понимания обоснованности позиции суда при вынесении соответствующих решений о взыскании алиментов следует обратиться к некоторым примерам судебной практики.

К примеру, в ходе одного судебного дела о взыскании алиментов судом было установлено, что между матерью и отцом ребёнка брак был расторгнут, ребёнок при этом остался проживать совместно с матерью. Какое-либо общение между отцом и ребёнком отсутствует. Отец не принимает участия в воспитании и обеспечении своего ребёнка. Вместе с тем в целях взыскания алиментов на содержание своего ребёнка мать обратилась в суд с иском о взыскании алиментов с отца ребёнка в твёрдой денежной сумме. Свою позицию она аргументировала отсутствием у отца ребёнка постоянного заработка. Судом была проведена проверка данного обстоятель-

ства, в том числе посредством общения с отцом ребёнка в ходе судебного разбирательства, вследствие чего был установлен факт отсутствия у отца ребёнка постоянной работы. Проанализировав имеющиеся в материалах дела документы, учитывая ставшие известными суду обстоятельства, суд пришёл к выводу о взыскании с отца ребёнка алиментов на содержание несовершеннолетнего ребёнка в твёрдой денежной сумме.

В ходе другого судебного разбирательства отец ребёнка, выступающий ответчиком по делу о взыскании алиментов, просил суд о снижении размера алиментов вследствие ухудшения его материального положения и наличия других детей, требующих дополнительных затрат. В свою очередь, суд, проанализировав все факты и обстоятельства дела, пришёл к выводу отказать ответчику в его заявлении. Свою позицию суд аргументировал тем, что сам факт ухудшения материального положения ответчика и несения затрат на обеспечение других детей не может ограничивать права его ребёнка на должное и необходимое содержание [2].

Таким образом, исходя из анализа вышеприведённых примеров судебных решений о взыскании алиментов, возможно сделать вывод о том, что обеспечение должного содержания детей выступает главным принципом при решении судом вопроса о взыскании алиментов. При этом суд объективно оценивает все имеющиеся по делу обстоятельства и устанавливает факты, руководствуясь нормами семейного законодательства Российской Федерации.

Заключение

В завершении темы исследования следует сделать вывод о том, что задача существующего института алиментных обязательств – поддержание защищённости, в том

числе детей, в части соблюдения и сохранения достойного уровня их содержания, несмотря на семейное положение их родителей или иные причины.

Исходя из принципов семейного права, каждый из родителей обязан дать своему ребёнку должную заботу, воспитание и содержание [11]. Что касается последнего, будь то добровольный или принудительный характер алиментных обязательств, суть обязанности по обеспечению содержания своего ребёнка неизменна. Разница лишь в том, что в случае принудительного взыскания алиментов посредством обращения в суд с соответствующим иском родитель, являющийся обязанным выплачивать алименты на своего ребёнка, сталкивается не только с судебной системой, но и с органами принудительного исполнения решения суда, что само по себе способно создать для него определённые проблемы и трудности, и зачастую заставляет таких лиц должным образом исполнять решение суда о взыскании алиментов и обеспечивать своих детей. Вместе с тем существуют исключения, т. е. лица, которые даже после применения мер принудительного взыскания продолжают уклоняться от исполнения своих обязанностей по уплате алиментов, однако законодательно для таких лиц предусмотрены иные меры ответственности.

Список литературы

1. Аносова Н. Н. Проблемы взыскания алиментов в исполнительном производстве // Обществознание и социальная психология. – 2022. – № 12 (42). – С. 204–209. EDN: YUYAWH
2. Аникова Р. И. Алиментные обязательства родителей и детей // Студенческий вестник. – 2022. – № 4–2 (196). – С. 55–58. EDN: ZLEPRV
3. Артемьева Ю. А. Оспаривание соглашений об уплате алиментов на несовершеннолетних детей // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 5. – С. 224–227. EDN: EYIZWT
4. Барыбина Е. Л., Капитонова В. В. Правовые проблемы взыскания и уплаты алиментов в современной России // Аллея науки. – 2022. – № 12 (75). – С. 538–543. EDN: MCLCHN

5. Богуш Е. А., Тепляшин П. В. Общая характеристика алиментных обязательств // Научно-образовательный потенциал молодёжи в решении актуальных проблем XXI века. – 2016. – № 5. – С. 285–289. EDN: WZRGEF

6. Грабимова А. И. Соглашение об уплате алиментов: правовая природа соглашения об уплате алиментов // Вестник науки. – 2023. – № 11 (68). – С. 158–163. EDN: BHFIFWG

7. Галамова В. Д. Правовое регулирование алиментных обязательств братьев и сестёр по законодательству Российской Федерации // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 11. – С. 392–400. EDN: YUTENQ

8. Коржова Е. А. Алиментные обязательства: проблемы и пути решения // Инновация. Наука. Образование. – 2021. – № 42. – С. 412–419. EDN: ZHAPXG

9. Ладочкина Л. В., Хмелева Т. И. Некоторые вопросы регулирования алиментных обязательств в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. – 2022. – № 5. – С. 92–99. EDN: DQIRCU

10. Максуров А. А. Особенности судебного порядка взыскания алиментов // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 1 (88). – С. 63–69. EDN: MUGORM

11. Пехова М. В. Основания возникновения и прекращения алиментных обязательств // Закон. Право. Государство. – 2021. – № 3 (31). – С. 106–111. EDN: XIWPNY

12. Попов Е. А., Пыленко И. П., Амири А. Э. Проблемы правового регулирования исполнения алиментных обязательств // Заметки учёного. – 2022. – № 2. – С. 298–304. EDN: DRKVG D

13. Тарасова Д. В., Курышова И. В. Взыскание алиментов в пользу несовершеннолетних: порядок уплаты, проблемы и перспективы // Молодёжный вестник ИРГТУ. – 2024. – № 1. – С. 153–158. EDN: VVXC O V

14. Шагдурова А. С. Ответственность за неисполнение и ненадлежащее исполнение алиментных обязательств // Коррекционно-педагогическое образование: электронный журнал. – 2021. – № 6 (30). – С. 110–114. EDN: ZPRXGY

15. Шведчикова Е. В., Долганева А. В. Особенности правового регулирования института алиментных обязательств в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 1 (152). – С. 110–111. EDN: XKHICP

References

1. Anosova, N. N. (2022) Problemy` vzy`skaniya alimentov v ispolnitel`nom proizvodstve [Problems of alimony recovery in enforcement proceedings]. *Obshhestvoznaniye i social`naya psixologiya – Social studies and social psychology*. No. 12 (42). Pp. 204–209. (In Russian). EDN: YUYAWH

2. Anikova, R. I. (2022) Alimentny`e obyazatel`stva roditelej i detej [Alimony obligations of parents and children]. *Studencheskij vestnik – Social studies and social psychology*. No. 4–2 (196). Pp. 55–58. (In Russian). EDN: ZLEPRV

3. Artem`eva, Yu. A. (2019) Osparivaniye soglashenij ob uplate alimentov na nesovershennoletnix detej [Challenging agreements on the payment of alimony for minor children]. *Problemy` e`konomiki i yuridicheskoy praktiki – Problems of economics and legal practice*. No. 5. Pp. 224–227. (In Russian). EDN: EYIZWT

4. Bary`bina, E. L., Kapitonova, V. V. (2022) Pravovy`e problemy` vzy`skaniya i uplaty` alimentov v sovremennoj Rossii [Legal problems of alimony collection and payment in modern Russia]. *Alleya nauki – Alley of Science*. No. 12 (75). Pp. 538–543. (In Russian). EDN: MCLCHH

5. Bogush, E. A., Teplyashin, P. V. (2016) Obshhaya xarakteristika alimentny`x obyazatel`stv [General characteristics of alimony obligations]. *Nauchno-obrazovatel`ny`j potencial molodyozhi v reshenii aktual`ny`x problem XXI veka –*

Scientific and educational potential of youth in solving urgent problems of the XXI century. No. 5. Pp. 285–289. (In Russian). EDN: WZRGEF

6. Grabibova, A. I. (2023) Soglasenie ob uplate alimentov: pravovaya priroda soglaseniya ob uplate alimentov [General characteristics of alimony obligations]. *Vestnik nauki – Bulletin of Science*. No. 11 (68). Pp. 158–163. (In Russian). EDN: BHF1WG

7. Galamova, V. D. (2021) Pravovoe regulirovanie alimentny`x obyazatel`stv brat`ev i sestroy po zakonodatel`stvu Rossijskoj Federacii [Legal regulation of alimony obligations of brothers and sisters under the legislation of the Russian Federation]. *Voprosy` ustojchivogo razvitiya obshhestva – Issues of sustainable development of society*. No. 11. Pp. 392–400. (In Russian). EDN: YUTENQ

8. Korzhova, E. A. (2021) Alimentny`e obyazatel`stva: problemy` i puti resheniya [Alimony obligations: problems and solutions]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie – Innovation. Science. Education*. No. 42. Pp. 412–419. (In Russian). EDN: ZHAPXG

9. Ladochkina, L. V., Xmeleva, T. I. (2022) Nekotory`e voprosy` regulirovaniya alimentny`x obyazatel`stv v Rossijskoj Federacii [Some issues of regulation of alimony obligations in the Russian Federation]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – Bulletin of the Volga Institute of Management*. No. 5. Pp. 92–99. (In Russian). EDN: DQIRCU

10. Maksurov, A. A. (2020) Osobennosti sudebnogo poryadka vzy`skaniya alimentov [Features of the judicial procedure for collecting alimony]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik – Siberian Legal Bulletin*. No. 1 (88). Pp. 63–69. (In Russian). EDN: MUGORM

11. Pexova, M. V. (2021) Osnovaniya vozniknoveniya i prekrashheniya alimentny`x obyazatel`stv [Grounds for the occurrence and termination of alimony obligations]. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo– Law. Right. The State*. No. 3 (31). Pp. 106–111. (In Russian). EDN: XIWPNY

12. Popov, E. A., Py`lenko, I. P., Amiri, A. E`. (2022) Problemy` pravovogo regulirovaniya ispolneniya alimentny`x obyazatel`stv [Problems of legal regulation of alimony obligations]. *Zametki uchyonogo – Notes of the scientist*. No. 2. Pp. 298–304. (In Russian). EDN: DRKVG D

13. Tarasova, D. V., Kury`shova, I. V. (2024) Vzy`skanie alimentov v pol`zu nesovershennoletnix: poryadok uplaty`, problemy` i perspektivy` [Recovery of alimony in favor of minors: payment procedure, problems and prospects]. *Molodyozhny`j vestnik IRGTU – Youth Bulletin of IRSTU*. No. 1. Pp. 153–158. (In Russian). EDN: VVXCOB

14. Shagdurova, A. S. (2021) Otvetstvennost` za neispolnenie i nenadlezhashhee ispolnenie alimentny`x obyazatel`stv [Liability for non-fulfillment and improper fulfillment of alimony obligations]. *Korrekcionno-pedagogicheskoe obrazovanie: e`lektronny`j zhurnal – Correctional pedagogical education: electronic journal*. No. 6 (30). Pp. 110–114. (In Russian). EDN: ZPRXGY

15. Shvedchikova, E. V., Dolganeva, A. V. (2021) Osobennosti pravovogo regulirovaniya instituta alimentny`x obyazatel`stv v Rossijskoj Federacii [Features of the legal regulation of the institution of alimony obligations in the Russian Federation]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal – Eurasian Legal Journal*. No. 1 (152). Pp. 110–111. (In Russian). EDN: XKHICP

Об авторе

Дадашова Эстелита Гусунбековна, преподаватель, Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Ивангород, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-0911-0356, e-mail: esti_94@mail.ru

About the author

Estelita G. Dadashova, lecturer, Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Ivangorod, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0002-0911-0356, e-mail: esti_94@mail.ru

Поступила в редакцию: 15.10.2024

Принята к публикации: 25.11.2024

Опубликована: 24.12.2024

Received: 15 October 2024

Accepted: 25 November 2024

Published: 24 December 2024

Письменные доказательства в гражданском деле: понятие и процессуальные особенности их формирования, исследования, фиксации и оценки

В. А. Новицкий¹, Л. Ю. Новицкая²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий, управления и права,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье уточняется ранее предложенная формулировка термина «письменные доказательства» и предлагается внести ее в ч. 1 ст. 71 ГПК РФ вместо действующей. Раскрываются проблемы сокращенного оглашения письменных материалов гражданского дела, фиксация документа под определенным номером в материалах гражданского дела карандашом, преюдициальности отдельных видов официальных документов на примере из судебной практики Верховного суда Российской Федерации. Предлагается их практическое решение в законе.

Ключевые слова: судебное доказывание, письменные доказательства, материалы гражданского дела, исследование, фиксация, оценка письменных доказательств, фиксация доказательств, официальные документы, преюдиция.

Для цитирования: Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю. Письменные доказательства в гражданском деле: понятие и процессуальные особенности их формирования, исследования, фиксации и оценки // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 148–169. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_148. EDN: KCOBUW

Written Evidence in a Civil Case: Concept and Procedural Features of Their Formation, Research, Recording and Evaluation

Vitaly A. Novitsky¹, Lada U. Novitskaya²

¹ Saint Petersburg University of Technology, Management and Law,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

In the article, the authors clarify the previously proposed wording of the term "written evidence" and propose to include it in Part 1 of Article 71 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation instead of the current one, reveal the problems of shortened disclosure of written materials of a civil case, fixing a document with a certain number in the materials of a civil case in pencil, the prejudice of certain types of official documents on an example from the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and their practical solution is proposed in the law.

Key words: judicial evidence, written evidence, civil case materials, research, fixation, evaluation of written evidence, fixation of evidence, official documents, prejudice.

For citation: Novitsky, V. A., Novitskaya, L. U. (2024) Pis'mennyĭe dokazatel'stva v grazhdanskom dele: ponyatie i processual'nyĭe osobennosti ix formirovaniya, issledovaniya, fiksacii i ochenki [Written Evidence in a Civil Case: Concept and Procedural Features of Their Formation, Research, Recording and Evaluation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 148–169. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_148. EDN: KCOBUW

Введение

В теории гражданского процесса отмечается, что ГПК РФ регламентирует форму, в которой могут быть получены сведения о фактах. Последние только тогда являются доказательствами, если установлены предусмотренными законом средствами доказывания. Так, абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ закрепляет современную систему средств доказывания [8, с. 15].

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в этой норме в числе других средств доказывания устанавливает форму «письменные доказательства» для графического и цифрового текста.

Уточнение терминов «письменные доказательства» в законе. В ч. 1 ст. 71 ГПК РФ указано: «1. Письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом. К письменным доказательствам относятся приговоры и решения суда, иные судебные постановления, протоколы совершения процессуальных действий, протоколы судебных заседаний, приложения к протоколам совершения процессуальных действий (схемы, карты, планы, чертежи)»¹.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ в ред. от 26.10.2024 // СПС КонсультантПлюс.

Ранее в ст. 63 ГПК РСФСР «Письменные доказательства» письменными доказательствами советский законодатель называл акты, документы, письма делового или личного характера, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела¹.

В п. 2 ч. 1 ст. 17 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик письменные доказательства называются в числе других доказательств, но понятие не раскрывается².

Похожий перечислительный подход использован законодателем в действующих АПК РФ, УПК РФ и КАС РФ, но количество называемых доказательств различно и дополняется в другой статье.

В АПК РФ действуют ст. 75 «Письменные доказательства» и ст. 89 «Иные документы и материалы»³.

В УПК РФ действуют ст. 83 «Протоколы следственных действий и судебного заседания» и ст. 84 «Иные документы»⁴.

В ст. 70 КАС РФ «Письменные доказательства» использован подход аналогичный ГПК РФ⁵.

Классической в теории гражданского процесса считается научная позиция о том, что ст. 71 в ГПК РФ определяет письменные доказательства [2, с. 192]. Отдельные ученые полагают, что законодатель не дал определения письменным доказательствам в ГПК РФ, а лишь перечислил те объекты материального мира, которые потенциально могут быть письменными доказательствами. Избранный путь нормотворца является скорее регрессорным и банальным [1, с. 213], [10, с. 121].

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 11.06.1964 года // СПС КонсультантПлюс.

² Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и Союзных республик 8.12.1961 // СПС КонсультантПлюс.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ в ред. от 08.08.2024 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ в ред. от 09.11.2024 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 № 21-ФЗ в ред. от 08.08.2024 // СПС КонсультантПлюс.

Предлагаются в правовой доктрине достаточно объемные нормы-определения, поскольку ученые стараются охватить все стороны этого термина, включая и требования к их оценке. «Письменные доказательства – это специальные средства доказывания, характеризующиеся специфическими способами воспроизведения с помощью знаков или изображений, закрепленные на любых носителях, отражающие сведения, информацию об обстоятельствах, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела и способом, позволяющим определить достоверность этих сведений, то есть полученную и исследованную с соблюдением установленного законом порядка представления и исследования доказательств» [10, с. 122].

Изложенную в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации норму-определение действительно нельзя признать удачной. Появление в жизни новых видов письменных доказательств потребует каждый раз дополнять эту норму закона новым видом.

Как верно отмечает в теории гражданского процесса А. Т. Боннер, в действующем определении отсутствуют основные и знаковые признаки, позволяющие эффективно отделить письменные доказательства от других видов доказательств [3, с. 111].

Определение термина в ГПК РФ должно быть не только лаконичным, но и позволять суду и другим участникам гражданского процесса быстро отличать письменные доказательства от иных схожих видов. Например, в гражданском процессе в письменной форме представляется в суд заключение эксперта, письменно могут передать суду свои объяснения стороны и третьи лица.

Ранее предложенное нами определение письменных доказательств как сведений о судебных фактах, содержащиеся в процессуальных документах, договорах, актах,

справках, корреспонденции и в виде текстовой или иной графической записи подлежит уточнению [6, с. 150].

Предлагаем законодателю отказаться от перечислительного подхода и изменить формулировку ч. 1 ст. 71 ГПК РФ на текст более четкого содержания, не требующего постоянных корректировок со стороны законодателя: *«Письменными доказательствами являются сведения о судебных фактах, значимых для гражданского дела, выраженные в виде графической записи».*

Определяя соотношение письменных и цифровых доказательств нам следует руководствоваться своими национальными подходами российской доктрины и отойти в законотворчестве от англосаксонской законодательной и доктринальной традиции, объединяющей письменные и цифровые виды доказательств. Например, в статье X пунктах а), б) и с) правила 1001 Федеральных правил доказывания США говорится о письменных доказательствах (письменных текстах, записях и фотографиях) как состоящих из букв, слов, цифр или их эквивалентов, записанных *любым* способом. В пункте д) этого правила доказывания говорится об оригинале письменной информации, хранящейся в электронном виде¹. [12, с. 678], [13, с. 279], [14, с. 603].

Представляется, что цифровые доказательства не относятся к письменным доказательствам, не могут включаться в норму-определение «Письменные доказательства». Они должны составлять самостоятельный вид судебных доказательств. [7, с. 202].

Доказательственные действия с письменными доказательствами

На письменные доказательства в гражданском процессе распространяются общие правила доказывания, установ-

¹ LII. Federal Rules of Evidence USA. Available at: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_1001 (accessed 5 October 2024).

ленные для всего процесса доказывания в суде (напр., ст. 55, 56 и др.) и отдельные нормы, регулирующие пользование ими в гражданском деле (напр., статьи 71–72 ГПК РФ).

Письменные доказательства представляются суду лицами, участвующими в деле для исследования содержания такого доказательства в судебном заседании.

В России, несмотря на отказ от теории формальных доказательств, в законе действуют правила о «лучшем» и «худшем» письменном доказательстве. ГПК РФ требует представления в суд подлинника или его надлежащим образом заверенной копии (ч. 2 – ч. 3 ст. 71 ГПК РФ). Если судебный факт можно доказать письменным документом, то применяется это правило доказывания.

Как верно заметил китайский правовед-процессуалист Хуан Сян, «...современный институт судебных доказательств в гражданском процессе и понятийный аппарат имеют много общих характеристик» [9, с. 14].

Аналогичные правила доказывания действуют и в других государствах мира. Например, ст. 68 Гражданского процессуального кодекса Китайской Народной Республики 1991 г. в редакции 2017 г. определяет: «Письменные доказательства должны представляться в подлиннике. ...В случае, если представление подлинников и оригиналов затруднено, могут представляться дубликаты, фотографии, копии, выписки»¹.

Правило 1002 Федеральных правил доказывания США гласит: «...Для подтверждения содержанием документа требуется оригинал документа, запись или фотография, если только эти правила или федеральный закон не предусматривают иное»².

Письменные доказательства исследуются субъектами доказывания в судебном заседании. Исследование пись-

¹ 中华人民共和国民事诉讼法 1991 (2017). URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/218/62/83/443.html> (дата обращения: 14.10.2024).

² LII. Federal Rules of Evidence USA. Available at: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_1002 (accessed 15 October 2024).

менных доказательств производится судом при участии всех лиц, участвующих в гражданском деле путем прочтения текста письменного доказательства.

Формирование письменных доказательств

Наши мысли излагаются письменно в виде текстовой и иной графической записи информации. Мысли в виде графической информации переносятся на различные материалы (напр., бумагу, пластмассу, ткань, железо или другие материалы. Передаваемая человеком информация излагается в виде читаемого текста, букв, символов, знаков и т. п.

П. П. Якимов отмечал, что: «...всякие письменные источники создаются, которые приходится использовать в процессе доказывания в суде или арбитраже, есть продукт интеллектуального труда целенаправленной деятельности труда человека, обусловленной всей системой общественных отношений. Образование письменных доказательств есть определенный процесс, включающий отдельные моменты, начиная с восприятия фактов и кончая воспроизведением сведений о них на различных предметах» [1, с. 11].

Возникновение письменных доказательств

Наиболее часто письменные доказательства создаются в процессе отображения письменной информации на материальных носителях для фиксации юридических фактов: состояний, действий или событий. Например, письменное оформление договора купли-продажи домовладения. Другой путь – это создание письменных доказательств специально для гражданского процесса. Например, написание претензии поставщику, поставившему продукцию ненадлежащего качества по договору поставки, составление протоколов письменных судебных заседаний, определений или решений суда.

Письменные доказательства передаются суду лицами, участвующими в деле, либо при невозможности такого получения, истребуются судом.

Сокращенное оглашение письменных материалов гражданского дела

Отдельно остановимся на исследовании письменных доказательств в судебном заседании. Правовым обычаем судебной практики ввиду существенного дефицита времени в гражданском процессе стало сокращенное оглашение письменных материалов гражданского дела судом. Суды первой и апелляционной инстанции при исследовании письменных доказательств ограничиваются прочтением названий документа и страницы расположения текста документа в материалах гражданского дела.

Суд не вправе лишить лиц, участвующих в деле, субъективного гражданского процессуального права на исследование письменных доказательств непосредственно в судебном заседании. Так сложилось в многолетней судебной практике, что лицам, участвующим в деле, судом до исследования письменных доказательств в материалах дела предлагается указать на необходимость полного прочтения и исследования определенного документа на определенной странице дела. Такой судебный обычай ускоряет исследование материалов дела судом, имеет достаточно длительную историю и подтвердил свою эффективность в повсеместной и ежедневной судебной практике. Изменение закона должно учитывать конституционное право на судебную защиту и его реальную реализацию в судебном процессе.

Реализуя задачу своевременного рассмотрения и разрешения гражданского дела (ст. 2 ГПК РФ), предлагается закрепить в ч. 2 ст. 181 ГПК РФ следующие изменения: «Суд вправе огласить название документов в материалах граж-

данского дела и страниц, на которых они расположены, при условии предупреждения лиц, участвующих в деле, и их представителей на их полное исследование по устному ходатайству. Такое ходатайство должно быть занесено в протокол судебного заседания. В принятии и удовлетворении такого ходатайства суд отказать не вправе».

Фиксация документа под определенным номером в материалах гражданского дела

Фиксация места документа в материалах гражданского дела является важной процессуальной гарантией права за защиту.

Практически повсеместно материалы судебных дел имеют нумерацию карандашом. У работников суда есть неограниченная возможность внесения изменений в нумерацию страниц гражданского дела, сделанную карандашом или стираемой пастой ручки. Это действительно удобно для работников аппарата суда, но является прямым нарушением права на судебную защиту, поскольку, позволяет легко изменять номер письменного документа добавляя, переставляя или исключая его по своему усмотрению. Доказать факт корректировки достаточно сложно.

Право аппарата суда на ведение материалов дела не должно нарушать прав иных участников гражданского процесса, любые изменения в нумерации материалов гражданского дела должны быть указаны в материалах самого дела, с указанием причин таких изменений.

Запрет на нумерацию карандашом в ГПК РФ отсутствует. Это ведет к правовой неопределенности, поскольку, участник гражданского процесса не может быть уверен, что письменное доказательство зафиксировано на определенной странице материалов гражданского дела.

В этой связи предлагается закрепить в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации указа-

ние на фиксацию письменного доказательства ручкой или в печатном виде и прямой запрет на изменение места доказательства без уважительных причин, указанных в материалах самого дела (например, в описи).

Виды письменных доказательств

Очевидно, что указанные в ч. 1 ст. 71 ГПК РФ письменные доказательства не одинаковы. Это и частные, и официальные, и судебные документы со статусом преюдициальности.

Положительно закрепить нормы-определения отдельных видов письменных доказательств в ГПК РФ, разработав в их отношении дополнительные правила доказывания.

Предложим собственные подходы. Как известно, в теории доказывания письменные доказательства по субъекту делятся на частные и официальные документы.

Частные документы – это сведения о судебных фактах, значимых для гражданского дела, выраженные в виде текстовой или иной графической записи, исходящие от частных лиц. Это – письма, расписки, заметки, чертежи, долговые бумаги с надписью частного лица.

Официальные (аутентичные) документы – это сведения о судебных фактах, значимых для гражданского дела, выраженные в виде текстовой или иной графической записи, исходящие от официальных лиц.

Официальные документы в мировой юридической практике принято называть аутентичными – это документы, составленные или удостоверенные компетентным должностным лицом с соблюдением необходимых формальностей (ст. 1317 Гражданского кодекса Франции) [2, с. 125].

Отличительной особенностью официальных документов является то, что они исходят от официальных лиц, представляющих государство или юридическое лицо, образованное в установленном законом порядке. К ним относятся различные акты, договоры, справки, деловая

корреспонденция, иные документы и материалы, например устав или приказы руководителя юридического лица.

Официальные документы могут быть разделены на государственные, исходящие от должностных лиц государства и документы от иных лиц (например, директоров Традиционным в теории доказывания является деление документов на распорядительные и осведомительные. В распорядительном документе должностное лицо фиксирует свое волевое решение, либо организационные вопросы деятельности органа или организации. Определенные судебные факты могут быть подтверждены только необходимыми официальными распорядительными документами. Например, заключение брака подтверждается исключительно свидетельством о заключении брака, выданном органами ЗАГСа, увольнение работника – приказом руководителя организации об увольнении, рождение ребенка – свидетельством о рождении, выпиской из органов ЗАГСа, указанием на ребенка в паспорте родителя.

Осведомительные (справочно-информационные) документы сообщают сведения читающему, побуждающие его принимать определенные решения. Основная функция осведомительного документа заключается в информировании читающего его лица, например инструкция по использованию бытового прибора.

Особенности преюдициальности документов

Подвидом государственных документов выступают документы судебные: приговоры, решения, определения суда, иные судебные постановления и протоколы совершения процессуальных действий, протоколы судебных заседаний. Отдельные судебные документы имеют статус преюдициальных – это действующие судебные постановления.

Судебные постановления со статусом преюдициальности – это сведения о судебных фактах, значимых для

гражданского дела, выраженные в виде текстовой или иной графической записи, содержащиеся во вступивших в законную силу судебных постановлениях (приговорах, решениях, определениях и иных постановлениях суда).

Судебные постановления, вступившие в законную силу, обладают статусом преюдициальности в гражданском процессе согласно правилам, установленным в ч. 2–4 ст. 61 ГПК РФ.

Особое значение для определения преюдициальности имеет деление письменных доказательств на простые и нотариально-удостоверенные документы.

Нотариально-удостоверенные документы – это сведения о судебных фактах, значимых для гражданского дела, выраженные в виде текстовой или иной графической записи, удостоверенные нотариусом путем совершения нотариального действия.

Письменный документ на бумажном носителе, удостоверенный нотариусом

Согласно требованиям к нотариально оформляемому документу, изложенным в ст. 45.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденном ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1, текст нотариально оформляемого документа на бумажном носителе, а также с помощью технических средств или написанный от руки должен быть легко читаемым.

Использование карандаша или легко удаляемых с бумажного носителя красителей, а также наличие подчисток или приписок, зачеркнутых слов и иных неоговоренных исправлений не допускается. В нотариально оформляемом документе на бумажном носителе, состоящем из нескольких листов, листы должны быть прошиты, пронумерованы и скреплены печатью нотариуса, если законодательством не установлен иной способ обеспечения целостности такого документа.

Нотариальный документ на бумажном носителе (удостоверяемая сделка (включая доверенность), а также свидетельство, протест векселя, исполнительная надпись, документ, обеспечивающий доказательства, документ, время предъявления которого удостоверено нотариусом) в целях обеспечения проверки его достоверности должен иметь машиночитаемую маркировку, содержащую информацию, предусмотренную ст. 5.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденном ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1.

Документ на цифровом носителе, удостоверенный нотариусом

Такой документ – это цифровое доказательство. Но, такое доказательство может иметь письменную форму.

Требования к формату нотариально оформляемого документа в цифровой форме устанавливаются федеральным органом юстиции совместно с Федеральной нотариальной палатой в приказе Минюста России от 30.09.2020 № 227 «Об утверждении требований к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме», вместе с «Требованиями к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме», утвержденные решением Правления ФНП от 16.09.2020 № 16/20, приказом Минюста России от 30.09.2020 № 227, зарегистрированном в Минюсте России 05.10.2020 № 60209.

В тексте нотариально оформляемого документа относящиеся к его содержанию суммы и сроки должны быть обозначены хотя бы один раз словами, в отношении юридического лица должны быть указаны его полное наименование, адрес, место нахождения и регистрационный номер (при наличии), в отношении гражданина – фамилия, имя и отчество (при наличии) полностью, а также место жительства (при наличии).

Требования к формату нотариально оформляемого документа в цифровой форме определяют формат нотариально удостоверенного, совершенного или выданного нотариусом, лицом, замещающим временно отсутствующего нотариуса, с использованием программно-технических средств документа в электронной форме, в том числе выписки из реестров единой информационной системы нотариата (ЕИС), постановления об отказе в совершении нотариального действия, постановления об отложении нотариального действия. Документ в электронной форме изготавливается нотариусом в формате PDF, за исключением случаев, описанных ниже.

В случае если на официальном сайте оператора ЕИС в информационно-телекоммуникационной сети Интернет размещена схема, подлежащая использованию для изготовления нотариусом документа в электронной форме в формате XML, документ в электронной форме изготавливается нотариусом в виде связанных между собой файлов в форматах XML и PDF. В случае изменения новая XML-схема размещается на официальном сайте оператора ЕИС за один месяц до ее введения.

Свидетельство о регистрации уведомления о залоге движимого имущества и выписка из реестра уведомлений о залоге движимого имущества изготавливаются нотариусом в виде XML-файла в соответствии с XML-схемой, размещенной на официальном сайте оператора ЕИС.

Для визуализации выданного нотариусом свидетельства о регистрации уведомления о залоге движимого имущества и выписки из реестра уведомлений о залоге движимого имущества в печатном виде и проверки электронной подписи может быть использован общедоступный сервис, размещенный по адресу: www.notariat.ru, указанному на официальном сайте оператора ЕИС.

Цифровой образ документа на бумажном носителе формируется в виде одного файла изображения в формате PDF. Сканирование нотариально оформленного документа должно производиться с разрешением 300 dpi (точек на дюйм) в оттенках серого, глубина цвета 8 бит на пиксель.

Если документ в электронной форме требуется для представления в орган государственной власти или во внебюджетные фонды, нотариус изготавливает документ в электронной форме с учетом требований Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 и других законодательных актов Российской Федерации, устанавливающих требования к формату такого документа.

Документ в цифровой форме подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса в формате PKCS#7 (отделенная электронная подпись в кодировке DER). В случае если электронный документ изготавливается нотариусом в виде связанных между собой файлов в форматах PDF и XML, усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса подписывается пакет, состоящий из этих файлов. При этом каждый из файлов, входящих в этот пакет, считается подписанным усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса.

Нотариально-удостоверенные документы обладают статусом преюдициальности в гражданском процессе согласно ч. 5 ст. 61 ГПК РФ. Условие преюдициальности установлено в законе: подлинность нотариально оформленного документа не должна быть опровергнута в порядке, установленном ст. 186 ГПК РФ, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ).

К нотариально-удостоверенным документам относятся различные свидетельства, удостоверяемые сделки,

протоколы осмотра, удостоверительные и исполнительные надписи и т. п.

Предполагаются различные подходы суда в судебном заседании к исследованию официальных и частных документов. Оцениваются письменные доказательства по общим правилам оценки, установленным для всех судебных доказательств: относимость, допустимость, достоверность, достаточность и взаимная связь доказательств.

Исследование и оценка частных документов предполагают констатацию судом, а также волеизъявления их составителя.

Исследование и оценка официального документа основаны в том числе на проверке допустимости, состоящей в оценке полномочий на составление и подписание официального документа должностным лицом органа (юридического лица), соблюдение порядка его составления, сроков выдачи и проверки достоверности указанных сведений.

Исключительная преюдициальность судебных постановлений и нотариально-удостоверенных документов

Исследование действующих судебных постановлений и нотариально-удостоверенных документов ввиду их особого правового статуса имеет существенные особенности в гражданском процессе и освобождает сторону от бремени доказывания изложенных в них фактов на основе преюдициальной силы документа при условии соблюдения правил, указанных в ч. 2–5 ст. 61 ГПК РФ.

Все другие официальные документы, не указанные в ст. 61 ГПК РФ, преюдициальной силой не обладают. В отдельных случаях тот факт, что документ исходит от официального представителя исполнительной власти Российской Федерации вводит суды в заблуждение и в итоге

приводит к ошибочному приданию официальному документу особой преюдициальной силы.

Видимо такому подходу к официальным документам способствует и позиция, сложившаяся в теории и практике судебного доказывания. Например, В. И. Коломыцев считал, что «...нельзя одинаково относиться к документам официальным и частным, так как официальный документ обычно обладает большей степенью достоверности и часто является вполне достаточным доказательством, не нуждающимся в подкреплении другими доказательствами» [1, с. 16].

В Обзоре судебной практики Судебной коллегии по гражданским делам обращается внимание на ситуацию, в которой судам при рассмотрении гражданского иска следует тщательно выполнять требования ст. 67 и 198 ГПК РФ и исследовать все имеющиеся в деле доказательства, устанавливать все судебные факты¹.

В силу принципа разделения властей суды не вправе наделять преюдициальной силой официальные документы государственных министерств и ведомств Российской Федерации. Так, Верховный суд Российской Федерации на примере гражданского дела, возникшего из причинения вреда, показывает судам, что правило «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы» относится и к письменным актам государственных органов, не наделенным преюдициальной силой.

В приведенном из практики Верховного суда Российской Федерации примере Определения № 16-КГ23-11-К4, все нижестоящие суды при рассмотрении иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, согласно произведенным гражданским процессуаль-

¹ Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2024), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024; определение ВС РФ № 16-КГ23-11-К4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsr.f.ru/documents/practice/33619/?ysclid=m1evlg9bzw552464803> (дата обращения: 23.09.2024).

ным действиям по исследованию и оценке письменного доказательства и принятым решениям незаконно исходили из «преюдициальности» постановления должностного лица территориального органа МВД России об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности.

Суд обязан всесторонне и полно исследовать доказательства по делу и дать им надлежащую оценку. Суды в приведенном примере не устанавливали все элементы состава гражданского правонарушения. Вместо этого суды первой инстанции, апелляции и кассации фактически использовали «преюдицию» данного официального документа. Официальные акты МВД хотя и выносятся должностным лицом государственного органа Российской Федерации, но преюдициально силы в гражданском деле не имеют. Круг исчерпывающих оснований для освобождения от доказывания указан в ст. 61 ГПК РФ.

Согласно правовой позиции, отраженной в Определении Конституционного суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 1823-О, судам необходимо учитывать, что постановление о прекращении уголовного дела является письменным доказательством (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ) и подлежит оценке наряду с другими доказательствами (ст. 67 ГПК РФ). Как представляется, суды совершили ошибку и при исследовании данного документа, не рассматривая его в качестве обычного письменного доказательства.

Не учитывались судами в данном гражданском деле и иные судебные факты и доказательства, их взаимосвязь с официальным документом МВД. Как верно отметил Верховный суд Российской Федерации в рассмотренном примере, судом не учитывалось, что договор займа и договор о долевом участии в строительстве жилого дома заключались с обществом, а не с Л. как физическим лицом.

Заключение

Рассмотренный пример показывает, что в практике существует серьезная проблема определения преюдициальности письменных доказательств. Во избежание подобных ошибок в будущем, требуется более четко прописать в законе виды документов, обладающих преюдициальной силой и освобождающих сторону от доказывания. Сделать это предлагается не только в ст. 61 ГПК РФ, но и нормах ст. 71 ГПК РФ «Письменные доказательства».

Предлагается дополнить ч. 6 ст. 71 ГПК РФ следующими правоположениями отсылочной нормы: «Судебные постановления, вступившие в законную силу, и нотариальные документы в соответствии с правилами ч. 2–5 ст. 61 ГПК РФ обладают преюдициальной силой». Это позволит судам первой, апелляционной и кассационной инстанции избежать подобных существенных судебных ошибок в будущем.

Список литературы

1. Афанасьев С. Ф. Гражданское процессуальное право России в 2 т. Том 1: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 444 с.
2. Беспалов Ю. Ф., Касаткина А. Ю. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (Постатейный). – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Проспект. – 2025. – 912 с.
3. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2013. – 611 с.
4. Коломыцев В. И. Письменные доказательства по гражданским делам. – М.: Юрид. лит-ра, 1978. – 103 с.
5. Медведев И. Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции. – СПб.: ЮЦ Пресс, 2004. – 405 с.
6. Новицкий В. А. Судебное доказывание по гражданским и арбитражным делам. Эл. изд. – СПб.: Изд. СПбУТУиЭ, 2021. – 210 с.
7. Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю. Гражданский процесс: учебник. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023.
8. Рябинин Д. Доказательства в судебном процессе; г. Хабаровск и Хабаровский край. – 2024. URL: <https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-06-21-06-21/dokazatelstva-v-sudebnom-protsesse/?ysclid=m3us2llro3529821779> (дата обращения: 2.10.2024).

9. Сян Х. Судебные доказательства в гражданском процессе (опыт сравнительного правоведения на примере России и Китая). – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008. – 34 с.

10. Худина, А. О., Ягунова Е. Е. Понятие письменных доказательств в гражданском процессе // Молодой ученый. – 2024. – № 35 (534). – С. 121–124.

11. Якимов Н. Н. Письменные доказательства в практике арбитража. – М.: Госюриздат, 1959. – 187 с.

12. Glover R., Murphy P. Thirteenth Edition. – 2013. – P. 678–694.

13. Keane A., McKeown P. Documentary evidence. The Modern Law of Evidence. Eleventh Edition. – Oxford: Oxford University Press. – 2016. – P. 279–290.

14. Murphy P. "Documentary Evidence". Murphy on Evidence. Tenth Edition. – Oxford: Oxford University Press. – 2008. – Chapter 19, Section A. – P. 602–619.

References

1. Afanas'ev, S. F. (2019) (ed.) *Grazhdanskoe processual'noe pravo Rossii v 2 t. Tom 1: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury* [Civil procedural law of Russia in 2 vols. Volume 1: Textbook for undergraduate and graduate studies]. 2nd ed. Moscow: YUrajt. (In Russian).

2. Bespalov, YU. F., Kasatkina, A. YU. (2025) *Kommentarij k Grazhdanskomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (Postatejnyj)* [Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-article)]. 4th ed. Moscow: Prospekt. (In Russian).

3. Bonner, A. T. (2013) *Tradicionnye i netradicionnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom processe* [Traditional and non-traditional means of proof in civil and arbitration proceedings]. Moscow. (In Russian).

4. Kolomycev, V. I. (1978) *Pis'mennye dokazatel'stva po grazhdanskim delam* [Written evidence in civil cases] Moscow: YUridicheskaya literatura. (In Russian).

5. Medvedev, I. G. (2004) *Pis'mennye dokazatel'stva v chastnom prave Rossii i Francii* [Written evidence in private law of Russia and France]. Saint Petersburg: YUC Press. (In Russian).

6. Novickij, V. A. (2021) *Sudebnoe dokazyvanie po grazhdanskim i arbitrazhnym delam* [Judicial evidence in civil and arbitration cases]. El. izd. Saint Petersburg.: Izd. SPbUTiE. (In Russian).

7. Novickij, V. A., Novickaya, L. YU. (2023) *Grazhdanskij process: uchebnik* [Civil procedure: textbook]. Sankt-Peterburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russian).

8. Ryabinin, D. (2024) *Dokazatel'stva v sudebnom processe* [Speaker in court]. Available at: <https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-06-21-06-21/dokazatel'stva-v-sudebnom-protssesse/?ysclid=m3us2llro3529821779> (accessed 2 October 2024). (In Russian).

9. Syan, H. (2008) *Sudebnye dokazatel'stva v grazhdanskom processe (opyt sravnitel'nogo pravovedeniya na primere Rossii i Kitaya)* [Litigation in a civil court (government experience on the example of Russia and China)]. Moscow: Moscow State University. (In Russian).

10. Hudina, A. O., YAGunova, E. E. (2024) *Ponyatie pis'mennykh dokazatel'stv v grazhdanskom processe* [The concept of written evidence in civil proceedings]. *Molodoj uchenyj – Young Scientist*. No. 35 (534). Pp. 121–124. (In Russian).

11. YAkimov, N. N. (1959) *Pis'mennye dokazatel'stva v praktike arbitrazha* [Written evidence in arbitration practice] Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).

12. Glover, R., Murphy, P. (2013) Thirteenth Edition. Pp. 678–694.

13. Keane, A., McKeown, P. (2016) Documentary evidence. The Modern Law of Evidence. Eleventh Edition. Oxford: Oxford University Press. Pp. 279–290.

14. Murphy, P. (2008) "Documentary Evidence". Murphy on Evidence. Tenth Edition. Oxford: Oxford University Press. Chapter 19, Section A. Pp. 602–619.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Новицкий Виталий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий, управления и права, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-8683-3178, e-mail: 78jurist@gmail.com

Новицкая Лада Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-1044-8380, e-mail: infolady1@gmail.com

About the authors

Vitaly A. Novitsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg University of Technology, Management and Law, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-8683-3178, e-mail: 78jurist@gmail.com

Lada U. Novitsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-1044-8380, e-mail: infolady1@gmail.com

*Поступила в редакцию: 10.10.2024
Принята к публикации: 28.11.2024
Опубликована: 24.12.2024*

*Received: 10 October 2024
Accepted: 28 November 2024
Published: 24 December 2024*

Проблемные аспекты правового института привлечения лица в качестве обвиняемого

Д. Р. Внукова¹, О. Р. Шепелёва²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются проблемные аспекты, возникающие в процессе привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве России.

Затрагиваются правовые моменты, связанные с трансформацией данного статуса, в зависимости от стадии уголовного процесса. Проведен анализ вопросов правоприменения, связанных с дополнением и изменением обвинения. Рассмотрены проблемы законодательства и предложены пути решения предъявления обвинения, в свете прав и свобод, гарантированных обвиняемому.

Ключевые слова: обвиняемый, предварительное следствие, дознание, уголовное дело, уголовное преследование, статус, суд, следователь, дознаватель, подсудимый.

Для цитирования: Внукова Д. Р., Шепелёва О. Р. Проблемные аспекты правового института привлечения лица в качестве обвиняемого // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 170–183. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_170. EDN: EMGVUT

Problematic Aspects of the Legal Institution of Bringing a Person as an Accused

Diana R. Vnukova¹, Olga R. Shepeleva²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the problematic aspects that arise in the process of bringing a person as an accused in the criminal proceedings of Russia.

The issues related to the transformation of this status are discussed, depending on the stage of the criminal process. The analysis of the problems of law enforcement related to the addition and modification of charges is carried out. The problems of legislation are considered and ways of solving the indictment are proposed, in the light of the rights and freedoms guaranteed to the accused.

Key words: accused, preliminary investigation, inquiry, criminal case, criminal prosecution, status, court, investigator, inquirer, defendant.

For citation: Vnukova, D. R., Shepeleva, O. R. (2024) Problemnye aspekty pravovogo instituta privilecheniya litsa v kachestve obvinyaemogo [Problematic Aspects of the Legal Institution of Bringing a Person as an Accused]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 4 (78). Pp. 170–183. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_4_170. EDN: EMGVUT

Введение

Обеспечение прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, вне зависимости от их процессуального статуса является одной из важнейших задач, стоящих перед органами, осуществляющими уголовное судопроизводство и перед самим уголовным процессом.

Так, ст. 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства провозглашает не только защиту лиц и организаций, потерпевших от преступления, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения. Учитывая, что права человека и гражданина являются высшей ценностью государства, а их обеспечение и защита поставлены в качестве приоритетов развития общества, институт привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве приобретает важное значение и требует дополнительного исследования.

Более детально гарантировать процессуальный статус такого участника уголовного судопроизводства, как обвиняемый помогают принципы уголовного процесса. Каждый из них регулирует одну из сторон уголовного судопроизводства, но в своей совокупности они призваны обеспечить всю полноту правового положения лица, вовлеченного в орбиту уголовного процесса.

Дискуссионность статуса обвиняемого в российском уголовно-процессуальном законодательстве

Обвиняемый – это ключевая фигура уголовного процесса, появление которой знаменует переход производства по уголовному делу в иную плоскость. С появлением обвиняемого уголовное преследование перестает осуществляться в отношении неопределенного круга лиц и переходит к уголовному преследованию конкретного лица – обвиняемого.

Особенности процедуры приобретения статуса обвиняемого напрямую зависят от формы расследования престу-

пления. Так, в рамках предварительного следствия процесс привлечения лица в качестве обвиняемого в значительной степени отличается от расследования в форме дознания, будь то общая или его сокращенная форма [1, с. 55].

Выделяя обвиняемого в качестве центрального участника уголовного процесса, отметим, что такое особое его положение обусловлено прежде всего тем, что данный участник уголовного судопроизводства в будущем, возможно, будет являться субъектом уголовной ответственности. При этом показания обвиняемого представляют новый, самостоятельный вид доказательств, являющийся одновременно и средством защиты от обвинения [2, с. 217]. Сам же процессуальный статус обвиняемого ни в коем случае не следует путать с виновным, это является грубейшей юридической ошибкой. Исходя из анализа и толкования принципа презумпции невиновности, процессуальный статус обвиняемого придается лицу в целях конкретизации уголовного преследования рамками конкретного лица, определения его прав, обязанностей, необходимых для более полного обеспечения лицу права на защиту от обвинения [3, с. 11].

Лицо приобретает статус обвиняемого, в том числе и для защиты от предъявленного ему обвинения, а также в целях обеспечения своих законных интересов. Данные выводы могут привести к определенным противоречиям в понимании самого института обвиняемого в уголовном судопроизводстве [7, с. 108].

Во-первых, защита прав и законных интересов обвиняемого происходит не только имеющимися у него уголовно-процессуальными инструментами, но и по факту надлежащего осуществления своих полномочий остальными участниками уголовного процесса [6, с. 86].

Во-вторых, защита прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве осуществляется не только посредством выполнения им каких-либо активных действий, но и через исполне-

ние им возложенных на него процессуальных обязанностей, процессуальных функций [4, с. 63]. Данные постулаты характерны для всего уголовного процесса, так как сам УПК РФ относит обвиняемого напрямую к стороне защиты [13, с. 95].

Так, Т. Е. Куликова, высказываясь о соотношении обвиняемого и государства в лице органов уголовного преследования, ставит их на противоположные стороны, указывая, что они являются противниками [5, с. 39]. Таким образом, обвиняемому, как участнику уголовного процесса в силу особенностей его статуса предоставлен ряд юридических преимуществ, главным из которых, на наш взгляд, является предусмотренная ст. 14 УПК РФ презумпция невиновности [12, с. 135].

Считаем данное утверждение неверным по ряду причин. Во-первых, хоть законодатель и относит следователя и дознавателя к стороне обвинения, а обвиняемого к стороне защиты, это вовсе не значит, что их интересы абсолютно противоположны. Задача лица, производящего расследование, не привлечь к уголовной ответственности, а установить истину по уголовному делу. Наличие обвиняемого является одним из элементов установления такой истины. К таковым, к примеру, закон относит примирение с потерпевшим [8, с. 226].

Во-вторых, наличие или отсутствие «преимуществ» носит формальный и сугубо субъективный характер, так как это обусловлено рядом факторов. Так, несмотря на то что согласно ст. 14 УПК РФ бремя доказывания лежит на следователе или дознавателе, а обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, сам обвиняемый лишен в полной мере на стадии предварительного расследования полномочий по собиранию каких-либо доказательств. Все, что он предоставит следователю, будет им оценено и в случае соблюдения критериев, предъявляемых к доказательствам, приобщено к материалам уголовного дела [9, с. 232].

Таким образом, несмотря на различие имеющихся у стороны защиты и стороны обвинения процессуальных полномочий, в своей совокупности они уравновешены соответствующими процессуальными обязанностями [18, с. 196].

Говоря о толковании понятия «обвиняемый», уголовно-процессуальный закон определяет его достаточно узко. Исходя из международных норм, фигура обвиняемого должна пониматься несколько шире. Так, Европейская конвенция по правам человека в ст. 6 устанавливает основные права обвиняемого, косвенно расширяя его понятие [11, с. 167].

Права и обязанности обвиняемого

Как уже отмечалось ранее, права обвиняемого в основном представлены в ч. 4 ст. 47 УПК РФ, где основным является право знать, в чем он обвиняется. Это ключевое право любого обвиняемого, гарантированное ему не только российским законодательством, но и отдельными нормами международных конвенций и договоров. При этом соблюдение гарантированных прав обвиняемого – одна из проблем правоприменительной практики. Эти нарушения не являются следствием специальных осознанных действий со стороны сотрудников полиции или следственных органов, а зачастую носят системный характер, связанный с проблемой общего характера, выраженной в неверном понимании основ института обвиняемого в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство содержит в себе достаточно полный список норм, регулирующих права обвиняемого, и гарантий, дающих возможность реализации этих прав [14, с. 80].

Начиная с момента активных действий в отношении конкретного лица, закон устанавливает процессуальные гарантии в виде ограничительных процессуальных сроков. Также в качестве гарантии выступает обязанность предоставления срока на изучение обвинительного заключения обвиняе-

мым. Как нам видится, данный срок установлен законодателем для того, чтобы дать возможность обвиняемому и его защитнику ознакомиться со всеми собранными доказательствами, продумать свою линию защиты в суде и подготовиться к процессу судебного разбирательства [15, с. 160].

Также, обвиняемый вправе возражать против предъявленного ему обвинения. Это возражение может выражаться в активной или пассивной форме. Говоря о пассивной форме, возражение просто сводится к неприятию обвинения, несогласию с ним, выраженному в ответе на соответствующий вопрос при его предъявлении, а также отказу от дачи показаний. Причем защитники зачастую предлагают своим доверителям в лице обвиняемых отказаться от дачи показаний в силу положений ст. 51 Конституции РФ, что является в корне неверным. Исходя из указанного положения ст. 51 Конституции РФ, любое лицо может не свидетельствовать против себя или своих близких. Отказываясь от дачи показаний на основании указанной нормы, обвиняемый как бы соглашается с предъявленным обвинением, но в силу нежелания усугубить свою вину отказывается давать показания. Думается, что более верно использовать именно положение п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, дающее право обвиняемому давать показания, которым он может пользоваться по своему усмотрению [16, с. 82].

Показания не являются единственным способом представления доказательств обвиняемым. Он в соответствии с п. 4, 5 ч. 4 УПК РФ вправе представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы. При этом, если по результатам заявленных ходатайств и отводов, носящих общий характер, следователем в силу ст. 119–122 УПК РФ может быть принято решение об оставлении ходатайства или отвода без удовлетворения, то в случае заявления обвиняемым ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела доказательств, оно подлежит обязательному удовлетворению [17, с. 268].

В отличие от других участников уголовного процесса у обвиняемого есть специфическое право, закрепленное в п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Оно дает ему возможность строить свою защиту с помощью таких средств и методов, которые напрямую не закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве. К ним следует, на наш взгляд, отнести возможность обращения в средства массовой информации, в иные правозащитные организации, международные суды и т. д. [20, с. 166].

Наряду с правами любой процессуальный статус подразумевает и наличие определенных обязанностей. Однако, как ни парадоксально, положения ст. 47 УПК РФ обязанностей обвиняемого не прописывают. Вместе с тем такие обязанности у обвиняемого есть, но они предусмотрены иными нормами уголовно-процессуального законодательства и буквально «разбросаны» по всему УПК РФ [19, с. 201].

Полагаем, что, определяя обвиняемого в качестве юридического термина, следует рассматривать этот вопрос исходя из смысла самого понятия, а не наличия или отсутствия формальных критериев вынесения определенных решений по уголовному делу. Иными словами, в логическом понимании обвиняемый это не столько то лицо, которому предъявлено обвинение, сколько любое лицо, в отношении которого применяются меры по доказыванию подозрения в совершении преступления, влекущие при этом значимые для лица последствия. Отсюда следует, что реализация обвиняемым права на защиту является одним из его основных прав и оно должно быть обеспечено лицу не только исходя из его процессуального, но и фактического статуса [10, с. 193].

Заключение

Институт привлечения лица в качестве обвиняемого занимает особенное место в «скелете» предварительного

расследования. В практической деятельности следователя нередко поднимаются процессуальные вопросы по привлечению лица в качестве обвиняемого. Также следует учесть, что понятие «уголовное преследование» шире, чем «привлечение в качестве обвиняемого», поскольку уголовное преследование – это деятельность, которая осуществляется стороной обвинения с целью изобличения обвиняемого в совершении преступления. А привлечение в качестве обвиняемого – это одно из направлений деятельности компетентных органов, осуществляемой в рамках уголовного преследования.

Помимо узкой интерпретации в уголовно-процессуальной теории нужно выделять и широкое понимание понятия «обвиняемый». Так, согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, либо обвинительное постановление или обвинительный акт. В широком же смысле обвиняемым является не только тот, кому предъявляются обвинения, но и тот, к которому применяются иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут правовые последствия.

Что касается прав и обязанностей обвиняемого, то здесь можно выделить ряд особенностей, касающихся и их применения и реализации. И этот элемент, определяющий правовое положение обвиняемого, является наиболее актуальным в современной юридической науке и практике, так как зачастую нарушаются его законные права и интересы.

Так, следует иметь в виду, что обвиняемый наделен достаточно широким кругом прав в отличие от других участников уголовного судопроизводства. Права обвиняемого реализуют такие принципы уголовного судопроизводства, как свобода получения защиты, недопущение свидетельствования против самого себя и своих близких, свободное ознаком-

ление с материалами уголовного дела и др. Гарантией же прав обвиняемого выступают не только строго установленные законы РФ, но и международные нормы права.

Огромное значение института привлечения лица в качестве обвиняемого зависит от выполнения своих действий следователем: это касается и порядка предъявления обвинения, и порядка проведения допроса, и, соответственно, обозначения для обвиняемого его прав.

Таким образом, лицам, осуществляющим предварительное расследование, следует четко понимать структуру привлечения в качестве обвиняемого и учитывать все проблемные вопросы, поднимающиеся в этой связи, принимать решение о вынесении соответствующего документа строго при наличии достаточных доказательств. Причем достаточность доказательств должна оцениваться следователем объективно. Разумные сроки должны быть неукоснительно соблюдены, при этом последующие процессуальные действия (допрос обвиняемого, предъявление обвинения) должны быть выполнены в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

При вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого не следует использовать неточные формулировки. Термины и выражения, используемые в данном процессуальном документе, должны быть разъяснены, а текст обвинения должен содержать только описание тех обстоятельств, которые имеют отношение к конкретному уголовному делу.

Проведение допроса особенно следует выделить из ряда вышеизложенного в институте привлечения лица в качестве обвиняемого, так как конкретно в ходе допроса следователь, умело используя психологические и иные приемы и методы, может выяснить отношение обвиняемого к совершенному деянию, может более точно обозначить обстоятельства совершенного деяния. В ре-

зультате проведенного следственного действия обвиняемый может признаться в совершенном деянии, либо всячески поспособствовать раскрытию преступления.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве прослеживается ряд несоответствий, которые в дальнейшем приводят к различным проблемным вопросам в практической деятельности. В последующем необдуманное соотношение некоторых уголовно-процессуальных норм может привести к нарушению прав и законных интересов обвиняемого.

Принятие мер по устранению пробелов в данной области поспособствует точному и однообразному применению уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а следовательно, и упорядочению вынесения законных и обоснованных решений о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Список литературы

1. Багаутдинов Ф. Н. Защита прав подозреваемого, обвиняемого или злоупотребление правом? // Законность. – 2024. – № 1 (1071). – С. 54–56.
2. Басакина А. А. Проблемы ограничения времени ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника // Молодой ученый. – 2023. – № 51 (498). – С. 217–218.
3. Басова Л. А. К вопросу обоснованности постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого // Актуальные вопросы образования и науки: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 11–12.
4. Даровских О. И. Реализация обвиняемым права на защиту и злоупотребление правами на стадии предварительного расследования // Закон. – 2024. – № 4. – С. 61–70.
5. Костанов Ю. А. Как защитить право обвиняемого знать, в чем он обвиняется // Уголовный процесс. – 2012. – № 7 (91). – С. 38–45.
6. Костенко Р. В. Показания обвиняемого в уголовном процессе: понятие и соотношение с объяснениями обвиняемого // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6 (23). – С. 85–92.
7. Куликова Т. Е. Реализация права на защиту подозреваемыми и обвиняемыми // Первые полицейские чтения, посвященные 15-летию Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя: сборник статей. – М.: МосУ МВД России, 2017. – С. 108–109.
8. Лифанова М. В. О мотивации ложных показаний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 8 (135). – С. 225–227.

9. Насонова И. А. Защита законных интересов обвиняемого как одна из проблем взаимоотношений защитника и обвиняемого // Идеиные и нравственные начала уголовного процесса: материалы международной научно-практической конференции. – 2009. – С. 230–237.

10. Макаревич А. И. Право обвиняемого на защиту как основа уголовно-процессуального статуса обвиняемого. Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 440. – С. 190–195.

11. Павлик М. Ю., Токарева Е. В., Шепелева О. Р. Сущность ограничений и запретов, налагаемых на обвиняемого, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 1 (59). – С. 161–169.

12. Петухова Ж. П. Актуальные проблемы ознакомления обвиняемого (обвиняемых) и его (их) защитника (защитников) с материалами уголовного дела // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 3 (6). – С. 135–139.

13. Поляков М. П. О защите обвиняемого и «защите от обвиняемого» // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 95.

14. Ротнова И. Б. Некоторые проблемы института изменения обвинения в уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 9 – С. 79–86.

15. Саюшкина Е. В., Калюжина В. М. Нужен ли уголовного российскому процессу институт привлечения в качестве обвиняемого? // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 8 (188). – С. 156–160.

16. Селина Е. В. Обвиняемый как преступник и преступник как обвиняемый // Современное право. – 2016. – № 16. – С. 81–83.

17. Токарева Е. В., Тришкина Е. А. К вопросу состоятельности сторон в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы современной науки: сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 268–270.

18. Трифонова К. А. Досудебное производство по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого или обвиняемого // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 3 (58). – С. 195–203.

19. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э. К. Кутуева. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 529 с.

20. Устинов Д. С. Механизм взаимоотношений обвиняемого с защитником и его воздействие на уголовно-процессуальное поведение обвиняемого // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 1. – С. 163–169.

References

1. Bagautdinov, F. N. (2024) Zashchita prav podozrevayemogo, obvinayemogo ili zloupotrebleniye pravom? [Protection of the rights of a suspect, accused or abuse of law?]. *Zakonnost' – Legality*. No. 1 (1071). Pp. 54–56. (In Russian).

2. Basakina, A. A. (2023) Problemy ogranicheniya vremeni oznakomleniya s materialami ugovolnogo dela obvinayemogo i yego zashchitnika [Problems of limiting the time for familiarization with the materials of the criminal case of the accused and his defender]. *Molodj uchenyj – A young scientist*. No. 51 (498). Pp. 217–218. (In Russian).

3. Basova, L. A. (2018) K voprosu obosnovannosti postanovleniya o privlechenii litsa v kachestve obvinayemogo [On the issue of the validity of the decision to involve a person as an accused]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki* [Current issues of education and science]. Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference. Pp. 11–12. (In Russian).

4. Darovskikh, O. I. (2024) Realizatsiya obvinayemykh prava na zashchitu i zloupotrebleniye pravami na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Realization by the

accused of the right to defense and abuse of rights at the stage of preliminary investigation]. *Zakon – Law*. No. 4. Pp. 61–70. (In Russian).

5. Kostanov, Yu. A. (2012) Kak zashchitit' pravo obvinyayemogo znat', v chem on obvinyayetsya [How to protect the right of the accused to know what he is accused of]. *Ugolovnyj process – Criminal proceedings*. No. 7 (91). Pp. 38–45. (In Russian).

6. Kostenko, R. V. (2015) Pokazaniya obvinyayemogo v ugolovnom protsesse: ponyatiye i sootnosheniye s ob'yasneniyami obvinyayemogo [Testimony of the accused in the criminal process: the concept and correlation with the explanations of the accused]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal – The criminologist's library. Scientific journal*. No. 6 (23). Pp. 85–92. (In Russian).

7. Kulikova, T. E. (2017) Realizatsiya prava na zashchitu podozrevayemyimi i obvinyayemyimi [Realization of the right to protection by suspects and accused]. *Pervye policejskie chteniya, posvyashchennye 15-letiyu Moskovskogo universiteta MVD Rossii im. V. Ya. Kikoty* [The first police readings dedicated to the 15th anniversary of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot]. Collection of articles. Moscow: MosU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Pp. 108–109. (In Russian).

8. Lifanova, M. V. (2019) O motivatsii lozhnykh pokazaniy nesovershennoletnikh podozrevayemykh, obvinyayemykh [On the motivation of false testimony of juvenile suspects, accused]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal – Eurasian Law Journal*. No. 8 (135). Pp. 225–227. (In Russian).

9. Nasonova, I. A. (2009) Zashchita zakonnykh interesov obvinyayemogo kak odna iz problem vzaimootnosheniy zashchitnika i obvinyayemogo [Protection of the legitimate interests of the accused as one of the problems of the relationship between the defender and the accused]. *Idejnye i npravstvennye nachala ugolovnogo procesa. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Ideological and moral principles of the criminal process]. Materials of the international scientific and practical conference. Pp. 230–237. (In Russian).

10. Makarevich, A. I. (2021) Pravo obvinyayemogo na zashchitu kak osnova ugolovno-protsessual'nogo statusa obvinyayemogo [The right of the accused to defense as the basis of the criminal procedural status of the accused]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie – Innovation. Science. Education*. No. 440. Pp. 190–195. (In Russian).

11. Pavlik, M. Yu., Tokareva, E. V., Shepeleva, O. R. (2020) Sushchnost' ogranicheniy i zapretov, nalagayemykh na obvinyayemogo, pri izbranii mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu [The essence of restrictions and prohibitions imposed on the accused when choosing a preventive measure in the form of detention]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (59). Pp. 161–169. (In Russian).

12. Petukhova, J. P. (2020) Aktual'nyye problemy oznakomleniya obvinyayemogo (obvinyayemykh) i yego (ikh) zashchitnika (zashchitnikov) s materialami ugolovno-go dela [Actual problems of familiarization of the accused (accused) and his (their) defender (defenders) with the materials of the criminal case]. *Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (6). Pp. 135–139. (In Russian).

13. Polyakov, M. P. (1998) O zashchite obvinyayemogo i «zashchite ot obvinyayemogo [On the protection of the accused and "protection from the accused"]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 4. P. 95. (In Russian).

14. Rotnova, I. B. (2017) Nekotoryye problemy instituta izmeneniya obvineniya v ugolovnom protsesse Rossii [Some problems of the institute of changing charges in the criminal process of Russia]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 9. Pp. 79–86. (In Russian).

15. Sayushkina, E. V., Kalyuzhina, V. M. (2020) Nuzhen li ugolovno-go rossijskomu protsessu institut privilecheniya v kachestve obvinyayemogo [Does the Russian criminal process need the institution of involvement as an accused?]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the State: theory and practice*. No. 8 (188). Pp. 156–160. (In Russian).

16. Selina, E. V. (2016) Obvinyayemyy kak prestupnik i prestupnik kak obvinyayemyy [The accused as a criminal and the criminal as an accused]. *Sovremennoe pravo – Modern law*. No. 16. Pp. 81–83. (In Russian).
17. Tokareva, E. V., Trishkina, E. A. (2015) K voprosu sostyazatel'nosti storon v ugovolnom sudoproizvodstve [On the issue of adversarial parties in criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki* [Actual problems of modern science]. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Pp. 268–270. (In Russian).
18. Trifonova, K. A. (2021) Dosudebnoye proizvodstvo po ugovolnomu delu v otnoshenii umershego podozrevayemogo ili obvinyayemogo [Pre-trial proceedings in a criminal case against a deceased suspect or accused]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii – Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (58). Pp. 195–203. (In Russian).
19. Kutuev, E. K. (2020) (ed.) *Ugolovno-protsessual'noye pravo (ugolovnyy protsess)* [Criminal procedure law (criminal procedure)]. Textbook for universities. Moscow-Berlin: Direct-Media. (In Russian).
20. Ustinov, D. S. (2019) Mekhanizm vzaimootnosheniy obvinyayemogo s zashchitnikom i yego vozdeystviye na ugovolno-protsessual'noye povedeniye obvinyayemogo [The mechanism of the relationship between the accused and the defender and its impact on the criminal procedural behavior of the accused]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process – Judicial power and criminal procedure*. No. 1. Pp. 163–169. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
60/40 %

Об авторах

Внукова Диана Рафиковна, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-5556-8373, e-mail: zadira_dz@mail.ru

Шепелёва Ольга Ринатовна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-4972-1527, e-mail: zaripova_or@mail.ru

About the authors

Diana R. Vnukova, Cand. Sci. (Law), St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-5556-8373, e-mail: zadira_dz@mail.ru

Olga R. Shepeleva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0004-4972-1527, e-mail: zaripova_or@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.09.2024
Принята к публикации: 04.11.2024
Опубликована: 24.12.2024

Received: 17 September 2024
Accepted: 04 November 2024
Published: 24 December 2024

Единая позиция защитника и подсудимого: понятие, способы предупреждения злоупотребления

О. А. Чабукиани,¹ О. Р. Шепелёва²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Одним из фундаментальных положений права на защиту является право на единую позицию с адвокатом-защитником. Качественная юридическая помощь должна исключать умышленное замалчивание о выявленных нарушениях либо упущениях органов предварительного расследования и суда, «альтернативную защиту» и игнорирование позиции доверителя, оставаясь лишь на позиции консультирования по возникающим у участника вопросам.

В статье проведен анализ судебной практики о признании судом несоответствия или несогласованности позиции адвоката с подсудимым существенным нарушением права на защиту. Результаты анализа показали, что иногда высказывание иной с доверителем позиции является злоупотреблением права, направленным на затягивание сроков вступления итогового решения суда в законную силу. Предложены некоторые пути решения по своевременному изобличению защитника.

Ключевые слова: право на единую позицию, право на защиту, злоупотребление правом, защитник, согласование, квалифицированная юридическая помощь.

Для цитирования: Чабукиани О. А., Шепелёва О. Р. Единая позиция защитника и подсудимого: понятие, способы предупреждения злоупотребления // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 184–203. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_184. EDN: HRWXGC

Common Position of the Defense Attorney and the Defendant: Concept, Ways to Prevent Abuse

Oksana A. Chabukiani¹, Olga R. Shepeleva²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

One of the fundamental provisions of the right to defense is the right to a common position with a defense lawyer. High-quality legal assistance should exclude deliberate silence about identified violations or omissions of the preliminary investigation bodies and the court, "alternative defense" and ignoring the position of the client, remaining only in the position of advising on issues that arise for the participant.

The authors conducted an analysis of judicial practice on the recognition by the court of inconsistency or inconsistency of the lawyer's position with the defendant as a significant violation of the right to defense. The results of the analysis showed that sometimes expressing a different position with the principal is an abuse of law aimed at delaying the entry into force of the final court decision. To exclude such abuse, the article suggests some solutions to timely expose the defender.

Key words: right to a single position, right to defense, abuse of rights, defender, coordination, qualified legal assistance.

For citation: Chabukiani, O. A., Shepeleva, O. R. (2024) Edinaya pozitsiya zashchitnika i podsudimogo: ponyatie, sposoby preduprezhdeniya zloupotrebleniya [Common Position of the Defense Attorney and the Defendant: Concept, Ways to Prevent Abuse]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (78). Pp. 184–203. DOI: 10.35231/18136230_2024_4_184. EDN: HRWXGC

Введение

Право на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК РФ), гарантированное ст. 48 Конституции Российской Федерации. Однако трактовка данного принципа не в полной мере определяет основные механизмы его реализации, не гарантирует фундаментальные положения института обеспечения права на защиту. В частности, не указана важность совпадения позиции адвоката и доверителя. Необходимость отсутствия разногласий в позициях между данными участниками установлена и законодательно закреплена¹. Так, если защитник оказывает юридическую помощь, то он не в праве занимать по делу позицию и действовать вопреки воле подзащитного².

Возникает вопрос: для обеспечения права на защиту нужно ли лицу, в производстве которого находится уголовное дело, устанавливать согласованность правовых позиций подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и защитника? Если да, то каким образом и в какой момент?

Теоретические аспекты важности единой позиции защитника с подзащитным и «подводные камни» и ее достижения

Анализ норм УПК РФ свидетельствует, что высказывание защитником «согласованной с подсудимым позиции по предъявленному обвинению...» требуется лишь в рамках судебного следствия при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 22.04.2024 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346> (дата обращения: 08.08.2024).

² Ст. 16, ч. 7 ст. 49 УПК РФ, п. 3, 6, ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 08.08.2024).

(ч. 3 ст. 335 УПК РФ). Такого высказывания ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе иных судебных разбирательств законодатель не требует. Таким образом, в соответствии с УПК РФ, за исключением производства с участием присяжных заседателей, не требуется от адвоката озвучивать согласованность своей позиции с доверителем, настаивать на дополнении следствия или дознания, а также на возобновлении судебного следствия при несогласии с позицией обвиняемого или подсудимого, а равно с позицией стороны обвинения либо иных участников стороны защиты. Даже в Кодексе профессиональной этики адвокатов (далее – КПЭА) обязанности по обжалованию назначенного более тяжкого наказания или наказания за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и(или) подзащитный, указаны в случае, если суд не разделит позицию адвоката-защитника и(или) подзащитного.

Таким образом, анализ действующего законодательства об адвокатской деятельности свидетельствует, что обсуждение и согласование позиции защитником с доверителем – это право, но не обязанность. Представители адвокатского сообщества такое положение объясняют тем, что позиция защиты формируется с момента участия адвоката в уголовном деле, вырабатывается и шлифуется на всем протяжении работы по данному делу и завершается к моменту последнего выступления в судебном разбирательстве (т. е. может быть высказана лишь в прениях сторон или реплике) [6, с. 109]. Это подтверждается и позицией Конституционного суда Российской Федерации, не исключающей получение адвокатских услуг «без видимой процессуальной активности стороны защиты, когда она готовится квалифицированно ответить на действия стороны обвинения... поскольку уголовное преследование протекает с долгими перерывами при

неясной позиции обвинения...»¹. Каких-либо уточнений по обязанности выяснять позицию адвоката и проверить согласованность ее с доверителем нет и в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации². Считаем, что такая подготовка к прениям возможна лишь в деятельности адвоката по соглашению, но процессуальная пассивность полностью должна быть исключена при участии в качестве защитника по назначению.

Правоприменение и наука уголовного процесса усматривают отсутствие механизма своевременного установления позиции защитника по уголовному делу причиной нарушения права на защиту. Ведь право на выбор адвоката и право на единую позицию – это фундаментальные положения, составляющие институт обеспечения названного принципа.

В юридической литературе мнения ученых об объеме вопросов, в рамках которых позиция двух рассматриваемых участников должна совпасть, а также должна ли позиция адвоката строиться на версии подзащитного, расходятся. Дискуссии ведутся на протяжении многих десятилетий. Представители первого направления настаивают, что позиция защитника должна строиться исключительно относительно предъявленного обвинения подзащитному (В. Л. Кудрявцев [10]). Представители второго направления считают, что позиция адвоката должна быть относительно всех обстоятельств дела, подлежащих доказыванию, и ответственности (А. А. Багрин [1]). Сторонники третьего направления трактуют позицию адвоката применительно к мнению участника по любому из процессуальных решений по уголовному делу

¹ По делу о проверке конституционности п. 4 ч. 1 ст. 135, ст. 401⁶ и п. 1 ч. 2 ст. 401¹⁰ УПК РФ в связи с жалобой гражданина А. П. Атрощенко: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 сентября 2021 г. Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision557338.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30.06.2015 г. № 29 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 18.08.2024).

(возбуждению уголовного дела, уведомлению о подозрении в совершении преступления, избранию меры пресечения либо иной меры уголовно-процессуального принуждения и т. д.) (А. И. Баянов [2], Ю. П. Гармаев [2], А. Д. Назаров [2]). Так как защитник оказывает юридическую помощь своему доверителю, то придерживаемся позиции представителей третьего направления. Позиция адвокатом должна быть высказана при каждом судебном заседании (в том числе при решении вопросов ограничения конституционных прав в ходе досудебного производства), на каждом следственном действии, путем формулирования замечаний или подачи жалоб непосредственно после ознакомления с протоколом. Наглядный пример о несовпадении позиции приведен в работе А. О. Машовец и Ю. А. Никифоровой, когда защитник вышел за рамки позиции обвиняемого и высказал в прениях просьбу о замене домашнего ареста на более мягкую меру пресечения в ситуации, когда обвиняемый выразил согласие с ходатайством следователя [13].

Наша позиция определяется тем, что при оказании юридической помощи адвокат всегда должен высказывать свое мнение по достаточности информации, полноте проведенного действия и обоснованности принимаемого решения должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, с тем, чтобы иметь возможность отстаивать позицию доверителя. Например, перед допросом у подозреваемого, обвиняемого есть достаточно времени, чтобы согласовать свою позицию с защитником. Поэтому после получения показаний адвокат обязан задать имеющиеся у него вопросы, если дознаватель, следователь или судья не выяснили обстоятельств, направленных на проверку обозначенной версии участника, незамедлительно констатировать допущенные при получении показаний нарушения, о чем сделать соответствующую запись в протоколе. В ином случае молчание

и отсутствие замечаний свидетельствует о согласии позиций стороны обвинения и защиты. Полагаем, что умалчивание имеющихся замечаний с последующим обжалованием через определенное время действий должностного лица при проведении такого допроса, заявление ходатайств о признании доказательства недопустимы тем же адвокатом, который непосредственно присутствовал при проведении следственного действия, должно признаваться ненадлежащим оказанием юридической помощи, в связи с самоустранением от таковой.

Согласны с мнением А. Г. Кучереной [1, с.1191], что выбор адвокатом той или иной позиции, линии своего поведения зависит от многих факторов, а не только от позиции доверителя. При этом защитник не должен ждать, когда полностью будут получены доказательства, и он ознакомится с материалами уголовного дела, либо услышит позиции сторон в ходе судебного заседания, а в рамках допустимых способов собирания необходимых документов и материалов обязан реализовать предусмотренные ст. 6 и 6¹ ФЗ «Об адвокатуре» и ч. 3 ст. 86 УПК РФ полномочия, а также не самоустраняться при производстве следственных и иных процессуальных действий. Качественное оказание юридической помощи должно исключать так называемую «альтернативную защиту», в рамках которой защитник предоставляет суду все доводы, в том числе и противоречащие позиции доверителя, которые, по его мнению, могут оказать положительное влияние на назначаемый вид и размер наказания [16, с. 94]. Озвучиваемая позиция адвоката должна быть четкой и исключающей двоякое толкование, уважительной и законной. Наше мнение основывается на понимании под «позицией адвоката-защитника» сформированное на основе предоставленных для ознакомления адвокату дознавателем, следователем, судом материалов уголовного дела, доверителем документов

и информации, а также собранных лично доказательств суждение, согласованное либо учитывающее версию защитного об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу и соблюдению общих начал назначения наказания, высказанное в рамках оказания юридической помощи подозреваемому, обвиняемому, подсудимому в целях защиты прав, свобод и интересов доверителя в установленном законом объеме.

Но даже при активной адвокатской деятельности по получению значимой для выстраивания позиции информации есть «подводные камни». Во-первых, в ходе досудебного производства адвокат имеет ограниченные возможности по доказыванию и поддержанию позиции доверителя, предоставляя дознавателю, следователю полученные материалы для приобщения к уголовному делу; ходатайствуя о проведении следственных действий. Однако в силу публичного характера уголовного судопроизводства и процессуальной независимости следователя в таких ходатайствах (либо о приобщении) властный субъект может отказать. Согласны с мнением Л. А. Воскобитовой, что защитник вправе собирать и предоставлять только иной документ, который может быть использован в процессуальном порядке [4, с. 11]. Добавим, что при этом адвокат должен руководствоваться презумпцией достоверности документов и информации, «предоставленных доверителем, и не проводить их дополнительной проверки» (п. 7 ст. 10 КПЭА). Во-вторых, если органы предварительного расследования, страшась, не сразу придают статус подозреваемого, то лицо, предполагаемое как совершившее преступление, допрашивается в качестве свидетеля, тем самым полномочия вызванного им адвоката существенно уменьшаются. На проблему различия правового статуса защитника и адвоката неоднократно указывали ученые и предлагали пути ее разрешения

в юридической литературе [18], тем самым стремясь обеспечить условия для качественного оказания юридической помощи участнику. Но на сегодняшний день ситуация по объему полномочий не изменилась.

Согласны с мнением С. А. Соловьева о том, что адвокат всегда должен помнить правило, предусмотренное п. 1 ст. 10 КПЭА [16, с. 5] – «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя». Поэтому никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные на несоблюдение или нарушение закона или правил, не могут быть исполнены или разделены адвокатом. Учитывая, что в исключительных случаях защитник может действовать вопреки воле доверителя (например, в результате убежденности адвоката в наличие самоговора) (п. 2 ч. 1 ст. 9 КПЭА), а также что доверитель может избрать позицию молчания [7], самоустранения (судебное разбирательство в отсутствие подсудимого), то позиция по объему обвинения иногда может не совпадать, либо возникают ситуации, при которых сложно проверить их согласованность. Ни возможные случаи выбора тактики защиты «без видимой процессуальной позиции», ни «замораживающий эффект»¹ в осуществлении права на защиту, не должны усиливать риски нарушения адвокатской этики. Если будет установлено, что адвокат занимает иную позицию, то доверитель должен иметь право ходатайствовать об отводе адвоката по аналогии действий в случае выяснения противоречий между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, подп. 2 п. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)².

¹ Мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности п. 7 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 165 и ч. 1 ст. 182 УПК РФ в связи с жалобой граждан А. В. Баянана, М. С. Дзюбы и других» // СПС КонсультантПлюс.

² О практике применения законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 29 от 30 июня 2015 г., п. 10. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8439/> (дата обращения: 30.08.2024).

Правоприменительная практика признания нарушенным право на защиту

Вопрос о позиции адвоката и ее согласовании с доверителем не только теоретический, но и практический, иногда влекущий не только отмену приговоров, но и прекращение статуса адвоката. Так, Хамовнический районный суд Москвы согласился с решением палаты о лишении статуса адвоката, который обжаловал приговор вопреки интересам осужденного¹.

Изучение решений судов апелляционной и кассационной инстанций, обзоров судебных практик судов первой инстанции позволяет выделить следующие случаи признания разногласий либо высказываний позиций защитника и подсудимого существенным нарушением права на защиту:

1) подсудимый в ходе судебного разбирательства вину в инкриминируемом преступлении по существу не признал, утверждая, что действовал в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния (необходимой обороны), а защитник в прениях сторон не оспорил доказательства обвинения и квалификацию, высказал суждение о подтверждении вины его подзащитного, его раскаянии в содеянном²;

2) подсудимый в ходе судебного разбирательства, оспаривая квалификацию, приводил доводы о нахождении в состоянии аффекта. Защитник в прениях сторон, а также в поданной апелляционной жалобе указывал,

¹ Решение Хамовнического районного суда города Москвы от 22.05.2024 г. № 2-2226/2024 об отказе в удовлетворении исковых требований Т. к Адвокатской палате о признании незаконным и отменить заключение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты от 17.01.2024; признать незаконным и отменить решение Совета Адвокатской палаты от 29.03.2023 № 039 о прекращении статуса адвоката. Официальный сайт журнала Уголовный процесс [Электронный ресурс]. URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=91834401> (дата обращения: 20.08.2024).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции № 77-88/2024 (№ 77-5943/2023) от 16 января 2024 г. Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=86 (дата обращения: 20.08.2024); Определение Судебной коллегии по уголовным делам № 77-3029/2023 от 22 июня 2023 г. // КонсультантПлюс; Обзор судебной практики по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции за 1 полугодие 2023 г. Официальный сайт Пятого кассационного суда [Электронный ресурс]. URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=23 (дата обращения: 20.08.2024).

что доверитель признал вину полностью, не озвучивал доводы подсудимого, а просил лишь назначить минимально возможное наказание¹;

3) подсудимый в ходе судебного разбирательства вину признал частично и просил переквалифицировать деяние, но защитник в прениях высказал необходимость учесть, что подзащитный полностью признал вину в совершении инкриминируемого обвинением деяния и в содеянном раскаялся (т. е. подтвердил версию обвинения, выступив против позиции подсудимого)²;

4) подсудимый, выступая в прениях, просил его оправдать, а адвокат лишь выразил несогласие с позицией государственного обвинителя относительно вида и размера наказания³, исключения сведений о судимости в связи с ее погашением⁴;

5) в ходе судебного заседания, вопреки позиции подзащитного, адвокат неоднократно заявлял ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для изменения квалификации действий подзащитного и предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления⁵;

6) при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей адвокат высказывал сомнения в ра-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 октября 2022 г. по делу № 7У-11592/2022[77-5343/2022]; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2022 г. № 77-5979/2022. Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=65 (дата обращения: 10.08.2024).

² Обзор судебной практики Приморского краевого суда по уголовным делам за второе полугодие 2017 г. Официальный сайт Приморского краевого суда [Электронный ресурс]. URL: http://kraevoy.prm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=572 (дата обращения: 21.08.2024).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2022 г. № »77-503/2022 (77-5897/2021). Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс] URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=54 (дата обращения: 20.08.2014).

⁴ Обзор судебной практики по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции за 2 полугодие 2023 г. (дело № 77-1170/2023, № 77-1381/2023). Официальный сайт Пятого кассационного суда [Электронный ресурс]. URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=19 (дата обращения: 20.08.2024).

⁵ Обзор судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по уголовным делам за второе полугодие 2019 г. (Определение № 22-1541 от 02.09.2019). Официальный сайт Верховного Суда Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=673 (дата обращения: 25.08.2024).

боте следственных органов¹, мнение о ложности показаний потерпевшего или свидетеля и иные высказывания по оценке доказательств либо их источников, не подлежащие озвучиванию при присяжных заседателях [14];

7) при решении вопроса об отсрочке отбывания наказания в заседании, на котором подсудимая отсутствовала, защитник указал, что ему неизвестна позиция осужденной, поэтому он просит разрешить данный вопрос на усмотрение суда²;

8) неучастие защитника в прениях³;

9) при осуществлении защиты в ходе судебного разбирательства без участия подсудимого, защитник занял позицию, ухудшающую положение осужденного, не указав на необходимость применения льготных правил назначения наказания (ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации)⁴.

В каждом из выявленных случаев обжалования судебного решения в связи с нарушением права на защиту итоговое решение суда первой инстанции было отменено, уголовное дело направлено на новое рассмотрение. Обжалование инициировалось либо прокурором, либо осужденным. На наш взгляд, подача жалобы осужденным на нарушение его права на защиту в связи с неподдержанием позиции защитником в ходе судебного заседания – это один из способов злоупотребления правом, дающим

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 17 октября 2018 г. № 74-АПУ18-9сп // Юридическая информационная система «Легалакт» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17102018-n-74-apu18-9sp/> (дата обращения: 10.08.2024).

² Постановление Девятого конституционного суда № 77-2116/2022 // Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции за второе полугодие 2022 г. Официальный сайт Девятого конституционного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=18 (дата обращения: 20.08.2024).

³ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции № 77-94/2023 от 1 марта 2023 г. Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=69 (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Обзор судебной практики по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции за 2 полугодие 2023 г. (дело № 77-1709/2023). Официальный сайт Пятого кассационного суда [Электронный ресурс]. URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=19 (дата обращения: 20.08.2024).

возможность затягивать сроки разрешения уголовного дела, вступления обвинительного приговора в законную силу, попытка «дотянуть» до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Поэтому полагаем, что в каждом конкретном случае властным субъектам уголовного судопроизводства следует руководствоваться п. 18 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»¹, которая допускает не признавать право обвиняемого на защиту нарушенным, в случае когда ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника «обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса...».

Сложность такого предложения правоприменения видим в множественности подходов к понятию «злоупотребление правом».

Злоупотребление правом на помощь адвокатом-защитником

Вопросы злоупотребления правами участниками со стороны защиты являются предметом многих исследований, в том числе О. И. Даровских², Д. А. Доника³, О. В. Желева⁴. Мнения ученых диаметрально противоположны. Например, А. А. Кушнарев определяет злоупотребление

¹ Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8439/> (дата обращения: 20.08.2024).

² Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 2013. 211 с. EDN: SUYUXJ

³ Доника Д. А. Злоупотребление субъективным правом участниками уголовного процесса в ходе предварительного расследования и уголовно-процессуальные средства его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. 254 с. EDN: YHTSUR

⁴ Желева О. В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2018. 240 с. EDN: OKDLJK

правами как социально вредное, но не противоправное деяние [12], Д. В. Богатырев [3] и О. С. Гузеева [5] полагают, что злоупотребление правом должно влечь юридическую ответственность, в том числе уголовную. Н. А. Колоколов допускает наступление ответственности лишь за противоправное злоупотребление, влекущее причинение вреда участникам возникших правоотношений [9]. Г. М. Резник утверждает, что злоупотребления правом не существует, так как в случае выхода за границы дозволенного совершается правонарушение, которое должно влечь наступление юридической ответственности [15].

Интересна позиция Л. М. Колодкина о том, что попытка определить «злоупотребление правом» через презумпцию недобросовестности и ненадлежащей реализации права субъектом правоотношений [8]. Каждый случай индивидуален и должен быть рассмотрен в отдельности.

Анализ имеющихся точек зрения, результаты ранее проведенных исследований [20, с. 42], позволил предложить следующее определение «злоупотребления правом адвокатом-защитником»: это умышленное недобросовестное действие (бездействие) участника, совершенное под видом реализации своих полномочий по оказанию юридической помощи доверителю из личной заинтересованности, посягающее на должную реализацию своих процессуальных прав или исполнение своих процессуальных обязанностей другими участниками уголовного судопроизводства и (или) не позволяющее достичь назначения уголовного судопроизводства в разумный срок либо влекущее возвращение уголовного дела на новое рассмотрение. Высказывание заведомо ложного суждения адвокатом, противоречащего позиции доверителя, в целях отмены процессуального решения должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело по основанию существенного нарушения права на защи-

ту, должно рассматриваться как нарушение норм КПЭА и ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей. Такой подход поможет ограничить подобные случаи возвращения уголовных дел на повторное рассмотрение в суды первой инстанции в связи с нарушением права на защиту.

Заключение

Таким образом, можно ответить на поставленные в начале статьи вопросы следующим образом:

- дознаватель, следователь, суд должны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, подсудимому необходимость согласовать позицию с адвокатом и право обжалования действий и решений защитника в адвокатскую палату, либо решение об отводе адвоката в суд [17]. Умалчивание адвокатом о нарушениях в ходе проведения следственного действия или при принятии процессуального решения должно рассматриваться как злоупотребление правом, т. е. как умышленное недобросовестное действие (бездействие) участника, совершенное под видом реализации своих полномочий по оказанию юридической помощи доверителю из личной заинтересованности, посягающее на должную реализацию своих процессуальных прав или исполнение своих процессуальных обязанностей другими участниками уголовного судопроизводства и (или) не позволяющее достичь назначения уголовного судопроизводства в разумный срок либо влекущее возвращение уголовного дела на новое рассмотрение;

- согласованность и отсутствие противоречий между адвокатом и доверителем в ходе предварительного и судебного следствия определяется отсутствием у участников возражений, замечаний, ходатайств, а в прениях сторон – в высказывании позиции о виновности или

невиновности, виде и размере наказания и в мотивированности соответствующего мнения должным объемом представленных доказательств;

■ единая позиция между адвокатом и доверителем должна прослеживаться всегда. При возникновении сомнения в согласованности, дознаватель, следователь, суд могут повторно разъяснить право на консультацию и важность единого направления защиты, а в случае необходимости такой консультации – предоставить должное количество времени для ее проведения.

Под «позицией адвоката-защитника» понимаем сформированное суждение на основе предоставленных адвокату для ознакомления дознавателем, следователем, судом материалов уголовного дела, доверителем – документов и информации, а также собранных лично доказательств, согласованное либо учитывающее версию подзащитного об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу и соблюдению общих начал назначения наказания, высказанное в рамках оказания юридической помощи подозреваемому, обвиняемому, подсудимому в целях защиты прав, свобод и интересов доверителя в установленном законом объеме.

Список литературы

1. Багрян А. А. Позиция адвоката-защитника: I. Понятие и проблемы формирования // Закон и право. – 2022. – № 2. – С. 118–122. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-118-122. EDN: KDAMPP
2. Баянов А. И., Гармаев Ю. П., Назаров А. Д. Линия защиты – средство реализации позиции защиты в досудебном производстве по уголовному делу // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 8. – С. 1194–1203. DOI: 10.17516/1997-1370-0922. EDN: KRGZIR
3. Богатырев Д. В. Шикана как форма злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. – 2022. – № 2. – С. 42–45.
4. Воскобитова Л. А. Объемное понимание уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 2. – С. 10–16. EDN: HBUBWT
5. Гузеева О. С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 133–152.

6. Каграманян Д. С. Позиция адвоката – защитника по уголовному делу // Юридическая мысль. – 2006. – № 6 (37). – С. 108–113. EDN: MUQFFL
7. Казарян Э. В. Позиция адвоката по уголовному делу // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2015. – № 1. – С. 198–204. EDN: UHWOBP
8. Колодкин Л. М. Институт «злоупотребления правом» в административном праве: реальность или благое намерение? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 3 (55). – С. 235–238.
9. Колоколов Н. А. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С. 128–141.
10. Кудрявцев В. Л. Проблемы формирования и реализации позиции адвоката-защитника на судебном следствии // Адвокат: информационно-аналитический журнал о практическом применении законодательства. – 2005. – № 4.
11. Кучерена А. Г. Правовая позиция адвоката и оценка им позиции противной стороны // Lex Russica (Русский закон). – 2006. – Т. 65. – № 6. – С. 1191–1197. EDN: HWHTUJ
12. Кушнарев А. А. Причины возникновения злоупотребления правом в процессе осуществления субъективного права // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – № 34. – С. 197–203.
13. Машовец А. О., Никифорова Е. Ю. Позиция защитника и доверителя – доступно ли расхождение? // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 2 (41). – С. 75–80. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-75-80. EDN: WFHVSA
14. Мельчаев А. Нарушения защиты при рассмотрении дела с участием присяжных / Нарушения в уголовном деле, из-за которых отменяют приговор: монография // Уголовный процесс. URL: <https://e.ugpr.ru/viewpdf/981/2020/40212/4/index.html> (дата обращения 20.08.2024).
15. Резник Г. Общей норме о злоупотреблении правом не место в УПК // Адвокатская газета. – 2016. – 30 марта.
16. Соловьев С. А. 10 распространенных ошибок адвоката // Уголовный процесс. – 2019. – С. 16–18.
17. Таран А. С. Судебное обжалование постановления следователя (дознавателя) об отводе адвоката // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5 (16). – С. 167–172. EDN: SPWDAB
18. Францифоров Ю. В., Анненков С. И., Францифоров А. Ю. Юридическая помощь адвоката в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 2 (145). – С. 228–236. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-2-228-236. EDN: LVATGY
19. Френкель С. Б. Коллизия правовых позиций подсудимого и защитника // Альманах молодого исследователя. – 2019. – № 6. – С. 92–95. EDN: VVOXEW
20. Чабукиани О. А. Злоупотребление процессуальными правами и реализация дискреционных прав властными субъектами в досудебном производстве: понятие и соотношение // Закон. – 2024. – № 4. – С. 40–51. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-4-40-51. EDN: HBPIFO

References

1. Bagryan, A. A. (2022) Poziciya advokata-zashchitnika: I. Ponyatie i problemy formirovaniya [The position of a defense lawyer: I. The concept and problems of formation]. *Zakon i pravo – Law and Right*. No. 2. Pp. 118–122. (In Russian). DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-118-122. EDN: KDAMPP

2. Bayanov, A. I., Garmaev, YU. P., Nazarov, A. D. (2022) Liniya zashchity – sredstvo realizatsii pozitsii zashchity v dosudebnom proizvodstve po ugovolnomu delu [The line of defense is a means of implementing the position of defense in pre-trial proceedings in a criminal case]. *ZHurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. Vol. 15, No. 8. Pp. 1194–1203. (In Russian). DOI: 10.17516/1997-1370-0922. EDN: KRGZIR
3. Bogatyrev, D. V. (2022) SHikana kak forma zloupotrebleniya pravom v ugovolnom sudoproizvodstve [Chicane as a form of abuse of law in criminal proceedings]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – Criminal proceedings*. No. 2. Pp. 42–45. (In Russian).
4. Voskobitova, L. A. (2019) Ob"emnoe ponimanie ugovolno-processual'nogo prava [Comprehensive understanding of criminal procedure law]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal proceedings*. No. 2. Pp. 10–16. (In Russian). EDN: HBUBWT
5. Guzeeva, O. S. (2021) Konstitucionnye osnovy ugovolnoj otvetstvennosti za zloupotreblenie pravami i svobodami [Constitutional foundations of criminal liability for abuse of rights and freedoms]. *Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki – Legal sciences*. No. 1. Pp. 133–152. (In Russian).
6. Kagramanyan, D. S. (2006) Pozitsiya advokata – zashchitnika po ugovolnomu delu [The position of a defense lawyer in a criminal case]. *YUridicheskaya mysl' – Legal thought*. No. 6 (37). Pp. 108–113. (In Russian). EDN: MUQFFL
7. Kazaryan, E. V. (2015) Pozitsiya advokata po ugovolnomu delu [The position of a lawyer in a criminal case]. *Social'no-ekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudenciya: teoriya i praktika – Social and economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice*. No. 1. Pp. 198–204 (In Russian). EDN: UHWOBP
8. Kolodkin, L. M. (2012) Institut «zloupotrebleniya pravom» v administrativnom prave: real'nost' ili blagoe namerenie? [The institution of "abuse of law" in administrative law: reality or good intention?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (55). Pp. 235–238. (In Russian).
9. Kolokolov, N. A. (2022) Zloupotreblenie ugovolno-processual'nym pravom: analiziruem sledstvennuyu i sudebnuyu praktiku [Abuse of criminal procedure law: analyzing investigative and judicial practice] *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Bulletin of Economic Security*. No. 3. Pp. 128–141. (In Russian).
10. Kudryavcev, V. L. (2005) Problemy formirovaniya i realizatsii pozitsii advokata-zashchitnika na sudebnom sledstvii [Problems of formation and implementation of the position of a defense lawyer during a judicial investigation] *Advokat: informacionno-analiticheskij zhurnal o prakticheskom primenenii zakonodatel'stva – Advocate: Information and analytical journal on the practical application of legislation*. No. 4. (In Russian).
11. Kucherena, A. G. (2006) Pravovaya pozitsiya advokata i ocenka im pozicii protivnoj storony [The legal position of the lawyer and his assessment of the position of the opposing party]. *Lex Russica (Russkij zakon) – Lex Russica (Russian law)*. Vol. 65, No. 6. Pp. 1191–1197. (In Russian). EDN: HWHTUJ
12. Kushnarev, A. A. (2016) Prichiny vozniknoveniya zloupotrebleniya pravom v processe osushchestvleniya sub"ektivnogo prava [The causes of the abuse of law in the process of exercising a subjective right]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve – Law and order in modern society*. No. 34. Pp. 197–203. (In Russian).
13. Mashovec, A. O., Nikiforova, E. YU. (2024) Pozitsiya zashchitnika i doveritelya – dopustimo li raskhozhdeniye? [The position of the defender and the principal – is a discrepancy acceptable?]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Law and order: history, theory, practice*. No. 2(41). Pp. 75–80. (In Russian). DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-75-80. EDN: WFHVSA

14. Mel'chaev, A. Narusheniya zashchity pri rassmotrenii dela s uchastiem prisyazhnyh [Violations of the defense during the trial with the participation of a jury]. *Ugolovnyj process – Criminal Process*. URL: <https://e.ugpr.ru/viewpdf/981/2020/40212/4/index.html> (accessed 20 August 2024). (In Russian).
15. Reznik, G. (2016) Obschcej norme o zloupotreblenii pravom ne mesto v UPK [The general rule on abuse of law has no place in the CPC]. *Advokatskaya gazeta – Advocate newspaper*. (In Russian).
16. Solov'ev, S. A. (2019) 10 rasprostranennyh oshibok advokata [10 common mistakes of a lawyer]. *Ugolovnyj process – Criminal procedure*. Pp. 16–18. (In Russian).
17. Taran, A. S. (2014) Sudebnoe obzhalovanie postanovleniya sledovatelya (doznavatelya) ob otvode advokata [Judicial appeal of the investigator's (inquirer's) decision to dismiss a lawyer]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal – Criminologist's Library. Scientific Journal*. No. 5 (16). Pp. 167–172. (In Russian). EDN: SPWDAB
18. Franciforov, YU. V., Annenkov, S. I., Franciforov, A. YU. (2022) YUridicheskaya pomoshch' advokata v ugovnom sudoproizvodstve [Legal assistance of a lawyer in criminal proceedings]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*. No. 2 (145). Pp. 228–236. (In Russian). DOI: 10.24412/2227-7315-2022-2-228-236. EDN: LVATGY
19. Frenkel', S. B. (2019) Kolliziya pravovyh pozicij podsudimogo i zashchitnika [The conflict of the legal positions of the defendant and the defender]. *Al'manah mladogo issledovatelya – Almanac of the Young Researcher*. No. 6. Pp. 92–95. (In Russian). EDN: VVOXEW
20. CHabukiani, O. A. (2024) Zloupotreblenie processual'nymi pravami i realizaciya diskrecionnyh prav vlastnymi sub'ektami v dosudebnom proizvodstve: ponyatie i sootnoshenie [Abuse of procedural rights and exercise of discretionary rights by powerful subjects in pre-trial proceedings: concept and correlation]. *Zakon – Law*. No. 4. Pp. 40–51. (In Russian). DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-4-40-51. EDN: HBPIFO

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Чабукиани Оксана Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0035-4469, e-mail: oksana_kartohina@mail.ru

Шепелёва Ольга Ринатовна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-4972-1527, e-mail: zaripova_or@mail.ru

About the authors

Oksana A. Chabukiani, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0035-4469, e-mail: oksana_kartohina@mail.ru

Olga R. Shepeleva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0004-4972-1527, e-mail: zaripova_or@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.09.2024

Принята к публикации: 01.11.2024

Опубликована: 24.12.2024

Received: 17 September 2024

Accepted: 01 November 2024

Published: 24 December 2024

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Ленинградский юридический журнал»

ПРИ ОТПРАВКЕ файла присваивается имя типа "Иванов_статья".

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья / Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья / Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение / Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

4. Определите шифр ВАК согласно номенклатуре научных специальностей: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892>

5. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

6. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. **NB!** В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. *Пример:* Notary's Role in the Procedure of Purchase and Sale Turnover of Residential Premises Under Russian and Syrian Legislation.
- **Аннотация** имеет следующую структуру:
В первом абзаце «Введение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) кратко обосновывается актуальность статьи. *Во втором абзаце* «Результаты» необходимо изложить 3–5 основных положений, раскрываемых в статье, например: 1. Проанализировано... 2. Рассмотрено... 3. Обосновано... Не допускается копирование фраз из основного текста статьи. *В третьем абзаце* «Заключение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- Слова и словосочетания «Введение», «Результаты» и «Заключение» в аннотации не пишутся, в алгоритме приводятся для структурирования текста. Рекомендуемый объем аннотации – 500 знаков с пробелами.
- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 абзаца. Обосновывается актуальность исследования и формулируется современное состояние проблемы.
- **Результаты**
В тексте основного исследования **необходимо** сделать 3–5 тематических рубрик в зависимости от содержания статьи, например:
 1. Дискуссионность положений доказательственного права;
 2. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве;
 3. Этапы юридической квалификации;
 4. Стандарт доказывания.Слово "Результаты" в теле статьи набирается в том случае, если автор не имеет возможности использовать тематические рубрики.
- **Заключение.** Рекомендуемый объем 2–3 абзаца. Подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. **NB!** НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). К каждому источнику необходимо указывать код EDN при его наличии (его можно узнать на странице публикации eLIBRARY.RU вверху страницы).

- **Информация об авторе.** После списка литературы необходимо указать следующие данные на русском и английском языках: ФИО (полностью); ученая степень; ученое звание; полное название организации без указания организационно-правовой формы; город; страна; идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>); e-mail.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00 %

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисовочная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Особенности написания сокращения «г.» (город) в тексте статьи и в сведениях об авторе

- Сокращение «г.» не указывается при упоминании трёх городов федерального значения: *Москва, Санкт-Петербург, Севастополь.*
- Сокращение «г.» не указывается при упоминании иностранных городов и столиц: *Венеция, Париж, Берлин, Астана, Ташкент, Минск.*
- Сокращение «г.» не указывается при упоминании городов, в названии которых есть «-град», «-город», «-бург»: *Белгород, Калининград, Екатеринбург, Шлиссельбург.*
- Во всех остальных случаях сокращения «г.» рекомендуется указывать: *г. Вологда, г. Саранск, г. Краснодар, г. Новосибирск, г. Киров.*

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %. В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе «Авторам» на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/leningradskiy-yuridicheskij-zhurnal/avtoram-4>

Статья, оформленная в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляется в электронном виде на e-mail редакции: lenjurmag@lengu.ru

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (78)
2024

Редактор **Т. Г. Захарова**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 24.12.2024. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 13. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 2001

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru